

Chants des paysans de la Grande Russie, recueillis
et transcrits des phonogrammes par Eugénie Lineff.

ВЕЛИКОРУССКІЯ ПѢСНИ
ВЪ НАРОДНОЙ ГАРМОНИЗАЦІИ.

ЗАПИСАНЫ

Е. ЛИНЕВОЙ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТЕКСТЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АКАДЕМИКА В. Е. НОРША.

ВЫПУСКЪ II.

ПѢСНИ НОВГОРОДСКІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1909 года. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *В. Голицынъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

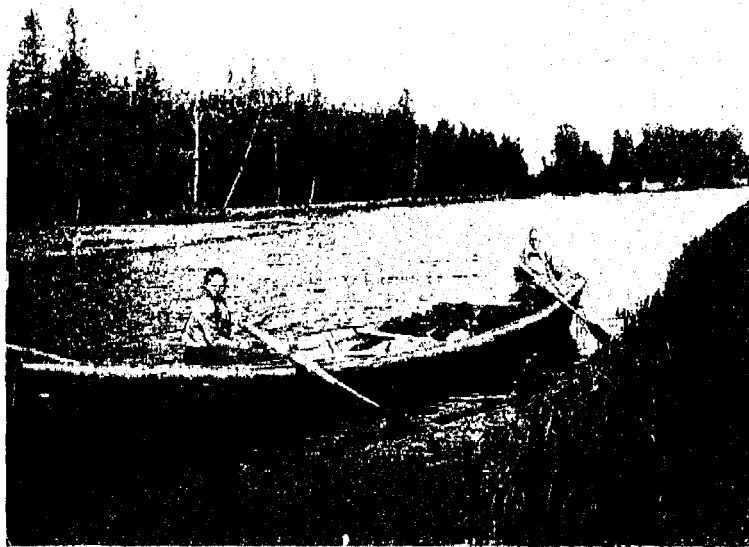
Предисловіе:	СТР.
Новгородскіе пѣвцы и пѣсни. Выборъ мѣстности. Неожиданная финансовая помощь изъ Америки. М-ръ Чарльзъ Крэнъ	I
Череповецъ и его культурное значеніе. Причитальница А. Е. Пошехонова. — Поѣздки въ Доронино и Мѣлату. Пѣсельникъ Н. Евдокимовъ и причитальница Анна Герасимова. — Г. А. Прохоровъ. Его оцѣнка правильности пѣсни. Феоктистовы.	III
Отношеніе пѣвцовъ къ своимъ пѣснямъ и къ собранію ихъ. — Старая Ерга. Бабушка Ирина. — Чукша. Сторожъ Константинъ и его строгое начальство. — Пелагея Матвѣевна. — Хмѣлина и Воротишино Уломской волости. Братья Глуховы и Иванъ Фабришный. — Братья Пудовы. Юмористическая пѣснь «Вавила» и Воротишинская молодежь	XIII
Опять Череповецъ. Поѣздка въ Андогскую волость. — Смѣшково. Слѣпой дѣдушка Зиновій и Проконій Коротковы. Пелагея Короткова.	XXV
Бѣлозерскъ. Свѣздъ сельскихъ учителей. Совѣты учителей. Поѣздка въ д. Перкумь. Причитальница Матрена и Марья Климова. — Горка (Каменево тожъ) и Горки (Борисово). — Новая Старина. Степанъ Китовъ и его пѣніе. Неудача въ Ломенской и Шольской волости. Страдное время и вынужденный перерывъ . . .	XXVIII
Прѣздъ въ Кирилловскій уѣздъ осенью. Горицкій женскій монастырь. — Монастырь Нилы Сорскаго. Неудачная запись монаховъ. — Лицинь Боръ и пѣвецъ Лаврентій Дмитріевъ. — Андреевка. Игнатій Тимофѣевъ. Поселокъ «Попово». — Нестерово. Пѣвецъ Асинкрить Малыгинъ. — Родники. — Чарондское озеро. — Мережино. Лаврентій Семеновъ.	XXXIV
О способахъ собранія пѣсенъ.	XLIII
О музыкальномъ строеніи народной пѣсни на основаніи Новгородскихъ пѣсенныхъ образцовъ.	XLVIII
Оригинальныя народныя выраженія и замѣчанія о пѣніи	LXXVII

Иллюстраціи:

1. Перевозчицы на р. Шолѣ, Бѣлозерскаго уѣзда	I
2. А. Е. Пошехонова	IV
3. Г. А. Прохоровъ	X
4. Братья Глуховы и Иванъ Фабришный	XIII
5. Братья Пудовы и жена Петра Пудова	XXIV
6. Молодежь въ Смѣшковѣ	XXVIII
7. Конная тяга на Бѣлозерскомъ Каналѣ	XXXIII
8. Регентъ и пѣслушникъ Монастыря Нила Сорскаго	XXXV
9. Лаврентій Дмитріевъ и его жена	XXXVII
10. Дѣдушка Зиновій Коротковъ	XL
11. Асинкрить Малыгинъ	XL
12. Диаграмма пѣсни «Лучинушка», 4 варианта	LVI
13. Диаграмма пѣсни «Калинушка съ малинушкой», 3 варианта	LVII

Пѣсни протяжныя:	стр.
1. Горы (дер. Ельнинская, Череповецкаго уѣзда)	1
2. Лучинушка (дер. Новая Старина, Бѣлозерскаго уѣзда)	3
3. Лучина, лучинушка (дер. Ананьина, Бѣлозерскаго уѣзда)	7
4. Лучинушка (дер. Андреевка, Лѹнсара, Кирилловскаго уѣзда)	9
5. Не одна во полѣ дороженька (дер. Хмѣлина, Череповецкаго уѣзда)	12
6. Во полѣ дорожка (дер. Ельнинская, Череповецкаго уѣзда)	15
7. Ахъ, не одна во полѣ дорожка (дер. Новая Старина, Бѣлозерскаго уѣзда)	16 ^a
8. Смирѣпная бесѣдушка (село Ивановское, Череповецкаго уѣзда)	17
9. Калинушка съ малинушкой (дер. Мережино, Кирилловскаго уѣзда)	19
10. Калинушка (дер. Смѣшкова, Череповецкаго уѣзда)	21
11. Подуй, повѣй погодка (дер. Мѣлата, Череповецкаго уѣзда)	24
12. Подлѣ рѣчки, на бережку (дер. Лицинь Боръ, Кирилловскаго уѣзда)	28
Свадебныя:	
13. Какъ при вечерѣ то, вечерѣ (дер. Воротишино [Улома], Череповецк. уѣзда)	30
14. При вечерѣ, вечерѣ — 2-ой вариантъ (дер. Сюрмень, Бѣлозерскаго уѣзда)	33
15. Свадебный причетъ — послѣ бани (дер. Сюрмень, Бѣлозерскаго уѣзда)	36
Историческія:	
16. Какъ во славномъ то во городѣ, во Астрахани (дер. Горки, на Судѣ, Бѣлозерскаго уѣзда)	38
17. Ванька Ключничекъ (дер. Воротишино, Кирилловскаго уѣзда)	40
18. Ужъ ты поле мое, поле чистое (дер. Мѣлата, Череповецкаго уѣзда)	45
19. Ахъ, ты поле мое, поле чистое (село Ивановское, Череповецкаго уѣзда)	47
Солдатскія - Историческія:	
20. Поле чистое, турецкое (дер. Мережино, Кирилловскаго уѣзда)	50
21. Во Кистринѣ было городѣ (дер. Мѣлата, Череповецкаго уѣзда)	52
Семейная:	
22. Стояла березышка (село Ивановское, Череповецкаго уѣзда)	54
Бытовая:	
23. За оверье, во сторонѣ (дер. Трофимова, Кирилловскаго уѣзда)	59
Юмористическая:	
24. Вавила (дер. Воротишино, Череповецкаго уѣзда)	62

Первый листъ предисловія ко II выпуску «Великорусскихъ пѣсенъ» былъ уже отпечатанъ, когда была получена печальная вѣсть о кончинѣ бывшаго Секретаря Имп. Русскаго Географическаго Общества А. В. Григорьева. Александръ Васильевичъ, такъ горячо сочувствовавшій собиранію народныхъ пѣсенъ въ Новгородской губ., скончался осенью 1908 г. къ великому прискорбію вѣсть его друзей и товарищей по дѣлу, до выхода въ свѣтъ этой книги. Русская наука потеряла въ немъ одного изъ своихъ искреннихъ и талантливыхъ представителей.

Перевозчицы на р. Шолѣ, Бѣлозерск. уѣздѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Четыре года тому назадъ вышелъ первый выпускъ Великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ мною при помощи фонографа¹⁾. Это былъ первый опытъ записи многоголосной пѣсни безъ измѣненій, въ той формѣ, какъ она поется народными пѣвцами, съ сохраненіемъ мелодическаго и гармоническаго или контрапунктческаго рисунка пѣсни, ея ритмическихъ и тональных особенностей. Въ первый выпускъ вошли образцы фонографическихъ записей сдѣланныхъ въ различныхъ губерніяхъ — Воронежской, Тамбовской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Владимірской и одной пѣсни Новгородской губерніи. Предлагаемый II-ой выпускъ содержитъ исключительно пѣсни Новгородскія, записанныя тѣмъ же фонографическимъ способомъ въ трехъ уѣздахъ Новгородской губерніи — главнымъ образомъ въ Череповецкомъ, частью въ Бѣлозерскомъ и Кирилловскомъ²⁾.

Мысль о поѣздкѣ за пѣснями въ Новгородскую губернію мнѣ удалось осуществить еще лѣтомъ 1901 года, но разнообразныя обстоятельства мѣшали до сихъ поръ выходу собраннаго матеріала въ свѣтъ.

Многіе опытные и осторожные люди предостерегали меня отъ поѣздки

1) «Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи», записаны Е. Лиевой. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ I, С.-Петербургъ, 1904 г.

2) Отрывки изъ «Предисловія» ко II выпуску были прочитаны въ видѣ доклада въ соединенномъ засѣданіи Этногр. Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. и Муз. - Этногр. Комиссіи, 3 мая, 1902 года.

за пѣснями въ Новгородскую губернію, какъ отъ рискованнаго предпріятія, указывая на близость Новгородской губерніи къ Петербургу, на вліяніе «питерцевъ», которые приносятъ изъ столицы новыя вѣянія, новыя пѣсви. Только одинъ человекъ, а именно А. В. Григорьевъ, бывший секретарь Имп. Географическаго Общества въ Петербургѣ, поддерживалъ меня въ моемъ намѣреніи и совѣтовалъ мнѣ ѣхать, говоря, что Новгородская губернія въ музыкальномъ отношеніи совсѣмъ не изслѣдована и что, навѣрцо, въ тихихъ углахъ ея еще сохранились стариныя оригинальныя пѣсни. И, дѣйствительно, глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ былъ правъ; низкій поклонъ ему за совѣтъ.

Коллекція пѣсенъ, которую мнѣ удалось записать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи, представляетъ большой интересъ. Нѣкоторыя пѣсни сохранились въ такой чистотѣ и цѣльности, что могутъ служить благодарнымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ теоретическихъ выводовъ объ основахъ народной пѣсни. Вообще, несмотря на многія неудобства и трудности, которыя пришлось преодолѣть, я ни минуты не раскаивалась въ томъ, что рискнула предпринять это путешествіе, хотя на первый взглядъ, оно не обѣщало вознаградить ни затраченный на него трудъ, ни расходы.

Средства на это путешествіе нашлись совершенно неожиданнымъ образомъ. Еще во время моей поѣздки въ Америку въ 1893—96 годахъ мнѣ удалось познакомиться въ Нью-Йоркѣ съ однимъ американцемъ—Чарльзомъ Крэнномъ, большимъ любителемъ русской литературы и музыки, въ особенности русской народной пѣсни. Онъ посѣщалъ необыкновенно усердно наши концерты народной пѣсни въ Нью-Йоркѣ, и члены хора передъ началомъ концерта всегда заботливо справлялись, сидитъ ли на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ первомъ ряду, мистеръ Крэнъ. Его интересная фигура съ блѣднымъ, вдумчивымъ лицомъ и глубокими, выразительными глазами, изображавшими сосредоточенное вниманіе, казалось вдохновляла на хорошее исполненіе. Въ 1893 году хоръ былъ приглашенъ на Колумбійскую выставку въ Чикаго. Контрактъ былъ уже заключенъ, но управленіе выставки не хотѣло взять на себя предварительные расходы по поѣздкѣ. Переѣздъ же изъ Нью-Йорка въ Чикаго сорока человекъ и содержаніе ихъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца требовали затраты крупной суммы. Весьма вѣроятно, что поѣздка хора въ Чикаго разстроилась бы, еслибы мистеръ Крэнъ не предложилъ помочь своимъ вліяніемъ въ одномъ изъ мѣстныхъ банковъ, который открылъ намъ кредитъ, на основаніи заключеннаго съ управленіемъ выставки контракта. Вотъ на этой почвѣ и возникла спорная сумма, которая, на мой взглядъ, принадлежала мистеру Крэнну; онъ же утверждалъ, что

нѣтъ. Когда я послала ему эту сумму изъ Петербурга въ Чикаго, мистеръ Крэнъ не согласился ее взять, а, удвоивъ, отправилъ председателю Географическаго Общества, П. П. Семенову, назначивъ ее спеціально на дѣло собранія пѣсенъ. С.-Петербургская пѣсенная комиссія, по инициативѣ А. С. Танѣева, предоставила ее мнѣ.

Такимъ неожиданнымъ образомъ явилась возможность осуществить поѣздку въ Новгородскую губернію, и весною 1901 года, въ концѣ мая, я двинулась изъ Петербурга на Рыбинскъ, гдѣ сѣла на пароходъ по Шекснѣ, а черезъ нѣсколько дней, именно 30 мая, была уже въ Череповцѣ, уѣздномъ городѣ, который мнѣ совѣтовали сдѣлать центромъ поѣздокъ по Череповецкому уѣзду.

Череповецъ — маленькій городокъ, утопающій въ зелени садовъ и бульваровъ, почти безъ мостовыхъ, съ деревянными «кладочками» вмѣсто тротуаровъ, въ то время (въ 1901 году) имѣлъ 6 тысячъ жителей, изъ которыхъ, какъ мнѣ говорили мѣстные сторожилы, болѣе половины составляли учащіе и учащіяся. Въ Череповцѣ есть техническое училище, духовная семинарія, женская гимназія, общество трезвости, Соляной Городокъ или Народный домъ, общественная библіотека. «Намъ недостаетъ только университета», говорятъ здѣшніе жители.

На первый взглядъ Череповецъ кажется крошечнымъ царствомъ интеллигенціи, обособленнымъ отъ округи — деревень. Только позднѣе, при ближайшемъ знакомствѣ съ деревенскимъ населеніемъ уѣзда, выясняются невидимыя нити, связывающія его съ Череповцемъ, и дѣлается понятной роль «столицы» уѣзда. Помимо своего экономического значенія, какъ мѣста сбыта деревенскихъ продуктовъ, Череповецъ несомнѣнно служитъ культурнымъ центромъ для всей округи. Завѣтной мечтой каждаго способнаго крестьянскаго мальчика въ окрестныхъ деревняхъ является Череповецкое техническое училище, гдѣ около половины учащихся — крестьяне. Доступности училища для крестьянскихъ дѣтей способствуетъ невысокая, сравнительно, плата; возможная для зажиточнаго крестьянина, отсутствіе преподаванія иностранныхъ языковъ и практическое значеніе школы — оттуда выходятъ, по выраженію крестьянъ, «человѣкомъ съ бумажкой», помогающей получить мѣсто мастера, слесаря, чертежника и т. п., на жалованіе отъ 50—100 р. въ мѣсяць.

Вотъ именно эта роль Череповца, какъ культурнаго центра для всей «округи», заставляла меня опасаться, что предсказанія скептиковъ могутъ сбыться, и я не найду здѣсь никакихъ старинныхъ пѣсенъ, которыя, казалось мнѣ на основанія прошлаго опыта, сохранились только въ глухихъ мѣстностяхъ, куда не проникла еще наша цивилизація, вносящая много

хорошаго, новаго, но незамѣтно стирающая съ лица деревни многія, драгоценныя по своей оригинальности, черты старины. Пораздумала я, вспомнились мнѣ мудрыя слова «ищите и обряцете», и, несмотря на плохія предзнаменованія, рѣшила остаться въ Череповцѣ для развѣдокъ. Скоро обстоятельства сложились неожиданно благоприятно. Благодаря моей квартирной хозяйкѣ, Е. И. Маховой и учителю технического училища, Л. В. Афетову, которые отнеслись съ живымъ интересомъ къ дѣлу собиранія пѣсенъ, я познакомилась съ двумя личностями изъ крестьянской среды, хорошо знавшими народную пѣсню. Цѣнныя свѣдѣнія, которыя я отъ нихъ получила, во многомъ содѣйствовали выясненію важнаго вопроса, какъ складываются въ народѣ причеты, пѣсни и ихъ варіанты. Личности эти — Анисья Елизаровна Пошехонова, старуха лѣтъ за 60, съ очень слабымъ голосомъ, но обладающая замѣчательной способностью складывать причеты на разные случаи жизни, и Григорій Александровичъ Прохоровъ, нѣсколько моложе ея, хорошій теноръ-запѣвала и такой знатокъ народной пѣсни, какого мнѣ не приходилось еще встрѣчать.

А. Е. Пошехонова.

Анисья Елизаровна исполняла нѣкоторыя порученія моей квартирной хозяйки, Е. И. Маховой, а во время отсутствія послѣдней сторожила квартиру, такъ что по нѣскольку дней мы оставались съ ней вдвоемъ, вмѣстѣ обѣдали или пили чай, что облегчало наше сближеніе.

А. Е. небольшого роста старушка, съ грустнымъ лицомъ, блѣднымъ и морщинистымъ, на которомъ лежитъ тѣнь заботы и горя. Многое изъ своей жизни рассказывала она мнѣ во время нашихъ чаепитій. Въ городѣ она живетъ не по своей волѣ, а съ любимымъ изъ своихъ сыновей, которой находитъ деревенскую работу слишкомъ трудной и ушелъ изъ деревни въ швейцары Соляного Городка (Череповецкій Народный домъ).

Анисья живетъ вмѣстѣ съ нимъ, терпитъ всевозможныя неудобства, хозяйство ея въ деревнѣ заброшено, домъ стоитъ пустой. Другой ея сынъ ушелъ въ Питеръ и бросилъ семью, жену и шестерыхъ маленькихъ дѣтей. Намѣревался заработать что нибудь и присылать деньги семьѣ, но такъ затянулся въ Питерѣ, что высылать ему нечего. Получаетъ всего 10 рублей жалованья (онъ швецъ), а вернуться безъ денегъ совѣстно. Рассказываетъ Анисья необыкновенно живо, приковываетъ вниманіе слушателя своею искренностью, трогаетъ глубиной чувства. Она и сама точно переживаетъ то, что рассказываетъ; разговоръ ведетъ, будто тотъ человѣкъ, про котораго она рассказываетъ, сидитъ

здѣсь, съ нею. Исторію сына, ушедшаго въ Питеръ и покинувшаго семью, она рассказывала плача, плакала и когда диктовала мнѣ письмо къ нему: «Милый сынъ», говорила она съ такимъ чувствомъ, какъ будто онъ стоялъ передъ ней, «пишу тебѣ послѣднее письмо, — вернись. Посылаю тебѣ образокъ Николая Чудотворца — неоцѣненное благословеніе матери; онъ тебя подкрѣпитъ на трудномъ пути. Вспомни объ своихъ малыхъ дѣткахъ, будь имъ отцомъ; въ нуждѣ они, въ гризи живутъ, хлѣбушка просятъ, а хлѣбушка не хватаетъ, купить не на что. Вернись, сыпockъ, будь отцомъ своимъ дѣтямъ. Больше писать тебѣ не стану, сказать больше нечего, и теперь, что пишу, насилу въ слезахъ выговариваю». Диктуя это, она заливалась слезами. А. Е. обладаетъ, повидимому, большою душевною чуткостью и живымъ воображеніемъ — необходимыя качества поэтическаго дарованія. Первый свой причетъ Аписья сложила еще при выходѣ замужъ. Она шла за «нелюбого», не по своей волѣ и высказала всѣ свои чувства въ причетѣ. «Обдумала все, да и сказала, отвела душу», говорила она мнѣ.

Вотъ этотъ причетъ:

Къ брату, передъ свадьбою, въ послѣдній день.

Не торопитесь, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Погодите, вы, лебеди бѣлыя,
Выходить изъ-за столовъ, изъ-за дубовыхъ.
Ахъ, дайте мнѣ, да красной дѣвицѣ,
Дайте мнѣ да въ очи ¹⁾ видѣти
Сокола да брата милаго,
Единокроннаго, единоутробнаго,
Свѣтъ Степана Елизаровича.
Подойди-тко, братецъ миленькій,
Ко столу, да ко дубовому,
Ты ко мнѣ, да красной дѣвицѣ.
Ты послушайся, да братецъ миленькій,
Ты меня да красну дѣвицу,
Что тебѣ я, красна дѣвица,
Говорить буду, наказывать.
Ты возьми-тко тесмяину узду,
Ты сходи, да братецъ миленькій,
Ты сходи да на широкій дворъ,
Какъ обратай коня добраго,
Добраго коня, ѣзжалаго.
Ужъ ты съѣзди, братецъ миленькій,
Въ славный городъ во Череповецъ,
Ты купи, да братецъ миленькій,
Гербовой да листъ бумажечки ²⁾.
Нашиши-тко, братецъ миленькій,
Ужъ ты скорую отказную

Отъ меня, отъ красной дѣвицы.
Ты сходи-ка, братецъ миленькій,
Ты ко этимъ, ко чужимъ людямъ,
Ты войди-тко, братецъ миленькій,
Безъ допросу во широкій дворъ,
Безъ доклада въ темну тѣмницу.
Какъ во этой темной тѣмницѣ,
Не молишь ко Господу Богу,
Ты не бей челою, не клапайся,
Какъ ты этимъ злымъ чужимъ людямъ.
Ты положи-ка, братецъ миленькій,
Ужъ ты скорую отказную
Ты на ихній на дубовый столъ,
Ты скажи-тко, братецъ миленькій,
Грубно слово, всхорощее:
«Вотъ, возьмите, злы чужи люди,
Вотъ вамъ скорая отказная
Отъ голубушки, милдой сестры:
У насъ нѣту дѣвушки на возрастѣ,
Нѣтъ невѣсты запросватанной».
Мы бъ съ тобой, да братецъ миленькій,
Стали-бъ жить да все по старому,
Работать да все по прежнему,
За тебя бы, братецъ миленькій,
Я была бы, красна дѣвица,
Ночная богомольница,
Я денная попечальница.

1) ч выговариваютъ какъ среднее между ч и ч.

2) Проианосится по нѣстному говору «гумага», «гумажечка».

Послѣ просватанья.

Богъ судья, кормилецъ батюшка,
 Богъ судья, родима матушка,
 Не дали да красной дѣвицѣ,
 До любя да насидѣтися ¹⁾,
 До охоты нагулятися,
 Цвѣтнаго платья наноситися,
 Миѣ дополнить лицо бѣлое,
 Миѣ дорѣстить да русу косу
 До одинаго до волоса,
 Такъ и что я красна дѣвица
 Со годамъ да не сверсталася,
 Съ умомъ разумомъ да не собралася.
 У меня у красной дѣвицы
 Какъ мое да лицо бѣлое
 Что берестичко лежалое,
 Лежалое, годовалое.
 Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь,
 Мой кормилецъ, сударь - батюшка,
 Государыня моя матушка,
 Какъ и миѣ, да красной дѣвушкѣ,
 Какъ миѣ эти да чужи люди:
 Виѣсто ножа они миѣ востраго,
 Востровъ ножа булатного.
 Ужъ какъ я, да красна дѣвица,
 До того, да прежде этого,
 Я ходила, красна дѣвица,
 По широкой да по улицѣ,
 Такъ у меня у красной дѣвицы

Не глядѣли очи ясныя
 На ихнюю тѣмну тѣмницу,
 На темную потюремщицу.
 Мой кормилецъ, сударь батюшка,
 Государыня ты матушка,
 Погляди, да сударь батюшка,
 Государыня ты матушка,
 У меня у красной дѣвицы
 Не жемчугъ, да горючі слезы,
 Не бумага ²⁾ — лицо бѣлое.
 Какъ ужъ вьюсь я увиваюся,
 Шелковымъ клубомъ катаюся,
 Со голубушкамъ подруженькамъ,
 Съ верстной ровнюшкой великою.
 Какъ у васъ, мои голубушки,
 Жалостливы отцы, матери,
 Вамъ даютъ, сестрицы милыя,
 До любя да насидѣтися,
 До охоты нагулятися,
 Цвѣтнаго платья наноситися,
 Вамъ дорѣстить да русу косынку
 До одинаго до волоса,
 До шелковаго до пояса.
 Какъ у меня-то, красной дѣвицы,
 Руса коса расплетается,
 Алы ленты развѣваются,
 Что померкли очи ясныя
 Что потускли щеки алыя. Охъ ³⁾

Когда въ баню (баеньку) ведутъ, родителямъ причитываютъ.

Мой кормилецъ, сударь батюшка,
 Наряди да слугу вѣрную,
 Ты посылочку да скорую,
 Источить да теплу баеньку;
 Чтобы была да тепла баенька
 Въ головѣ да не угарчива,
 Къ бѣлу тѣлу не припарчива;
 Миѣ сходить да красной дѣвицѣ,

Миѣ во теплую во баеньку,
 Во теплую, да паропитую,
 Со голубушкамъ, подруженькамъ,
 Не со стадомъ лебединымъ,
 Лебединымъ да гулливымъ.
 Миѣ посмыть да горе кручину,
 Со бѣла лица слезиночку,
 Съ ретива сердца кручинушку.

Когда выйдутъ изъ бани.

Тебѣ спасибо, тепла баенька,
 Бѣло больно меня вымыла,
 Не по старому, не по прежнему.
 Я не смыла, красна дѣвушка,
 Со бѣла лица слезиночки,
 Съ ретива сердца кручинушки.

Вдвое, втрое горя прибыло
 У меня у красной дѣвицы.
 Ахти, миѣ-тюшки тошнехонько
 Моему сердцу ретивому.
 Ахъ, во этой теплой баенькѣ,
 Гдѣ сидѣла красна дѣвица,

1) Произносится — «наседитися».

2) Произносится по мѣстному говору «гумага», «гумажечка».

3) Послѣ каждой строки невѣста (иногда вмѣстѣ съ подругами) раздирающимъ душу голосомъ «охаеетъ» и рыдаетъ. «Охаешь то люто — такъ всѣ навзрыдь», говорила миѣ А. Е.

Выростай береза бѣлая,
Гдѣ лежалъ да частый гребешокъ,
Выростай да часть ракиговъ кустъ.
Да гдѣ кидала русы волосы,
Выростай трава шелковая.
Видно, отъ меня, отъ красной дѣвицы,
Отошла да воля вольная,
Отошла да покатилася;
Погляжу я красна дѣвица
Ей во слѣдъ да волѣ вольной;

Куда пошла да воля вольная?
Во которую сторонушку?
Въ которую путь-дороженьку?
Вижу, пошла да воля вольная
По чисту полю куницею,
По подлѣсьицу лисицею,
Какъ навстрѣчу волѣ вольной
Попадаетъ неволюшка великая;
Воля неволѣ поклонилася,
А воля прочь да отшатилася.

Анисья говорила мнѣ, что до того нелюба ей была вся семья, въ которую ее выдавали замужъ, что она спокойно не могла смотрѣть на ихъ домъ, проходя мимо, и не стѣсняясь называла его «темной тѣмницей». Позднѣе она примирилась со своей участью, съ мужемъ жила дружно, а въ семьѣ пользовалась уваженіемъ и любовью. «И вотъ, поди ты», говорила она, «никто меня никогда не попрекнулъ, ни золовки, ни мужъ, ни разочку. А ужъ я ли имъ всего не выложила, что на душѣ было».

Вѣроятно задумчивость, которой были проникнуты всѣ рассказы Анисьи, ея вдумчивое отношеніе къ явленіямъ жизни дѣлали эти рассказы такими живыми, придавали имъ яркость, пластичность. Помню, какъ-то разъ она спросила: «Можно ли поминать за здравіе или за упокой людей не нашей вѣры»; «ну, вотъ хоть бы, старовѣровъ поминать нельзя». Я сказала, что увѣрена, что всѣхъ поминать можно; что передъ Богомъ всѣ равны, что раздѣленіе церквей и разныя несогласія въ дѣлахъ вѣры выдуманы людьми.

Она задумалась и сказала: «Ахъ, кабы такъ... Большая бы у меня тягость съ души спала. Ужъ такъ я мучаюсь за брата, что померъ прошлымъ лѣтомъ, такъ мучусь, что рассказать не можно».

Она заплакала, а я стала спрашивать и вотъ что она рассказала:

«Пилъ онъ много. Былъ праздникъ у насъ на деревнѣ и онъ дня три гулялъ. На четвертый день опохмѣлился. Горѣло у него, должно быть въ нутрѣ, онъ и выпей ковшъ квасу холоднаго. И выступило у него распаленіе мозгу. Скоро и память терять сталъ, то узнаетъ жену, то нѣтъ; то ясно говорить, то смутно. Послали за священникомъ. Пришелъ. «Нельзя», говоритъ, «ему исповѣдаться, его надо въ сумашедшій домъ». Ну, какъ же, сама посуди, человекъ умираетъ, а онъ—въ сумашедшій домъ. Мы всѣ его просить стали. Ни за что; на своемъ стоитъ: «нельзя, да нельзя». Такъ и ушелъ. Ни исповѣди не далъ, ни причастья. Вся семья на работу разошлась, дѣло было лѣтнее. Лежитъ братъ одинъ одинешенекъ, только я съ нимъ сижу, плачу. У него глаза закрыты, а видно по лицу, что мученіе терпитъ. «Желанный мой, братецъ мой миленькій», говорю, «долго ли ты страдать долженъ. Отпуститъ ли Господь нашъ, что муку за грѣхи наши претерпѣлъ, душеньку твою; ослобонитъ ли?» А онъ, какъ лежалъ, такъ

головой покачалъ; нѣтъ, молъ. Понялъ. Вѣдь онъ, може, и что священникъ говорилъ, понялъ, потому не совсѣмъ онъ еще память потерялъ. Чтò помнилъ, чтò зналъ, а что нѣтъ. Покачалъ такъ головой и покатались у него слезы. Въ ту пору дочь его вернулась съ поля — навозъ возила, легла на печку отдохнуть; а тутъ и жена его пришла, и сынъ, всѣ на работѣ были. Я имъ говорю: «Становитесь всѣ на колѣни, просите до 40 разъ Пресвятую Богородицу, чтобы отпустились Степану грѣхи его. Авось она, Заступница, вымолитъ ему у Господа Бога прощеніе, авось Господь нашъ милосердный освободитъ его душеньку». Стали мы всѣ вмѣстѣ молиться. Такъ что жъ ты думаешь? Кто и до 40 разъ не дошелъ, а ужъ отлетѣла его душенька, успокоился. Такъ вотъ и не знаю, ладно-ли я дѣлаю, что брата больше другихъ поминаю, больше за него молюсь. Простятся ли грѣхи ему, непричащенному, непокаянному».

Разсказываетъ Анися Елизаровна такъ складно, выразительно, что рѣчь ея прозою кажется стихомъ, причетомъ. Потому, можетъ быть, и причеты она складываетъ такъ легко. Помню, разъ я получила отъ мужа въ одинъ день письмо и телеграмму. Видя, какъ часто я получаю письма, она удивлялась и прежде, но этотъ разъ была такъ поражена, что, вдохновившись, тутъ же сложила стишокъ и велѣла послать ему:

Отъ своей да лады милая
Получила письмо-грамотку,
Словесное челобитье.
Спасибо тебѣ, ладо милое,
Мнѣ послалъ ты письмо-грамотку,
Менѣ скорое извѣстье,
Обрадовалъ, да ладо милое,
Ты мое да ретиво сердце.
Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь,
На чужой дальной сторонкѣ
Много печалюшки великія,
Много заботушки несносныя;
Что у меня ли на чужой сторонѣ
Все кипитъ да ретиво сердце
По тебѣ, да ладо милое.

Анися Елизаровна не профессиональная причитальщица, свою способность складывать причеты она примѣняла только въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей жизни. Она, смѣясь, говоритъ про себя, что причеты складываетъ, какъ блины печетъ. Поетъ она причеты хорошо, но голосъ ея такъ слабъ, что запись въ фонографъ выходитъ едва слышной. Поэтому она предложила мнѣ пойти записать напѣвъ ея причетовъ въ ихъ деревнѣ—Дорониинѣ, въ 12 верстахъ отъ Череповца, отъ профессиональной причитальщицы, которая поетъ ихъ на тотъ же напѣвъ. Кромѣ того, она говорила, что въ ихъ деревнѣ живетъ хорошій «пѣсельникъ», Николай Евдокимовъ.

8-го іюня мы отправились пѣшкомъ въ ея деревню, Доронино, захва-

тивъ въ небольшихъ размѣрахъ всѣ необходимыя принадлежности для записыванія пѣсенъ. Съ нами шла Е. И. Махова, ея взрослая дочь и сынъ гимназистъ. Погода была очень хорошал, не слишкомъ жаркая, вѣтеръ дулъ намъ въ лицо и Анисья говорила, что это хорошее предзнаменованіе, что плохо, когда вѣтеръ дуетъ сзади. Она была всю дорогу весела и разговорчива, но по мѣрѣ того какъ мы приближались къ ея деревнѣ, она становилась все грустнѣе. Когда мы дошли до деревни, Анисья указала намъ впереди свою избу, а сама пошла розыскивать пѣсельника Николая. Ея изба, большая и высокая, имѣла видъ полнаго запустѣнія, стекла въ окнахъ выбиты, крыльцо разрушено и доски унесены. Мы присѣли на развалинкахъ крылечка. Насъ окружили ребяташки и маленькія няньки съ младенцами, а изъ оконъ другихъ избъ бабы кричали: «Да вы что же въ разоренную избу идете, идите лучше къ намъ, самоварчикъ поставимъ». Но мы остались вѣрны Анисьѣ. Скоро пришла она и какъ посмотрѣла на свою несчастную избу, залилась слезами. Я насилу ее утѣшила, говоря, что черезъ нѣсколько минутъ ея разоренная изба будетъ полна гостей, стоитъ только завести машинку (фонографъ). Она встрепелась и захлопотала. Мы всякими неправдами влѣзли въ избу безъ лѣстницы и крыльца, жена единственнаго оставшагося въ деревнѣ сына Анисьи, Ивана стала разводить самоваръ, а я принялась развѣшивать рупоры и готовить все для записи. Евдокія Ивановна, моя хозяйка, заботилась о чаѣ и раскладывала захваченные изъ города припасы на соблазнъ уже наполнившимъ избу ребяташкамъ. Когда мы попробовали достать молока, его совсѣмъ не оказалось. Всѣ деревни вокругъ Череповца все молоко до капли, не оставляя даже дѣтямъ, несутъ сыроварамъ, поставляющимъ молочные продукты въ Петербургъ, а назадъ бабы получаютъ сыворотку, *обратъ*, по мѣстному названію, которую даютъ дѣтямъ. Платятъ сыровары за молоко 30 коп. за ведро, не деньгами, а мукой, солью и т. п., въ чемъ и состоитъ главная выгода сыроваровъ. Жена Ивана, сына Анисьи, принесла пироги своейстряпни и хвалилась, что вышли вкусные изъ 4-го сорта муки.

Пришелъ Николай Евдокимовъ, серьезный, степенный старикъ, съ большой бородой, настоящій патріархъ. За руку его цѣплялся двухлѣтній внучекъ и ни за что не хотѣлъ оставить дѣда, такъ что его унесли на улицу насильно и онъ ревѣлъ. Николай Евдокимовъ обращался съ внучкомъ очень нѣжно, что при его суровой наружности выходило трогательно. Онъ, видимо только не хотѣлъ отказать Анисьѣ и пришелъ по ея просьбѣ, но ему было какъ будто стыдно, что онъ пришелъ по такому пустому дѣлу, какъ пѣсни. Когда я пробовала объяснить ему, зачѣмъ мнѣ пѣсни и какъ онѣ записываются въ машину, онъ не слушалъ меня, а все твердилъ: «Это ужъ ваше дѣло. Гдѣ намъ понять. Вы лучше знаете». Вообще былъ очень холоденъ

и не смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Первой рѣшилась записать свои причеты Анна Герасимовна, та самая причитальщица-специалистка, о которой говорила мнѣ Анисья. Это была довольно молодая баба, пришедшая съ трехмѣсячнымъ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Она и причеты пѣла передъ рупоромъ, не спуская ребенка съ рукъ. У нея оказался хорошій звонкій голосъ, и записи вышли довольно удачными. Это раззадорило другихъ бабъ и заинтересовало даже серьезнаго Николая. Они попробовали сиѣть внятеромъ пѣсню въ рупоръ. Вышло недурно. У Николая глаза начинали блестѣть. Онъ сиѣлъ въ рупоръ пѣсню одинъ, смущался, забылъ пѣсню по серединѣ и сказалъ: «Забылъ, дальше не знаю». Потомъ вспомнилъ и продолжалъ. Когда же фонографъ, повторяя пѣсню, повторилъ и слова его: «Забылъ, дальше не знаю», онъ пришелъ въ чисто дѣтскій восторгъ и сталъ рассказывать всѣмъ вновь входившимъ, какая удивительная «машинка», что она повторяетъ не только пѣсню, но и что скажешь. Съ этого момента ледъ растаялъ. Николай съ увлеченіемъ сталъ объяснять всѣмъ значеніе записи пѣсенъ, какъ машинка записываетъ, училъ бабъ, какъ пѣть въ «нутро». Въ Дороницѣ были записаны порядочныя пѣсни. А Анисья радовалась, что ея заброшенная изба полна народу, и плакать перестала, вся разгорѣлась, разрумянилась отъ удовольствія.

Вечеромъ того же дня мы вернулись опять въ Череповецъ.

Г. А. Прохоровъ.

Другой пѣвецъ, о которомъ я упоминала выше, Григорій Александровичъ Прохоровъ, житель деревни Малаты, въ 8 верстахъ отъ города, служить въ Череповцѣ помощникомъ повара технического училища. Семья его живетъ въ деревнѣ и онъ по праздникамъ, а иногда и въ будни ходитъ домой, такъ что не прерываетъ сношенія съ деревней. Въ первый свободный день послѣ того какъ мы познакомились и онъ услышалъ о цѣли моего приѣзда, онъ сходилъ домой, въ Малату, условился съ нѣкоторыми пѣвцами, съ которыми привыкъ вмѣстѣ пѣть, что я приѣду, чтобы записать ихъ

пѣсни, сговорился съ ними о днѣ и, вернувшись въ Череповецъ, уведомилъ меня объ этомъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ наканунѣ дня, который былъ назначенъ для записыванія пѣсенъ въ Малатѣ, Григорію Александровичу пришлось таскать весь день тяжести, переносить шкафы и столы изъ кухни технического училища въ новое помещеніе, такъ что онъ страшно усталъ. Но интересъ его къ записыванію пѣсенъ былъ такъ великъ, что ранехонько утромъ въ тотъ день, который былъ на-

значенъ для поѣздки въ Малату, онъ стучался въ мое окно, готовый къ отъѣзду.

Лошадь стояла у подъѣзда и мы отправились.

Я уже слышала Григорія Александровича ранѣе и голосъ его мнѣ чрезвычайно понравился. Но дорогой въ Малату, когда мы успѣли обо многомъ переговорить и познакомиться, я была удивлена, какую массу пѣсенъ онъ знаетъ. Если я начинала пѣть какую либо пѣсню, онъ подхватывалъ ее и пѣлъ къ ней интересный подголосокъ. Я пѣла пѣсни, записанныя мною въ другихъ губерніяхъ, но онъ сейчасъ же узнавалъ пѣсню, и прилаживался къ ней, хотя говорилъ, что у нихъ въ деревнѣ ее поютъ не такъ. Очевидно, по какимъ то признакамъ онъ узнавалъ основной напѣвъ и легко налаживалъ къ нему соответствующій подголосокъ. Между прочимъ онъ рассказывалъ, что не могъ пѣть нѣкоторыя пѣсни съ однимъ бывшимъ пѣвцомъ хора Славянскаго; напѣвы этихъ же пѣсенъ, записанные фонографомъ, ему легки и знакомы, хотя записаны въ дальнихъ губерніяхъ — Воронежской, Тамбовской и др. Въ отвѣтъ на его недоумѣніе по этому поводу я высказала ту мысль, что вѣроятно, главный напѣвъ народныхъ пѣсенъ похожъ въ разныхъ мѣстностяхъ и что, записанный фонографомъ, онъ остается такимъ, какъ его поетъ народъ, тогда какъ Славянскій передѣлывалъ пѣсни по своему. Онъ согласился съ этимъ объясненіемъ и прибавилъ, что и въ народѣ есть пѣвцы, которые такъ «вывертываютъ» пѣсню, что «ни за что къ нимъ не приладишься, не спѣть съ ними, насилу и пѣсню то узнаешь».

По приѣздѣ въ Малату, Григорій Александровичъ привелъ троихъ пѣвцовъ, 2 мужчинъ и одну женщину, свою сестру, которая была выдана замужъ въ одну изъ сосѣднихъ деревень — Ельнинскую. Пѣли они большею частію втроемъ, такъ какъ мужъ сестры Григорія Александровича не привыкъ пѣть вмѣстѣ съ ними. Запѣвалъ Григорій Александровичъ. Хотя онъ человѣкъ пожилой (старшій сынъ его женатъ), но голосъ у него прекрасный, звучный и обширный. «Голосокъ то у тебя малиновый», говорятъ его односельчане, характеризуя этимъ выраженіемъ легкость и пріятность его тембра. Малата очень гордится своимъ пѣвцомъ. Въ его нервномъ и изящномъ пѣніи много задушевности и артистической законченности. Онъ отдается пѣнію всѣмъ существомъ своимъ, поетъ съ увлеченіемъ, ни на мгновеніе не забывая объ ансамблѣ и съ страстнымъ вниманіемъ слѣдитъ за исполненіемъ своихъ товарищей, надъ которыми голосъ его вполне властвуетъ своей красотой и легкостью. И они охотно подчиняются ему, чувствуя въ немъ дарованіе болѣе сильное. Впрочемъ Г. А. никогда не старается выдѣлиться, если для этого нѣтъ основанія въ требованіяхъ музыкальной фразировки, какъ онъ ее понимаетъ. Онъ никогда не злоупотребляетъ своими высокими нотами, которыми могъ бы

гордиться любой профессиональный теноръ. Напротивъ, онъ беретъ верхніе звуки только изрѣдка, когда они служатъ украшеніемъ, а всю пѣсню ведетъ въ среднемъ регистрѣ. Г. А. чуждъ всякаго самолюбія, хотя сознаетъ, что голосъ у него хорошъ. Наружность его какъ нельзя болѣе соответствуетъ его исполненію; въ правильныхъ чертахъ художаваго лица съ небольшой сѣдой бородкой, въ умяомъ выраженіи глазъ, въ простой, безъ всякихъ претензій, рѣчи, во всей его скромной, но не лишенной признанія собственнаго достоинства фигурѣ есть какое то природное изящество.

Изъ записанныхъ въ Малатѣ 14 пѣсенъ во второй выпускъ вошли: «Подуй, подуй погодка», «Ужъ ты поле мое», «Во Кистринѣ было городѣ» и «Солнышко на закатѣ». Кромѣ того въ сосѣдней деревнѣ, Ельнинской, куда меня пригласила сестра Г. А., Александра Феоктистова, было записано 9 пѣсенъ. Изъ нихъ помѣщены во второмъ выпускѣ: «Ужъ вы, горы», и «Во полѣ дорожка пролегала». Главные пѣвцы въ Ельнинской были Александра и Алексѣй Феоктистовы, веселая и оживленная пожилая пара. Тамъ пѣло еще нѣсколько человекъ вмѣстѣ съ ними, но не особенно хорошо, не самостоятельно, такъ что въ фонографѣ слышны главнымъ образомъ голоса Феоктистовыхъ. Другіе пѣвцы только тянулись за ними или, какъ выражаются народные пѣвцы, «водили» голосами, а не «сказывали» пѣсню, какъ требуется отъ хорошихъ пѣвцовъ.

Къ сожалѣнію усталость отъ перетаскиванія тяжестей не прошла Григорію Александровичу даромъ. Онъ былъ недоволенъ своимъ пѣніемъ, находилъ, что голосъ «не бѣжить» и, вообще, ворчалъ на себя. По возвращеніи на другой день въ Череповецъ, Г. А. пришелъ ко мнѣ, прося дать ему прослушать записи, сдѣланныя наканунѣ. Онъ строго, серьезно всѣ ихъ переслушалъ и сказалъ: «Ну ничего, всетаки слушать можно, годятся; только мой голосъ плохъ». Я находила, напротивъ, что его голосъ вышелъ очень ясно.

Впродолженіи всего моего пребыванія въ Череповцѣ, когда я возвращалась послѣ другихъ моихъ поѣздокъ за пѣснями, Григорій Александровичъ приходилъ и говорилъ: «А ну-ка, нельзя ли послушать что вы привезли. Чего они вамъ напѣли?» Меня поражало его сознательное отношеніе къ собиранію пѣсенъ. По цѣлымъ часамъ готовъ онъ былъ слушать разныя пѣсни, заходилъ и въ перерывъ во время обѣда и вечеромъ, по окончаніи работы. Онъ очень цѣнилъ все, что было хорошо слыто и хвалилъ съ большимъ безпристрастіемъ исполненіе другихъ деревень. Вообще относительно напѣвовъ онъ признавалъ большую свободу импровизаціи. Но въ его критикѣ варіанта чувствовалось какое то серьезное основаніе, какое то ему вполне понятное мѣрило того, что хорошо и что дурно въ исполненіи. Когда я его спрашивала, онъ не умѣлъ ясно выразить свои мысли, не умѣлъ объяснить чѣмъ онъ руководился при оцѣнкѣ того или другого

варианта. Но, во всякомъ случаѣ всѣ его замѣчанія были мѣтки и навели меня на нѣкоторыя мысли объ основахъ народной пѣсни, которыя отчасти будутъ высказаны въ теоретической части этой работы.

Иногда, выслушавъ пѣсню, Г. А. говорилъ только: «напѣвъ не хорошъ, у насъ ее не такъ поютъ. Вотъ въ этомъ мѣстѣ не такъ поворачиваютъ, вверхъ ее поднимаютъ», или «Это я вамъ, пожалуй, лучше спою, проще; вывертовъ больно много». Къ тексту онъ былъ очень строгъ, хотя тоже вполне допускалъ разные варианты. Вообще, наблюденія показываютъ, что текстъ пѣсепъ измѣнился болѣе, чѣмъ напѣвъ, что вполне естественно. Выражая свои чувства, свое настроеніе, каждый пѣвецъ вносилъ въ пѣсню измѣненія,носящія на себѣ печать новыхъ условій жизни, новой обстановки. Часто бываетъ, что текстъ пѣсни ведется сначала такъ, какъ его пѣли въ старину, а потомъ является неожиданный скачекъ къ современной жизни и пѣсня теряетъ свой характеръ. Г. А. былъ очень чутокъ къ подобнымъ измѣненіямъ или передѣлкамъ пѣсни, хотя иногда и самъ невольно впадалъ въ подобныя ошибки. Вообще всѣ его замѣчанія были для меня очень цѣнны. Такого сознательнаго критика я болѣе не встрѣчала въ народѣ. Правда, многія старухи роняли перѣдко драгоценныя словечки, которыя я схватывала на лету и спѣшила записать, но такого знанія народной пѣсни, какъ у Г. А., я нигдѣ не встрѣчала.

Уже въ эти двѣ первыя экскурсіи — въ Доронино и въ Малату — до извѣстной степени выяснилось, а впослѣдствіи подтвердилось отношеніе населенія къ пѣснѣ. Несмотря на водворяющееся господство фабричной пѣсни и постепенное исчезновеніе старинной, у всѣхъ какъ у стариковъ, такъ и у молодежи, есть, въ глубинѣ души, уваженіе къ строгой «досельной» пѣснѣ и пренебреженіе къ «частушкамъ», «вертушкамъ», «туртышкамъ» — названія, которыми старухи клеймятъ фабричную пѣсню. «Вертятъ, вертятъ, пустомеля какая», говорятъ онѣ. «Всѣ пѣсни перевернуты, перекоманы», ворчатъ старики. «Пришелъ конецъ вертушкамъ», радуются пожилыя бабы, узнавъ, что записываются старинныя пѣсни, чтобы не пропали. «А то заведутъ на одинъ ладъ, да и блеять, какъ овечки, лаютъ какъ собачки». Старинныя пѣсни называютъ различно: *досельныя*, *досюдошныя*, *давношныя*, *дотошныя*, *долгоголосныя*, *строія*, *установныя*. Про эти пѣсни говорятъ: «пѣсня каждая — правда, какъ подумаешь умомъ».

Пока есть еще время; еще возможно увѣковѣчить эту пѣсню-правду. Есть по деревнямъ старики и старухи, хранящіе въ душѣ своей остатки народнаго пѣсеннаго творчества. Когда удается разспросами о старинныхъ пѣсняхъ расшевелить въ нихъ воспоминаніе юности, они забываютъ тяжелую дѣйствительность, утомленіе послѣ работы, пренебрегаютъ насмѣшками молодежи и, начавъ пѣть съ нѣкоторою робостью, поютъ все смѣлѣе и часто не смолкаютъ до полуночи.

Живой вереницей встають въ памяти моей пѣвцы - импровизаторы, которыми имѣеть право гордиться наша родина. Въ рваныхъ кафтанахъ, въ домотканыхъ шароварахъ, на грязной работѣ потерявшихъ всякій цвѣтъ, часто съ нечесанной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоятъ они, когда молва доводитъ до нихъ собирателя, и, полные какой то своеобразной, привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорятъ: «Да что — вѣдь мы только свои деревенскія пѣсни и знаемъ». Съ какимъ добродушнымъ недовѣріемъ качаютъ они головой, слыша отвѣтъ: «Ихъ-то намъ и нужно». Зачѣмъ? Какая еще новая причуда явилась у людей, жизнь которыхъ полна всякихъ благъ, которымъ, кажется и желать больше нечего? «Старыя пѣсни требуютъ, досельныя»... И зачѣмъ бы это?

Всѣ переминаются на мѣстѣ, бабы вздыхаютъ. Лица выражаютъ заботу. «Спѣть то, споемъ, да не будетъ ли намъ чего за это? Въ городъ бы не потребовали, не засадили бы куда». Я смѣюсь. «Да куда? За что?» — «А за пѣсни, не ровень часъ...». — Я всячески убѣждаю, что ничего за пѣсни не будетъ, кромѣ похвалы, и разъясняю цѣль собиранія. Успокаиваются. Мысль о сохраненіи старинныхъ пѣсенъ, достоинства которыхъ признають всѣ, даже молодежь, начинаетъ нравиться. — «За старину взялись... не передъ козломъ бы» — вдругъ слышится опять полный сомнѣнія озабоченный бабій голосъ.

Бабы и дѣти стоятъ около меня тѣснымъ кругомъ и разсматриваютъ меня пытливыми глазами. Впереди дѣвочки-няньки съ грудными младенцами, самыя любопытныя кумушки, играющія роль и газеты, и почты въ деревнѣ. Я чувствую, что всѣ хотятъ опредѣлить мою личность, уяснить себѣ, кто я, — въ деревнѣ не любятъ ничего неяснаго, тамъ о каждомъ человѣкѣ знаютъ всю подноготную, всѣ привыкли жить на міру. Собираніе пѣсенъ для Императорскаго Географическаго Общества ничего имъ не говоритъ. Ихъ интересуеть совсѣмъ другое. Выслушавъ довольно хладнокровно мое объясненіе, онѣ чтобы уразумѣть вполнѣ суть дѣла начинаютъ допросъ такого рода:

«Та-акъ... За пѣснями ѣздишь?» — «Да, за пѣснями». — «О-охъ... Отъ мужа ѣздишь то?» — «Да». — «О-охъ... Поѣдешь ли къ нему опять то?» — «Поѣду». «Поѣдешь? Ну-у...»

Вначалѣ голосъ у бабы жалобный, особенно на «охъ», потомъ, въ концѣ разговора, успокоенный, когда она говоритъ: «Ну-у».

Послѣ этого разговора начинается настоящее знакомство. Щупаютъ платье, спрашиваютъ всѣ подробности о моей жизни, семьѣ, и сами начинаютъ рассказывать о себѣ.

Старухъ мнѣ удавалось склонить пѣть, только познакомившись съ ними и поговоривъ «по душѣ». Признаюсь, знакомство съ ними привле-

кало меня. За рѣдкими исключеніями въ Новгородской губерніи мнѣ встрѣчались очень симпатичные типы.

Въ деревенскихъ старухахъ есть удивительная стойкость и выдержка. Казалось-бы, что женщина, несшая на себѣ всю жизнь трудную деревенскую работу, народившая и выходявшая многихъ дѣтей, что такая женщина, доживъ до 60-ти лѣтъ, имѣла-бы право на отдыхъ. Но, наоборотъ, старуха-крестьянка встаетъ раньше всѣхъ, справляетъ скотину, печетъ хлѣбы, готовитъ обѣдъ, смотритъ за ребятишками, треплется цѣлый день и ложится позднѣе всѣхъ; да еще въ праздникъ, какъ развеселится, такихъ пѣсень напоетъ, что заткнетъ за поясъ молодыхъ, хотя при этомъ стыдится даже сознаться, что умѣетъ пѣть: «Куда мнѣ, стара стала, — голосъ не бѣжить. Вотъ, если-бъ прежде, я-бы тебѣ напѣла».

Но есть и такія, что отъ заботъ и горя совсѣмъ здоровье и голосъ потеряли. Такова была бабушка Ирина изъ Старой Ерги, съ которой я познакомилась въ слѣдующую поѣздку.

Старая Ерга или село Вознесенское находится въ 25-ти верстахъ на сѣверъ отъ Череповца. Мы выѣхали изъ Череповца въ 5 часовъ утра и надѣялись пріѣхать въ Старую Ергу до наступленія жары, когда ѣхать дальше нельзя. Въ Череповцѣ я наняла посуточно ямщика съ телѣжкой и лошадыю, которая показалась мнѣ сначала слабой и истощенной, но на дѣлѣ оказалось такую ходкою и выносливою, что мы пріѣхали въ Ергу ранѣе, чѣмъ думали. Въ Ергѣ я никого ни знала и хотѣла остановиться на постояломъ дворѣ. Такового не оказалось и насъ пригласила остановиться высокая старуха, вышедшая изъ большого непригляднаго дома-избы, какихъ было много на селѣ, по которымъ, несмотря на свою величину, не производили впечатлѣнія достатка. Старуха была совсѣмъ изможденная, сгорбленная, высохшая, съ добрыми голубыми глазами. Она ввела меня въ большую комнату во 2-мъ этажѣ, предложила поставить самоваръ, а черезъ полчаса мы съ ней распивали чай, какъ давнишнія знакомыя. Прежде всего она спросила меня, откуда, куда, и зачѣмъ я ѣду. Мысль о собираніи пѣсень ей понравилась, и она обѣщала помогать. Скоро, однако, разговоръ перешелъ на ея личныя дѣла и она стала мнѣ рассказывать про свое деревенское житье. Комната, хотя и большая, была бѣдна до нельзя, съ грязными скамьями по стѣнамъ, съ досками, вмѣсто кровати, на которыхъ валялось какое-то взрытое грязное тряпье, съ дрянными лубочными картинками и образами фирмы Жако на стѣнахъ; а старуха жаловалась на то, что люди полюбили роскошь—табакъ, вино, чай, оттого и бѣдны, и жить труднѣе, всѣ недовольны. «Насъ въ семьѣ четверо большихъ, да двое дѣтей а у насъ выходитъ 60 руб. въ годъ на чай. И то сказать», — тутъ же прибавила она, — «другой ѣды нѣтъ, готовить не изъ чего, вотъ и пьемъ чай 3 раза въ день».

Бабушка Ирина предложила свою избу для записыванія и привела нѣсколькихъ женщинъ. Но когда онѣ начали пѣть и предлагать разныя пѣсни, я увидала, что онѣ плохо помнятъ старыя. Ихъ манера пѣть, очень распространенная теперь, походила на рассказъ о давно пережитомъ, въ которомъ многія прелестныя подробности, придающія живость рассказу, исчезаютъ, рассказъ выпрямляется и сокращается; у нихъ получалась одна голая, урѣзанная схема пѣсни, безъ того яркаго колорита, который придаетъ ей импровизаторъ, черпающій ея содержаніе изъ окружающей жизни, украшающій ее подъ вліяніемъ своего настроенія. Исчезаютъ въ такомъ исполненіи тѣ свойства пѣсни, которыя создаютъ въ народѣ опредѣленіе «пѣсня — правда, а сказка — ложь».

И сама бабка Ирина, измученная, съ слабымъ взглядомъ голубоватыхъ глазъ, безцвѣтной кожей и высохшимъ, съжившимся тѣломъ, изо всѣхъ силъ старалась пѣть. Но изъ исхудалой, плоской груди вылетали какіе-то короткіе сухіе звуки, похожіе на тѣ жалобы, которыми она отводила душу въ бесѣдѣ со мною, за чаемъ. Что-то безотрадное чувствовалось въ нихъ.

Записавъ пять пѣсень, я убѣдилась, что больше записывать не стоитъ и стала спрашивать куда-бы мнѣ еще поѣхать, гдѣ есть хорошіе пѣсельники.

Оказалось, что въ деревнѣ Чукшѣ, въ восьми верстахъ отъ Ерги, живетъ золовка бабушки Ирины, которая отдаетъ свою избу подъ школу. Учительницу бабушка Ирина очень хвалила: «Хорошій человекъ», говорила она, «разговорчивая да рѣчистая». Къ ней она и совѣтовала обратиться. Въ Чукшу рѣшено было ѣхать ранехонько на другое утро, а въ Ергѣ заночевать. Я крѣпко уснула на семейныхъ полусубкахъ, заботливо собранныхъ бабушкой Ириной со всего дома. Утромъ яркіе лучи солнца пробудили меня, прервавъ какой-то музыкальный сонъ. Мнѣ снилась игра огромнаго оркестра или хора. Когда я проснулась, сонъ будто продолжался на яву. Съ улицы неслись странные звуки. Это было нѣчто въ родѣ мелодіи, которую выводилъ одинъ голосъ, а за нимъ повторяли что-то похожее на нее многіе грубые, почти дикіе голоса и, чѣмъ дальше, тѣмъ громче. Въ первую минуту я не могла сообразить, что это такое, и, только окончательно проснувшись, сообразила, что это не голосъ, а рожокъ пастуха, на который отзывается стадо — коровы, овцы, выходящія изъ своихъ воротъ, почти повторяя мелодію, которую онъ продѣлывалъ на рожкѣ.

Впечатлѣніе было оригинальное: пастухъ игралъ коротенькую мелодію въ предѣлахъ полутора тона и совершенно ясно выдѣлывалъ хроматическій звукорядъ, потомъ бралъ въ видѣ заключенія интервалъ въ полтора тона, въ одинъ тонъ и снова въ полтора. Коровы же повторяли только хроматическій ходъ вверхъ. Этотъ хроматическій ревъ имѣлъ въ себѣ

нѣчто трагическое. Я вскочила, схватила записную книжку и занесла слѣдующее:

Въ своемъ азартѣ я не замѣтила, что передо мной стоитъ бабушка Ирина и съ удивленіемъ смотритъ на меня. Лицо ея ясно выражало сомнѣніе относительно здравости моего ума. «Что ты дѣлаешь-то?» спросила она. «Рожокъ пастуха записываю», отвѣчала я. «Не слыхала развѣ?» сказала она тономъ, въ которомъ слышалось превосходство поселянки надъ горожанкою. «Такого не слыхала», съ кротостью призналась я, чѣмъ вызвала ея искренній смѣхъ. Вѣдь она слышала рожокъ каждое утро.

Бабушка Ирина проводила меня самыми радушными напутствіями.

Когда мы прибыли въ Чукшу, деревню на разстояніи восьми верстъ отъ старой Ерги, тоже на большой дорогѣ, но на видъ болѣе бѣдной, чѣмъ Старая Ерга, съ маленькими приземистыми избами, непохожими на большія двухъ-этажныя избы Старой Ерги, было часовъ десять утра. Населеніе оказалось тоже болѣе сѣрымъ, погруженнымъ въ свои ежедневныя деревенскія заботы, безъ того критическаго отношенія къ жизни, которое было замѣтно въ бабушкѣ Иринѣ и ея сынѣ, по цѣлымъ часамъ сидѣвшимъ безъ дѣла на крыльцѣ, со взглядомъ, устремленнымъ въ даль, гдѣ ему мерещился Питеръ съ его соблазнами и блескомъ, можетъ быть болѣе чудесный, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Чукша, казалось, вся была погружена въ деревенскія заботы. Улица была почти пуста, кое гдѣ въ окнахъ были видны бабы за тканьемъ, двѣ женщины шли съ коромыслами за водой, у воротъ маленькія няньки нестали дѣтей. Мы подѣхали прямо къ школѣ, единственному двухъ-этажному дому во всей деревнѣ. Я вошла по лѣстницѣ вверхъ и нашла дверь школы запертою. Оказалось, что я попала къ учительницѣ въ очень неблагоприятный моментъ, какъ объяснила мнѣ встрѣтившаяся на лѣстницѣ баба. У учительницы, страстной пчеловодки, улетѣлъ рой пчелъ, и она побѣжала, чтобы воротить его. Черезъ нѣсколько времени пришла учительница, пожилая женщина съ взволнованнымъ лицомъ, отперла школу, пригласила меня войти, спросила, зачѣмъ я пріѣхала; но, когда я стала объяснять ей, я видѣла, что, несмотря на всѣ усилія, она не можетъ собрать свои мысли и выслушать меня внимательно, до того она была полна заботой объ улетѣвшемъ роѣ. «Собираніе старинныхъ пѣсенъ» звучало для нея чѣмъ-то далекимъ; собираніе это казалось возможнымъ отложить на неопредѣленно-долгое время — дѣло это не къ спѣху, тогда какъ «рой» можетъ улетѣть каждую минуту. Я видѣла, что она рвется идти туда на помощь. Она дала мнѣ разрѣшеніе устроить записываніе въ школѣ, за что я была ей искренно благодарна, а сама ушла.

Разспросивъ, кто въ деревнѣ знаетъ и поетъ старинныя пѣсни, я пошла по избамъ упрашивать пожилыхъ женщинъ пѣть; мужчины всѣ были на работѣ, въ полѣ. Маленькая дочка Матрены, золовки бабушки Ирины, предложила меня проводить. Черезъ полчаса или немного болѣе бабы начали собираться. Всѣ были пожилыя женщины и совѣстились идти пѣть, потому что молодежь будетъ смѣяться. Но, когда я объяснила, что молодые не знаютъ хорошихъ пѣсенъ, что они не имѣютъ права насмѣхаться и должны стыдиться, что забыли хорошія старинныя пѣсни, а, главное, когда я дала имъ послушать пѣсни, записанныя отъ старухъ и стариковъ въ другихъ мѣстностяхъ, онѣ сдались и начали пѣть.

Запѣвалою была самоувѣренная, довольно красивая женщина, Евгенія Селифонова, которая говорила, что знаетъ одну такую пѣсню, которой никто не знаетъ. Оказалось, что это пѣсня или баллада о дочеряхъ англійскаго короля, которую мнѣ приходилось слышать и въ другихъ мѣстахъ. Евгенія Селифонова была родомъ изъ села Ивановскаго, которое славится своими пѣснями, а мать ея, Пелагея Матвѣевна, и теперь еще считается лучшей пѣсельницей на всю округу.

Я записала нѣсколько хорошихъ пѣсенъ, но исполненіе ихъ было довольно заурадно, и я подумывала о томъ, не удастся-ли записать въ этотъ же день нѣсколько пѣсенъ въ селѣ Ивановскомъ.

Къ счастью, одна изъ пѣвшихъ бабъ предложила пойти въ Ивановское раньше насъ, пока я отдохну и поѣмъ, и собрать тамъ лучшихъ пѣсельницъ къ моему приѣзду. Свиданіе она мнѣ назначила въ почтовой избѣ и велѣла тамъ спросить сторожа Константина. Сказано, сдѣлано. Часа черезъ два мы подъѣзжали къ почтовой избѣ села Ивановскаго, вокругъ которой собралась уже порядочная толпа народа. На ступеняхъ крыльца сидѣли дѣвочки-няпки съ грудными дѣтьми, появляющіяся прежде всѣхъ при какомъ-либо событіи въ деревнѣ и бѣгуція оповѣщать всю деревню, если событіе оказывается заслуживающимъ вниманія. Не успѣла я взойти на крыльцо, какъ двѣ няпки вскочили со ступенекъ и побѣжали стремглавъ по деревнѣ. Въ почтовой избѣ меня встрѣтилъ сторожъ Константинъ, мужикъ со смышленнымъ лицомъ, и пригласилъ меня въ большую чистую комнату, приготовленную, повидимому, для избранныхъ путешественниковъ. Тутъ былъ и столъ передъ диваномъ, и кресла вокругъ, а главное — чистота, свѣтъ и просторъ, отъ которыхъ я отвыкла за послѣднее время, записывая пѣсни по избамъ. Вошли женщины, которыхъ привела моя посланная; мы познакомились, пожавъ другъ другу руки — въ Новгородской губерніи крестьяне держатъ себя съ большимъ достоинствомъ —, и всѣ чинно разсѣлись по стѣнамъ, ожидая, что будетъ. Женщины всѣ были пожилыя, степенныя, а мать Евгеніи Селифоновой, Пелагея Матвѣевна, казалась даже суровой, благодаря своему серьезному и строгому лицу.

Я съ Андреемъ (ямщикомъ) въ это время была занята приготовленіемъ къ записыванью, разстановкой фонографа и валиковъ и развѣшиваніемъ рупоровъ.

Вдругъ, когда все было готово и мы принялись за пѣніе, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, который скоро перешелъ въ настоящую перепалку. Грубый, рѣзкій голосъ бранилъ Константина: «Какъ смѣть пускать... Дѣвки будутъ пѣсни пѣть... Вокругъ избы скопище народа... Вдругъ кто изъ начальства»... и многое другое долетало до насъ.

Бабы шепнули мнѣ, что это «начальникъ почты». Мнѣ не хотѣлось, чтобы Константину досталось изъ за меня, и я поспѣшила выйти къ разъяренному начальнику, чтобы объяснить ему цѣль записыванія мною пѣсенъ и показать бумагу отъ Географическаго Общества. Но онъ былъ въ такомъ азартѣ, что не хотѣлъ ничего слушать, отвертывался и бумаги никакой смотрѣть не хотѣлъ, а все кричалъ, чтобы мы убирались къ Константину въ кухню. Я видѣла, что препирательства съ подобнымъ господиномъ были бы унизительны, что онъ не въ состояніи понять важности собиранія пѣсенъ, хотя и бабы, и сторожъ Константинъ уже давно, съ перваго слова все поняли; поэтому я рѣшила позвать бабъ въ избу Константина, чтобы не терять времени.

Мы быстро перенесли всѣ принадлежности фонографа въ кухню и устроились тамъ, какъ могли. Долго еще доносилась до насъ словесная битва; только теперь голосъ начальника все больше стихалъ, а голосъ побѣжденнаго Константина, напротивъ, возвышался. «А — а! Дѣло дѣлать нельзя, а танцевальные вечера устраивать можно... Вѣдь для дѣла она пріѣхала, вѣдь задохнется онѣ въ кухнѣ... И бумага есть, ты что-жъ не посмотрѣлъ? Нѣтъ, этого нельзя, а елку устраивать можно, въ карты играть можно... Вотъ, погоди. Я тебя выведу на свѣжую воду. Безобразіе эдакое! Для дѣла нельзя, а танцовать можно всю ночь до утра, и пѣсни орать тогда можно».

Но дальше я не слушала ихъ разговоръ, не знаю, чѣмъ онъ кончился. Я занялась дѣломъ, и только изрѣдка до меня доносились отдѣльныя фразы: «А я на тебя донесу». — «А ты попробуй, пусть меня спросятъ, я расскажу, кто танцы устраивалъ, кто въ карты игралъ»... и т. д., вродѣ сказки про бѣлаго бычка.

Неудачное начало въ селѣ Ивановскомъ привело къ хорошему концу. Въ тѣсной и жаркой кухнѣ сторожа Константина, который послѣ сраженія окончательно принялъ меня подъ свое покровительство, въ самой не эстетической обстановкѣ — за печкой съ какимъ-то развѣшаннымъ тряпьемъ, мнѣ удалось записать замѣчательно художественныя пѣсни. Залѣвало, Пелагея Матвѣевна, мать Евгеніи Селифоновой изъ Чукши, пѣла именно въ томъ строгомъ стилѣ, который мнѣ представляется идеальнымъ испол-

неніемъ народной пѣсни. Она пѣла полнымъ голосомъ, но не кричала, а давала звукъ необыкновенно богато, не затягивая черезчуръ пѣсню, какъ дѣлають плохія пѣвицы. Напротивъ, у нея была удивительная опредѣленность въ ритмѣ. Она часто вводила въ свое пѣніе синкопы, которыя нисколько не стѣсняли ее; она какъ-то особенно изящно «качала» на нихъ голосомъ, опровергая, такимъ образомъ, предразсудокъ, что въ русской народной пѣснѣ никогда не встрѣчаются синкопы. Обѣ пѣсни, записанныя въ селѣ Ивановскомъ съ ея запѣвомъ и вошедшія во второй выпускъ, служатъ доказательствомъ вышесказаннаго. Съ ней пѣли еще три бабы — большія любительницы пѣнія; энергія, съ которой онѣ добивались, чтобы запись вышла хорошо, показывала въ нихъ большое художественное чутье. Бабы были славныя, привѣтливныя; общее изгнаніе изъ барскихъ комнатъ соединило насъ, притомъ-же имъ нравилось, что ихъ пѣсни знаютъ и пѣнять, и онѣ старались изо всѣхъ силъ. Конечно, и «машинка» была «занятная».

Мы работали часа три, когда замѣтили, что солнце начинаетъ садиться. Я поспѣшила кончить, чтобы успѣть хоть какъ нибудь снять пѣвицъ — было около девяти часовъ вечера. Снимать пришлось съ большими затрудненіями, такъ какъ фотографія соблазняетъ деревенскаго жителя нисколько не менѣе фонографа, и вся деревня хочетъ попасть на карточку. Замѣчательно, что даже старухи — народъ застѣнчивый, ихъ трудно уговорить пѣть — снимаются очень охотно. Къ сожалѣнію, фотографія не вышла.

Назадъ изъ Ивановскаго мы ѣхали ночью, главнымъ образомъ изъ за лошади, которую одолѣвали овода, очень крупныя и злыя. Послѣ цѣлаго дня записыванья я чувствовала себя очень усталой и думала, что не выдержу ночного путешествія. Но какъ только мы выѣхали въ поле и ночная свѣжесть охватила меня, я почувствовала приливъ бодрости, и усталость какъ рукой сняло. Да и удивительное было впечатлѣніе отъ этой небѣлой, а скорѣе розовой ночи — золотисто-розоватый свѣтъ на горизонтѣ не погасалъ до самаго утра.

По возвращеніи въ Череповецъ начали строиться планы новой поѣздки въ Уломскую волость, гдѣ, слышно было, сохранились хорошіе «пѣсельники». Я зашла на почту. Нѣкоторые почтовые чиновники выказывали большое сочувствіе къ моей работѣ и не разъ давали мнѣ полезныя совѣты.

Я стала спрашивать объ Уломской волости. Мнѣ отвѣчали, какъ и прежде, очень охотно и внимательно; но лицо того чиновника, съ которымъ я говорила, имѣло особенное, веселое и лукавое выраженіе.

Наконецъ онъ не выдержалъ: «А вѣдь мы доносецъ на васъ получили», сказалъ онъ. «Жаль, что не имѣемъ права показать вамъ — бумага

служебная. А стоило-бы вамъ прочитать, самъ Гоголь такого-бы не сочинилъ».

Я, конечно, отгадала откуда доносъ. «Доносъ отъ начальника почты изъ села Ивановскаго?», сказала я. «Этотъ господинъ былъ очень грубъ, но я не хотѣла на него жаловаться и промолчала-бы. Если-же онъ пишетъ доносъ, то я считаю своею обязанностью рассказать все, какъ было». Я вкратцѣ передала мои приключенія въ селѣ Ивановскомъ. «Мы такъ и поняли», сказалъ чиновникъ, «и ужъ ему отвѣтъ написали, объяснили, какъ людей различать. Послѣ этого отвѣта онъ потеряетъ охоту писать доносы».

Многія подробности, которыя мнѣ приходится затрогивать, могутъ казаться излишними для серьезной работы. Но онѣ не рѣдко съ такою живостью изображаютъ среду, въ которой живетъ или умираетъ народная пѣсня; такъ наглядно выясняютъ самый процессъ развитія народнаго творчества; съ такою яркостью, наконецъ, характеризуютъ ту атмосферу, въ которой приходится дѣйствовать собирателю, что замалчивать ихъ нельзя. Иногда яркая картинка изъ жизни даетъ болѣе, чѣмъ длинныя разсужденія.

Во второй теоретической части этой работы придется не разъ возвращаться къ нѣкоторымъ изъ приводимыхъ въ первой части фактовъ.

Чтобы не растягивать черезчуръ описательную часть, я постараюсь избѣгать далѣе длиннотъ и подробностей и расскажу только о тѣхъ эпизодахъ изъ моихъ странствованій по Новгородской губерніи, которые особенно яркими пятнами остались въ моей памяти и имѣютъ непосредственное отношеніе къ пѣснямъ, напечатаннымъ во второмъ выпускѣ.

Въ Уломской волости, на юго-западъ отъ Череповца, мнѣ удалось сдѣлать интересныя записи въ двухъ селеніяхъ — Хмѣлинѣ и Воротишинѣ.

Въ Хмѣлинѣ (сорокъ верстъ отъ Череповца къ юго-западу) мнѣ пришлось остановиться въ домѣ одного зажиточнаго крестьянина — Семена Глухова, главы огромной семьи. Онъ самъ слышетъ за хорошаго пѣсельника и большого любителя старинныхъ пѣсенъ. Дѣло свое (онъ скупаетъ и продаетъ гвозди въ Нижнемъ) онъ передалъ сыновьямъ. Старшій ѣздитъ на ярмарку, а самъ онъ живетъ на покоѣ. Домъ полонъ его дѣтьми, внуками и кишитъ работой, какъ муравейникъ. Работаютъ въ немъ, главнымъ образомъ, женщины, какъ всегда въ деревнѣ. Домъ большой, двухъ-этажный, съ чистой большой комнатою для гостей. Хозяинъ, Семень Глуховъ, очень легко согласился пѣть самъ, сходилъ къ своему брату Федору Глухову и къ одному изъ сосѣдей — Ивану Фабришникову, съ которыми онъ привыкъ пѣть вмѣстѣ, и привелъ ихъ съ собой.

Иванъ Фабришниковъ или Фабришный, прозванный такъ потому, что отецъ его работалъ нѣсколько лѣтъ на фабрикѣ, былъ запѣвалой съ хорошимъ, хотя нѣсколько разбитымъ на верхахъ, голосомъ. Это былъ оди-

нокій старикъ, очень бѣдный. Живетъ онъ совсѣмъ одинъ, но его приглашаютъ всюду за голосъ и веселый нравъ. Это типъ деревенскаго артиста-пролетарія.

Братья Глуховы и Иванъ Фабришный (въ серединѣ).

Высокій, худой, съ длиннымъ загорѣлымъ лицомъ, съ растрепанными волнистыми волосами, въ какой-то странной коротенькой коцавейкѣ, вылинявшей отъ дождя и солнца, онъ шагаетъ изъ деревни въ деревню, всегда зная заранѣе, гдѣ готовятся къ

празднику. Онъ любитъ выпить, а на праздникахъ въ деревнѣ вино и пиво рѣдкой льются. Несмотря на эту слабость, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и любовью и считается желаннымъ гостемъ на праздникахъ. Пѣнія его заслушиваются. Несмотря на разницу состояній, Семень Глуховъ съ большимъ уваженіемъ относится къ Ивану Фабришному и такъ чтитъ его голосъ и талантъ, что всегда уступаетъ ему запѣвъ, хотя и самъ любитъ запѣвать. Семень Глуховъ съ братомъ и Иванъ Фабришный часто пѣвали вмѣстѣ, благодаря чему у нихъ выработалось очень дружное исполненіе. Изъ пѣсень, которыя были записаны отъ нихъ, во второй выпускъ вошла «Не одна въ полѣ дороженька».

Пѣніе началось послѣ того, какъ былъ опустошенъ огромный самоваръ, Ивану Фабришному былъ поднесенъ стаканчикъ винца, да и товарищи его «хлопнули по рюмочкѣ для смѣлости». Тогда и голоса «побѣжали». Пѣли всѣ трое, наслаждаясь своимъ пѣніемъ до такой степени, что заражали и слушателя. Открытые благодушные голоса переливались свободно, непринуждено. Естественная легкость ихъ, безъ всякой муштровки, безъ дешевыхъ эффектовъ — задержекъ на высокихъ нотахъ, дѣйствовала на душу удивительно хорошо. Что-то успокаивающее было въ этомъ пѣніи трехъ стариковъ. Къ ихъ исполненію придется не разъ возвращаться во второй, теоретической части предисловія.

Эти же пѣвцы посоветовали мнѣ ѣхать отъ нихъ въ Воротишино, гдѣ есть семья Пудовыхъ — два брата и жена одного изъ нихъ, которые очень хорошо поютъ старинныя пѣсни. «Дорога туда больно плоха, зато пѣсни хороши», говорили они. «А дальше ѣхать некуда. Придется

вамъ назадъ вѣртать. На то оно и Воротишинымъ прозывается; за нимъ болото».

Не убоившись дурной дороги — и я, и ямщикъ уже видали виды — мы тронулись въ путь, и послѣ четырнадцати верстѣ тряски, колтыханій, ежеминутнаго риска упасть изъ перекинувшейся телѣжки въ грязь, вымѣзанія изъ телѣжки на самыхъ вязкихъ мѣстахъ, чтобы было легче лошади, телѣжка наша, скрипя и переваливаясь, вѣхала въ деревню, которая изображала изъ себя живую картину любопытства; изъ всѣхъ окошекъ выглядывали женскія головы; босоногіе ребятишки неслись по деревнѣ въ перегонки, чтобы поскорѣе разсмотрѣть неожиданныхъ гостей, и даже степенные мужики кое-гдѣ повышли за ворота, дѣлая видъ, что смотрятъ не на насъ, но невольно взглядывая украдкой на корзину, привязанную за телѣжкой. Кто-бы это? Откуда они, чьи будутъ? Питерскіе? Но проѣзжіе питерцы сюда не забѣдутъ, не зачѣмъ, дальше некуда ѣхать; а своихъ питерцевъ никто не ждетъ.

«Гдѣ тутъ изба Петра Пудова?» спросила я.

«А вонъ она крайняя отъ проулка», отвѣчала мнѣ баба изъ окна ближайшей избы. «Вамъ зачѣмъ?»

«Хочу попросить самоварчикъ поставить — чайку попить съ дороги, да потолковать съ нимъ по дѣлу».

«Изба-то у него тѣсна, да и самовара нѣтъ. Подѣзжайте лучше къ его брату — вонъ изба угловая, у него просторнѣе, и Пётра туда придетъ».

Черезъ нѣсколько времени мы сидѣли за самоваромъ въ избѣ Василя Пудова, пригласивъ хозяевъ закусить съ нами, и, въ буквальномъ смыслѣ слова, «дули» чай. На седьмой или восьмой чашкѣ дѣло начало выясняться. Хозяинъ Василій Пудовъ считалъ себя плохимъ пѣвцомъ, хвалилъ брата Петра, какъ хорошаго пѣсельника, но говорилъ, что уговорить Петра пѣть очень трудно, что онъ человѣкъ робкій и нелюдимый. Послѣ десятой чашки онъ сбѣгалъ къ Петру и вернулся съ довольнымъ лицомъ. «Братъ придетъ», сказалъ онъ. Скоро Петръ дѣйствительно пришелъ. Это былъ человѣкъ рослый и сильный, съ высокими плечами и короткой шеей, съ прямыми линиями лба и носа, темнаго гнущійся и опускавшій глаза отъ застѣнчивости, неуклюжій въ движеніяхъ.

Братъ уже рассказалъ ему въ чѣмъ дѣло, и онъ, хотя неохотно, согласился пѣть. Попили чайку, познакомились, онъ сталъ смотрѣть прямо въ глаза. Скоро самоваръ былъ убранъ; мѣсто его занялъ фонографъ. Петръ Пудовъ, его братъ и жена — веселая лихая баба, усѣлись передъ «трубой».

Изба незамѣтно наполнилась народомъ.

Когда я похвалила пѣніе Ивана Фабришнаго, Петръ Пудовъ выразительно крикнулъ, а братъ его сказалъ: «Пётра почище того запоетъ, голосъ-то у него не хуже».

Пудовы начали пѣть. Пѣли они совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Хмѣлинѣ; нѣсколько грубѣе, можетъ быть, но въ своемъ родѣ очень хорошо. У

Братья Пудовы и жена Петра.

братевъ Пудовыхъ были голоса скорѣе низкіе, у Петра повыше и очень звучный; жена его пѣла верхній подголосокъ. Голосъ у нея былъ необыкновенно высокій и звонкій: она заливалась на верхахъ точно жаворонокъ. Петръ, когда запѣлъ, со-

всѣмъ преобразился. Застѣнчивость и сдержанность исчезли; пѣніе его было экспансивно и сильно. Голосъ шелъ спокойно, зацѣвъ былъ очень характеренъ. Изъ записанныхъ въ Воротишинѣ пѣсень во второй выпускъ вошла пѣсня-былина «Ванька-Ключникъ». О ней будетъ рѣчь въ теоретической части предисловія.

Отношеніе къ фонографу было совершенно различное въ Хмѣлинѣ и Воротишинѣ. Въ то время какъ въ Хмѣлинѣ удивлялись силѣ и изобрѣтательности ума человѣческаго, въ Воротишинѣ, гдѣ народъ не такой бывалый, «машинка» производитъ впечатлѣніе болѣе сильное; подозрѣваютъ вмѣшательство сверхъестественной силы и сомнѣваются, чтобы умъ человѣскій могъ создать такую удивительную вещь.

Около шести часовъ вечера ударили ко всенощной въ сосѣднемъ селѣ, и Петръ Пудовъ вскочилъ, какъ ужаленный. Лицо его выражало сильное волненіе; онъ точно испугался своего увлеченія «машинкой» и пѣніемъ, созналъ свой «грѣхъ». Онъ наскоро попрощался со мной и ушелъ домой. Мнѣ очень хотѣлось поработать до заката солнца, записать еще нѣсколько пѣсень. Я пошла къ нему на домъ, упрямивала его. Но никакія просьбы и убѣжденія не помогли. Его страшилъ «грѣхъ». Жена его и братъ согласились продолжить записываніе. Они говорили, что для дѣла пѣть не грѣхъ, что вѣдь это не забава. Но Петръ Пудовъ, поддерживаемый болѣе древними стариками и старухами, остался при своемъ рѣшеніи. Безъ него другіе пѣвцы пѣть не брались. Я хотѣла укладываться и уѣзжать. Но тутъ приступила ко мнѣ молодежь, которая наполняла все время избу и очень внимательно слѣдила за нашей работой. Два, три парня изъ развитыхъ и

молодой лавочникъ, бывавшій въ Питерѣ, особенно уговаривали меня записать одну пѣсню, извѣстную подъ названіемъ «Вавила», которую, будтобы, очень хорошо пѣли дѣвушки. «Такая пѣсня, такая пѣсня, что и рассказать нельзя. Вы только послушайте». Молодые ребята и дѣвушки, которымъ фонографъ нравился какъ остроумная выдумка, безъ всякаго отношенія къ волшебству, уговорили меня перейти изъ темной избы въ большую комнату надъ лавочкой, гдѣ есть стѣнная лампа, и тамъ записать «Вавилу». Старшіе относились недоброжелательно къ этому переселенію, говоря, что грѣхъ пѣть подъ праздникъ; но молодежь думала иначе, и очень скоро фонографъ съ принадлежностями былъ перенесенъ въ просторную комнату надъ лавкой, на другомъ концѣ деревни.

Молодежь, избавившись отъ надзора старшихъ, энергично принялась за дѣло. Тотчасъ же составился хоръ, главнымъ образомъ изъ дѣвушекъ. Два, три парня только подпѣвали низкими голосами. Нѣкоторые голоса дѣвушекъ были очень звонки и красивы.

Первымъ номеромъ, но настоянію молодежи, мы записали «Вавилу». Пѣсня эта пользовалась, очевидно, большой популярностью, потому что на исполненіи ея настаивали рѣшительно всѣ, хотя я относилась къ ней недовѣрчиво и просила лучше пѣть свадебныя пѣсни, чтобы увеличить коллекцію ихъ. Но, записавъ «Вавилу», я не раскаивалась: она дѣйствительно оказалась характерною.

Если въ Петрѣ Пудовѣ и вообще старикахъ чувствовался консервативный ригоризмъ, страхъ нарушить старинный обычай, то азартъ, съ которымъ молодежь пѣла «Вавилу», свидѣтельствовалъ о нарождающемся въ молодежи критическомъ отношеніи къ формѣ безъ соотвѣтствующаго содержанія. Въ исполненіи «Вавилы» чувствовалась безпощадная, юношески-задорная насмѣшка надъ ханжествомъ; интонація при смѣнѣ голосовъ двухъ дѣйствующихъ въ пѣснѣ лицъ, деревенскаго батюшки и бабы, была проникнута тонкимъ юморомъ, а сильное увлеченіе содержаніемъ пѣсни и смѣхъ при переходѣ отъ діалога къ плясовому мотиву два раза мѣшали докончить спокойно пѣсню, такъ что пришлось нѣсколько валиковъ испортить.

Запись «Вавилы» взяла не мало времени. Это пѣсня длинная, и записывать ее пришлось на двухъ валикахъ. Записавъ еще двѣ или три свадебныхъ пѣсни отъ дѣвушекъ, я должна была прекратить свою работу за позднимъ временемъ.

Переночевавъ въ той же комнатѣ, гдѣ производилась запись, раннимъ утромъ на другой день я уѣхала въ Череповецъ.

Послѣдняя экскурсія изъ Череповца была предпринята въ Андогскую волость, на сѣверо-западъ отъ него. Я останавливалась въ селахъ Нелазскомъ, Михайловѣ и Смѣшковѣ.

Въ Нелазскомъ — въ двадцати верстахъ отъ Череповца — были недурные пѣвцы, но неспѣвшіеся и пѣли «неладно», въ разныхъ стиляхъ. Двое изъ нихъ пѣли вполне по деревенски; одинъ отличался полной несамоостоятельностью, а главный запѣвало много пѣлъ въ церкви и придавалъ всѣмъ пѣснямъ характеръ безграмотнаго церковнаго пѣнія. К्लирская дьячковская манера съ растяжкой, нарушавшей ритмъ, съ выкрикиваньемъ отдѣльныхъ нотъ и съ безконечными ферматами не на мѣстѣ, портила пѣсню. Голосъ у запѣвалы Петра Хабачева былъ сильный, пѣніе громкое, и онъ былъ очень доволенъ собой; но пѣсни, записанныя въ Нелазскомъ, слабы и несутъ не вполне выдержанный характеръ. Изъ нихъ ни одна не вошла во второй выпускъ.

Въ село Михайлово (двадцать пять верстъ отъ Череповца) мы попали въ праздникъ, что въ высшей степени неудобно для записыванія пѣсенъ фонографомъ. Небольшая изба набивается народомъ, дверь безпрестанно хлопаетъ, несмотря на возгласы: «закутайте дверь» (т. е. «затворите» на повгородскомъ нарѣчій); въ избѣ стоитъ непрерывный шумъ и говоръ, духота невыносимая, да, кромѣ того, по временамъ, вваливаются пьяные; пока трезвой части публики удастся ихъ выпроводить, незамѣтно промелькнетъ полчаса, иногда и часъ, безъ всякой пользы для дѣла. Такъ было въ Михайловѣ. Толпами народъ валилъ въ избу, гдѣ пріютился фонографъ, и настоятельно требовалъ прослушать записи другихъ деревень. Выслушавъ, заявляли желаніе пѣть сами, начинали выбирать пѣвцовъ, спорить, ссориться Такъ прошелъ цѣлый день. Мы переходили изъ избы въ избу. Вездѣ повторялось тоже самое и только къ вечеру удалось найти порядочнаго запѣвалу и записать нѣсколько недурныхъ пѣсенъ.

Въ третьей деревнѣ Андогской волости, носящей названіе «Смѣшково» (въ сорока верстахъ отъ города), дѣло пошло гораздо удачнѣе. Смѣшково живописно расположилось на берегу Андоги, противъ монастыря Филиппа Иранскаго, и хотя не производило впечатлѣнія богатой деревни съ своими одно-этажными избами и одѣтымъ въ домотканые холсты населеніемъ, но и мужики, и бабы, и ребятишки имѣли здоровый и веселый видъ, что говорило объ извѣстномъ достаткѣ.

Мы встрѣтили двухъ рослыхъ, круглолицыхъ дѣвушекъ, легко несшихъ съ рѣки по два полныхъ ведра на коромыслахъ и красиво ступавшихъ босыми ногами, обнаженными до колѣнъ подоткнутымъ подоломъ. Я заговорила съ ними. Узнавъ о цѣли моего пріѣзда и очень быстро понявъ, что мнѣ нужно, онѣ тутъ же столковались, кого позвать, кто лучше всѣхъ знаетъ пѣсни. Такихъ знатоковъ оказалось четверо: три старика и одна женщина. Дѣвушки проводили насъ до самой просторной избы, а сами отправились звать пѣвцовъ.

Черезъ нѣсколько времени пришли «пѣсельники», а съ ними и цѣлая гурьба молодежи, заполнившей всю избу.

Передъ фонографомъ усадили прежде всего слѣпного дѣдушку Зиновія или, какъ его всѣ называли, «дѣдку», а за нимъ стала жена его брата, старуха Пелагея, чтобы держать ему голову и направлять голосъ «въ трубу». Братья Зиновій и Прокопій Коротковы (первый восьмидесяти, а второй семидесяти лѣтъ) и были главными пѣсельниками. «Дѣдка» считался лучшимъ пѣвцомъ; но запѣвать онъ отказался потому, что голосъ у него «бѣжитъ не плавно», и предложилъ запѣвать лучше «молодому», шестидесятилѣтнему Константину, помнится, ихъ двоюродному брату. У того голосъ еще былъ «здоровый». Самъ дѣдка, не смотря на слѣпоту, не казался древнимъ старикомъ. На головѣ у него была цѣлая шапка свѣтло-русыхъ волосъ; при улыбка сверкали бѣлые зубы; борода была чуть съ просѣдью. Даже въ движеніяхъ его не было ничего старческаго, нерѣшительнаго. Слепоту свою онъ какъ будто не чувствовалъ. Онъ всегда былъ окруженъ гурьбой молодежи, которая, повидимому, его очень любила и слѣдила за каждымъ его шагомъ. Движенія его для слѣпого были удивительно смѣлы и рѣшительны, даже порывисты. Онъ былъ увѣренъ, что ему не дадутъ упасть. Дѣвушки, парни и ребятишки привычнымъ заботливымъ взглядомъ слѣдили за нимъ и все время направляли: «Дѣдка, не туда. Дѣдка, сюда. Дѣдка, наклонись». И вся гурьба, съ дѣдкой въ серединѣ, легко переносилась съ мѣста на мѣсто. Дѣдка былъ центромъ. Онъ безъ умолку говорилъ, острилъ, смѣялся... Вокругъ него стоялъ хохотъ. Трудно было разобрать кому веселѣе — молодежи или ему. Всѣ они казались членами одной семьи, а дѣдушка Зиновій — патриархомъ. Когда начинали разбирать, кто кому родня, дѣдка кончалъ споръ, говоря: «Всѣ мы тутъ родные». Дѣйствительно, всѣ приходились ему — кто братомъ, кто племянникомъ, кто сыномъ, кто внукомъ или правнукомъ.

Вообще Смѣшково производило отрадное впечатлѣніе, исключительное для русской деревни. Разбросанное на высокомъ берегу рѣки Андоги, которая разлитіемъ водъ своихъ давала плодородіе полямъ и лугамъ, залитое солнцемъ, все мѣстечко казалось какимъ-то радостнымъ. А несмолкавшій смѣхъ и веселье молодежи будто оправдывали названіе «Смѣшково».

Изъ нѣсколькихъ, записанныхъ въ Смѣшковѣ, пѣсенъ во второй выпускъ вошла «Калинушка съ малинушкой, лазоревый цвѣтъ». Пѣли старики своеобразно; особенно интересно было голосоведеніе, причемъ много оригинальности вносилъ дѣдушка Зиновій особенными коротенькими вставками, присказками, ахами. «Дѣдка, да полно тебѣ охать-то», крикнулъ кто-то изъ молодежи, не понимавшей смысла его «оханья». «Какъ можно», воскликнула Пелагея, пѣвшая со стариками, «охай, дѣдушка, охай. Вѣдь онъ хорошо охаетъ-то, въ ладъ намъ. Онъ намъ помогаетъ». Послѣ такой

похвалы дѣдушка Зиновій «пуще захохалъ». Въ теоретической части мы возвратимся къ его «оханью», которое имѣло свое серьезное основаніе.

Въ Смѣшковѣ у меня было только одно огорченіе. Пока я фотографировала стариковъ, дѣвушки, которыхъ я тоже обѣщала снять, заранѣе радуясь ихъ живописнымъ деревенскимъ костюмамъ,

Молодежь въ Смѣшковѣ.

успѣли переодѣться, и когда пришли сниматься, я ихъ не узнала — всѣ онѣ смѣнили свои домотканья рубахи и юбки на плохо сшитыя ситцевыя кофточки и городскія длинныя юбки; причесались по мѣщански, снявъ свои платочки; на-

дѣли чуть не на всѣ пальцы дешевые перстни и прикололи бантики. Я была страшно огорчена. Но было поздно, переодѣваться было некогда, такъ и пришлось ихъ снять.

Смѣшковымъ закончилось записываніе пѣсенъ въ Череповецкомъ уѣздѣ. Вернувшись въ Череповецъ, я уложила напѣтые валики и отправила ихъ домой, уменьшивъ, такимъ образомъ, свой багажъ, а сама успѣшила взять билетъ на пароходъ, шедшій по Шекснѣ въ Бѣлозерскъ.

Время шло. Въ Череповецкомъ уѣздѣ я проѣздила около мѣсяца и въ Бѣлозерскъ пріѣхала въ концѣ іюня, когда всюду начинается сѣнокосъ. Такимъ образомъ, ко всѣмъ неудобствамъ и лишеніямъ, которыя приходилось терпѣть — плохія дороги, плохая пища, плохое спанье на полу въ тѣсной и душной избѣ, вмѣстѣ съ семьей хозяина, или въ телѣжкѣ безъ рессоръ во время ночной ѣзды, прибавилось еще одно неудобство — «спѣшка». Нужно было двигаться впередъ, не теряя времени, а между тѣмъ иногда проходилъ день, другой въ ожиданіи «пѣсельника», занятого работой въ полѣ. Благодаря этому, не удавалось близко знакомиться съ пѣвцами, расспросить ихъ и вникнуть въ ихъ жизнь. Отсюда получались болѣе поверхностныя наблюденія и неудовлетворенность выполненіемъ дѣла. Да и усталость брала свое. Отдохнула я настоящимъ образомъ только за два дня ѣзды на плохенькомъ пароходѣ, каюта котораго показалась мнѣ верхомъ комфорта.

Въ Бѣлозерскѣ я попала на съѣздъ народныхъ учителей, съѣхавшихся, главнымъ образомъ, изъ окрестныхъ деревень. Я обратилась за советомъ къ очень отзывчивому, живому человѣку, инспектору народныхъ школъ, Никифору Ивановичу Ахутину, который меня тотчасъ-же познакомилъ со многими учителями. Они надавали мнѣ совѣтовъ, хотя о старинныхъ пѣсняхъ слыхали мало и не надѣялись, что ихъ можно еще найти. Нѣсколько человѣкъ учителей и учительницъ пропѣли вмѣстѣ одну модную въ «округѣ» пѣсню: «Мнѣ сказали не придетъ», которую нельзя причислить къ особенно пѣннымъ экземплярамъ. Большинство учителей стояло за то, чтобы мнѣ проѣхать южнымъ берегомъ Бѣлоозера, а дальше свернуть на юго-западъ, на рѣку Суду, откуда тяга въ Петербургъ еще не такъ сильна, благодаря нѣкоторой зажиточности населенія, и гдѣ еще есть тихіе деревенскіе углы. Съ рѣки Суды мнѣ совѣтовали ѣхать черезъ Кую, Шолу, Коневу и сѣвернымъ берегомъ Бѣлаго озера до Пуштары, Кирилловскаго уѣзда.

Одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, учитель изъ крестьянъ, П. Г. Вересовъ, довезъ меня на своей лошади до деревни Артюшино, въ десяти верстахъ отъ Бѣлозерска, гдѣ я записала отъ молодыхъ дѣвушекъ нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, которыя будутъ помѣщены въ третьемъ выпускѣ. Здѣсь я наняла опять ямщика съ телѣжкой и поѣхала далѣе. Слѣдующая остановка была въ деревнѣ Перкумь, у брата П. Г. Вересова, Николая Гордѣевича, который жилъ совсѣмъ по крестьянски. Здѣсь-же я встрѣтилась съ извѣстной въ той мѣстности Матреной-причитальщицей, матерью волостного писаря, которая славилась на всю «округу» знаніемъ причетовъ на разные случаи жизни и удивительной памятью. На мои вопросы о томъ, какъ она складываетъ причеты, она отвѣчала: «Какъ начнешь причетъ, остановиться не можешь, конца ему нѣтъ. И откуда что берется, сама диву даюсь». Ея причеты будутъ помѣщены въ третьемъ выпускѣ, такъ-же какъ и другіе, продиктованные мнѣ Н. Г. Вересовымъ. Интересные причеты были записаны въ небольшой деревенькѣ Сюрмень отъ женщины среднихъ лѣтъ Марьи Климовой (№ 15, II выпускъ), а также нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ (одна изъ нихъ помѣщена № 14, во II выпускѣ), и еще нѣсколько разныхъ мѣстныхъ пѣсенъ, спѣтыхъ Марьей Климовой и двумя стариками изъ деревни Посадниково, состоящей всего изъ двухъ дворовъ, въ трехъ верстахъ отъ Сюрмени. Одинъ изъ посадниковскихъ стариковъ, Афанасій Ивановичъ, спѣлъ «Выйду-ль я на рѣченку», которая будетъ помѣщена въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

На дальнѣйшемъ пути — въ деревнѣ Горкѣ (Коменево), Ананьевкѣ (Край), Горкахъ (Борисово), въ деревнѣ Афанасьевской, особенно выдающихся пѣвцовъ не было, хотя были записаны интересные варианты пѣкоторыхъ уже ранѣе записанныхъ пѣсенъ. Въ Горкахъ (Борисово) двѣ жен-

щины среднихъ лѣтъ спѣли «Какъ во славномъ во городѣ во Астрахани» (№ 16, II выпускъ), и я записала эту пѣсню, уже рѣдко встрѣчающуюся, хотя какъ самый вариантъ, такъ и исполненіе оставляли желать многого.

Изъ Афанасьевки, куда меня увлекла молодежь, общія хорошія свадебныя пѣсни, я рѣшилась ѣхать на сѣверъ, такъ какъ было очевидно, что разгарающіяся лѣтнія работы помѣшаютъ дальнѣйшему записыванію. Всѣ люди были заняты, озабочены, утомлены; возвратившись послѣ работы поздно вечеромъ, думали только о томъ, чтобы лечь спать и успѣть выспаться до солнышка; а тамъ опять въ поле.

Когда мы выѣхали изъ Афанасьевки на большую дорогу, я замѣтила, что ѣхавшая въ телѣгѣ впереди насъ крестьянка очень часто на насъ оглядывалась, точно хотѣла заговорить. Я сказала объ этомъ ямщику. «Эй, тетка, откуда будешь?», крикнулъ онъ. «Изъ Новой Старины», отвѣтила она, задерживая лошадь. «Много мы слышаны объ вашей машинкѣ, что поетъ человѣчьимъ голосомъ; наши ребята къ намъ звать васъ велѣли. Есть у насъ и пѣсельники; говорятъ: пускай она къ намъ ѣдетъ, мы ей напоемъ». Потолковали мы еще съ ней и рѣшили ѣхать въ Новую Старину, хотя предстояло сдѣлать крюкъ, но случай пропустить нельзя было; да и не пришлось жалѣть объ этомъ.

Пріѣхала я туда какъ разъ на третій день деревенскаго праздника. Народъ находился именно въ такомъ настроеніи, что хотѣлось продолженія начатыхъ удовольствій, и «машинка» пришла какъ нельзя болѣе кстати.

Деревня «Новая Старина» производила совсѣмъ особенное впечатленіе. Въ ней были только новые дома; многіе еще достраивались. Она поражала оживленіемъ, рѣдкимъ въ небольшой деревнѣ всего въ двадцать пять дворовъ. Народъ казался веселымъ, бойкимъ. Какъ я узнала послѣ, деревня, остроумно названная Новой Стариной, возникла, такъ сказать, на развалинахъ помѣщичьяго быта. Крестьяне, года два тому назадъ, переселились сюда изъ разныхъ мѣстъ, купивъ въ складчину землю у помѣщицы за десять тысячъ необыкновенно удачно, и теперь наравдаться не могутъ на свою покупку. Имъ уже предлагали за землю двадцать тысячъ, но они и слышать не хотятъ о продажѣ.

Для записыванія пѣсенъ собралось нѣсколько женщинъ и мужчинъ; составилъ небольшой хоръ. Между ними особенно выдѣлялся своей оригинальной фразировкой старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ — Степанъ Китовъ. Онъ спѣлъ «Лучинушку» сначала одинъ. Потомъ ему пробовали подпѣвать бабы. Но пѣли они вмѣстѣ не настолько дружно, чтобы можно было записать ихъ исполненіе фонографомъ — вѣдь жили они вмѣстѣ всего два года. Поэтому я записала, какъ могла, ихъ подголоски отдѣльно, и прибавила ихъ къ его запѣву. Спѣтый Степаномъ Китовымъ вариантъ «Лучинушки» есть самый прихотливый и цвѣтистый, какой мнѣ когда либо приходилось слышать.

Дыханіе у Степанна Китова необыкновенно длинное. «У его душа долгая», говорили пѣвшія съ нимъ бабы. Голосъ былъ-бы очень хорошъ, если-бы не «хриповатинка» отъ трехдневнаго празднованія. Легкость голоса у Степана Китова казалась мнѣ удивительной — иной оперный пѣвецъ могъ-бы ему позавидовать, до того чисто, мягко и связно выдѣлывалъ онъ всё украшенія, выдвигая впередъ главную музыкальную мысль и затушевывая, т. е. беря легче, болѣе темнымъ глухимъ тембромъ, второстепенныя фигуры. Казалось, такое большое количество украшеній (мелизмовъ) могло-бы послужить во вредъ ритмической ясности, ввести пѣвца въ расплывчивость, неопредѣленность. . . . Но Степанъ Китовъ не поддавался никакимъ искушеніямъ, велъ ритмическую фразу твердо, конечно, такъ, какъ онъ ее понималъ, и мягкимъ опираи́емъ голоса на главномъ удареніи стиха создавалъ тѣ крѣпкіе устои ритмическаго рисунка пѣсни, о которыхъ рѣчь будетъ впереди во второй части предисловія. Степанъ Китовъ обладалъ не только музыкальнымъ талантомъ, но и дѣятельнымъ, практическимъ умомъ; онъ имѣлъ, повидимому, большое нравственное вліяніе на своихъ односельчанъ и былъ однимъ изъ инициаторовъ покупки земли общественнымъ способомъ. Онъ отъ души радовался на свой поселокъ, на новенькія избы, разставленныя далеко другъ отъ друга на случай пожара, на широкую улицу, а главное — на дружную совмѣстную работу безъ дракъ и безъ брани.

«Хорошій народъ подобрался», говорилъ онъ, «другъ друга почешь что не знали, а въ два года какъ сжились. Вотъ оно, вольное согласіе-то что значитъ».

Отъ Новой Старины до Шолы, направляясь сначала къ сѣверу, на Кую, потомъ на востокъ въ Ломенскую и Шольскую волости, пришлось проѣхать верстъ сто слишкомъ, не останавливаясь для записыванія: то «пѣсельниковъ» не было дома, ушли на работу; то населеніе не знало великорусскихъ пѣсень, такъ какъ состояло изъ кореловъ, народа финскаго племени, записывать пѣсни которыхъ на этотъ разъ не входило въ мои планы. Стало встрѣчаться много заводовъ. Пѣсни пошли «вывернутыя», «супротивныя», какъ характеризовали ихъ старухи. Въ Шолѣ меня уговорили остановиться и собрали нѣсколько бабъ, увѣряя, что онѣ знаютъ много пѣсень. Но онѣ пѣли такъ ужасно — фальшиво, блѣдно, немзыкально, что у меня, по народному выраженію, «ушки завяли».

Видя, что тутъ сдѣлать ничего нельзя, а ѣхать въ Кирилловскій уѣздъ поздно, благодаря наступающей страдѣ, я рѣшила вернуться домой, въ Кирилловскій же уѣздъ пріѣхать въ концѣ августа — время болѣе благоприятное для записыванія пѣсень. Отъ Шолы до Конева (верстъ 15—17) я доѣхала на лошадахъ, а отъ Конева до пристани Бѣлоозера-Ковжи на лодкѣ, по рѣкѣ Кемѣ. Отъ Ковжи ходили пароходы до Бѣлозерска. Вести меня по Кемѣ взялись на своей лодкѣ двѣ молодыя дѣвушки съ Шолы,

сильныя и ловкія, выросшія на рѣкѣ. Это путешествіе было очень пріятно. Погода была прекрасная; рѣка тихая, въ зеленыхъ берегахъ; лодка скользила по водѣ безъ колыханья, — послѣ тряски въ телѣжкѣ лучшаго отдыха нельзя было придумать. Такъ проплыли мы верстѣ восемь. Дѣвушки рассказывали мнѣ о своемъ незавидномъ житьѣ-бытьѣ. Земли мало, жить не на что. Всѣ, кто можетъ, уходятъ въ Петербургъ. У молодыхъ дѣвушекъ только одна мысль въ головѣ — ѣхать въ Питеръ, заработать денегъ «на округу». Если родители не пускаютъ, тайкомъ уходятъ, многія не возвращаются и остаются въ Питерѣ жить.

Слушала я этихъ дѣвушекъ, и мнѣ вспоминалась одна встрѣча въ селѣ Борисовѣ, Уломской волости, Череповецкаго уѣзда. Я шла по улицѣ, по берегу Суды, когда меня нагнала старуха-крестьянка, одѣтая по дорожному, и, судя по утомленному виду и толстому слою пыли на платкѣ, пришедшая издалека. «Ты не питерская-ли будешь?» крикнула она мнѣ. — «Да, я изъ Петербурга», отвѣтила я. — «Дочки моей, Катюши, тамъ не встрѣчала-ли?» — «Ужъ не знаю», засмѣялась я ея наивности. «Петербургъ великъ и народу въ немъ много. Гдѣ же она тамъ живетъ?» — «Да есть у васъ тамъ какая вода, аль рѣка? Такъ у самой воды и живетъ. Ужъ такъ я по ней, по Катюшѣ-то моей, стосковалась, такъ стосковалась, что и рассказать не умѣю. Семнадцати лѣтъ она уѣхала — вотъ пять лѣтъ скоро будетъ. Жду я отъ нея вѣсточки, не дождуся; тоскую, на почту каждую недѣлю хожу — почта отъ насъ пятнадцать верстѣ — нѣтъ отъ нея письма. Ужъ какъ-бы я рада ее повидать! Ни словечкомъ-бы ее не попрекнула, что забыла мать-старуху. Вотъ какъ-бы рада — слѣдочекъ-бы ея поцѣловала. Ты — питерская — не разыщешь-ли мнѣ ее? вѣкъ-бы за тебя Бога молила».

Слезы текли изъ глазъ старухи.

Всюду съ деревни слышится стонъ матерей и женъ. А между тѣмъ жизнь въ деревнѣ такъ бѣдна, такъ неприглядна, что вполне понятно стремленіе молодежи искать лучшей доли. На музыкальное творчество народа эта тяга въ города имѣетъ несомнѣнно губительное вліяніе. «У насъ пѣсни съ голоду издохли», саркастически замѣтилъ одинъ крестьянинъ, изъ близкой къ городу деревни, на мой вопросъ — поютъ-ли у нихъ пѣсни. «Деревня обѣдняла, земли мало, всѣ ее бросили, народъ въ городъ ушелъ».

Любопытно, что Ависья Елизаровна даетъ совсѣмъ другое объясненіе причины исчезновенія пѣсенъ. Какъ-то мы разъ разговорились съ ней о томъ, почему молодежь меньше поетъ, чѣмъ въ старину. Анисья дала мнѣ на это своеобразное объясненіе: «Жить теперь лучше стало, должно быть», отвѣчала она, подумавъ. «Бывало, какъ на барщину погонять, да цѣлый день на чужой работѣ промаешься, вечеромъ и кричишь съ радости, что работа кончена. И какъ пѣли-то! Вѣдь кто поетъ, тому легче, а горе

съ собой таскать да молчать, куда труднѣе. Теперь жить лучше, вотъ и не поютъ».

Но что-же приносится выходцами изъ деревни, въ большинствѣ случаевъ не теряющими съ ней связи, взамѣнъ умирающей старой пѣсни? Чѣмъ ближе къ городу, къ заводу, тѣмъ назойливѣе и вульгарнѣе звучить «частушка», распѣваются «вывернутыя», «супротивныя» пѣсни. Городъ, вслѣдствіе плохой постановки народнаго музыкальнаго образованія, не даетъ пришельцамъ изъ деревни того, что принадлежитъ имъ *по праву*, — знакомства съ музыкальными композиторами, въ произведеніяхъ которыхъ народная пѣсня воскресаетъ, претворенная. Вмѣсто этого, единственно правильнаго и естественнаго хода музыкальнаго развитія народа, народное творчество направляется на другую, «торную» дорогу, гдѣ оно мельчаетъ, грязнится, гдѣ механическая «вертушка», часто съ нелѣпымъ наборомъ словъ, вытѣсняетъ старинную поэтическую пѣсню. Рѣзкой, больной царалиной остался въ моей памяти «стишокъ», который пришлось случайно услышать на берегу Шолы:

«Николаичъ, проклятѣй,
Что надѣлалъ на святой?»

Субъекту, который пѣлъ его, стишокъ, повидимому, нравился, такъ какъ онъ повторялъ его на разные лады. Это былъ, можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ героевъ, который воспѣвается въ современной «частушкѣ»:

«Мой милка хорошъ,
Онъ на писаря похожъ.
Онъ и пишетъ, и мараеть,
И цѣлуеть, обнимаетъ».

На безотрадныя мысли наводятъ подобныя образчики. Но кажется невѣроятнымъ, чтобы изсякъ богатый источникъ народнаго творчества, чтобы ходъ развитія народной музыки прервался, и она выродилась-бы въ механическую, анти-музыкальную частушку.

Тяга на Бѣлозерскомъ каналѣ.

Новыя общественныя вѣянія послѣднихъ годовъ, можетъ быть, уже вызвали къ жизни новыя народныя пѣсни, новую поэзію. Предметъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и изученія.

Въ Кирилловскій уѣздъ мнѣ удалось приѣхать мѣсяца два спустя, въ двадцатыхъ числахъ августа, опять на пароходѣ по Шекснѣ. Я вышла на пристани въ Горѣцѣ, въ восьми верстахъ отъ города Кириллова. На берегу выселись бѣлыя стѣны и церкви Горицкаго женскаго монастыря; мѣсто было мнѣ совершенно незнакомое.

Оставивъ багажъ въ конторѣ пристани, я пошла въ монастырь, надѣясь получить тамъ нѣкоторыя свѣдѣнія. У воротъ мнѣ встрѣтилась одна изъ «рабочихъ-монашекъ» и, разспросивъ по обычаю откуда, куда и зачѣмъ я ѣду, предложила мнѣ войти къ ней въ келью, выпить чаю и попробовать ихъ монастырскаго хлѣба, которымъ Горицкая обитель славится.

Къ ней пришло нѣсколько монахинь. Относительно мѣстностей, гдѣ еще сохранились старинныя пѣсни, онѣ ничего не знали, но на мой вопросъ — поютъ-ли еще по старинному въ монастыряхъ, отвѣтили, что у нихъ теперь поютъ все по нотамъ; что была у нихъ одна монахиня, которая пѣла по старинному, по крюкамъ, но два года, какъ она умерла. Пѣла она совсѣмъ особенно — «съ разводами». Голосъ у нея былъ замѣчательно хорошъ до старости. «Ужъ она голосомъ-то, бывало, водить, водить», рассказывала сестра, «непонятно, какъ у нея духу хватаетъ».

Отъ монашенокъ я записала безъ напѣвовъ нѣсколько «псалмъ», которыя, насколько мнѣ извѣстно, всѣ имѣются въ печати.

Монашенки говорили, что хорошо, по старинному, поютъ въ монастырѣ Нила Сорскаго и, что если я собираюсь ѣхать въ Пуштару, то монастырь будетъ мнѣ по дорогѣ.

Въ Горѣцѣ я наняла ямщика, съ телѣжкой и лошадыю. Это былъ грубоватый старикъ, несравненно менѣе отзывчивый и понятливый, чѣмъ тѣ молодые, грамотные парни, которые ѣздили со мной по Череповецкому и Бѣлозерскому уѣздамъ и отлично мнѣ помогали, иногда даже разъясняя населенію цѣль моей поѣздки. Къ тому-же онъ зналъ плохо дорогу и, желая сократить путь, иногда свертывалъ съ большой дороги на узкія, лѣсныя. Не одинъ разъ въ дорогѣ насъ заставала ночь. Ѣхать приходилось густыми, иногда непроходимыми лѣсами, принадлежащими, по большей части, Удѣльному Вѣдомству. Темно, тихо... Вокругъ неясныя очертанія гигантовъ-деревьевъ, а между ними, и въ глубинѣ — безконечный мракъ. Лошадь бѣжитъ неровнымъ шагомъ, изрѣдка фыркающая, и пастораживая безпокойно уши при малѣйшемъ шорохѣ въ лѣсу. Она все время вслушивается въ жуткую тишину лѣса; это какая-то невѣрная, обманчивая тишина;

въ ней точно притаились всѣ эти великаны-деревья и ждутъ, когда дунетъ вѣтеръ, чтобы зашумѣть, и заскрипѣть, и закачаться безъ устали. Невольно, чтобы нарушить тяжелое ночное безмолвіе угрюмаго бора, я затягиваю пѣсню. Ямщикъ подиѣваетъ слегка и по своему подбодряетъ меня; говорить, что «пѣть хорошо отъ волковъ; что волкъ идетъ на лошадь, а не на человѣка; что онъ и на лошадь не пойдетъ, если слышитъ человѣчій голосъ». Говоря это, старикъ опасно поглядываетъ по сторонамъ, а меня все подбодряетъ: «Пой, матушка, пой, отъ волковъ гораздо хорошо».

Прежде всего, помня совѣты монахинь Горіцкаго монастыря, я рѣшила заѣхать къ Нилу Сорскому, въ 12 верстахъ отъ Кириллова, рассчитывая послушать образцы стариннаго, столповою церковнаго пѣнія. Монахини въ Горіцѣ сомнѣвались, чтобы игумень разрешилъ монахамъ спѣть молитвы для записи въ фонографъ, но мнѣ было интересно хотя бы только послушать ихъ, не записывая.

Чтобы проникнуть въ монастырь, куда мы пріѣхали около двухъ часовъ дня, когда не было службы, я рѣшила остановиться въ гостинницѣ, гдѣ спросила себѣ номеръ. Прислуживавшій при померахъ монахъ сказалъ на мои разспросы, что у нихъ есть одинъ послушникъ, который состоитъ у нихъ регентомъ и знаетъ столповое пѣніе; что настоятель уѣхалъ въ городъ и, что, если я хочу, онъ позоветъ этого послушника, а послушникъ приведетъ съ собой тѣхъ монаховъ, которые умѣютъ пѣть съ нимъ.

Казалось, по началу, что все пойдетъ хорошо. Послушникъ - регентъ и два монаха, которыхъ онъ позвалъ съ собой, очень легко согласились спѣть въ фонографъ. Но по тому, какъ они стали спорить, спѣваясь, прежде чѣмъ пѣть въ фонографъ, я тотчасъ же поняла, что никто изъ нихъ пѣть не умѣетъ.

Чтобы не обидѣть ихъ, я дала имъ все-таки пропѣть два помера въ фонографъ: «Достойно» и «Аллилуйя», но считаю напѣтыя ими фонограммы вполне испорченными. Когда они напѣвали второй валикъ, послышался

шумъ подъѣзжающаго тарантаса. Пѣвцы перепугались, стали пѣть еще хуже, едва кончили и заторопились уходить—это пріѣхалъ игумень. Послушникъ-регентъ и еще одинъ послушникъ, его молодой пріятель, остались, чтобы сняться. Мы вышли вмѣстѣ на дорогу, ведущую къ монастырю, гдѣ я сфотографировала ихъ и часть монастыря, а потомъ мы прошли въ очень красивое мѣсто въ лѣсу—скитъ, гдѣ спасаются схимники. Тамъ я еще разъ ихъ сняла; фотографіи получились, конечно, болѣе характерныя, чѣмъ фонограммы.

Слѣдующей моей остановкой была Ухтома, на берегу Бѣлаго озера,— большое рыбацкое село на большой дорогѣ. Пробыла я тамъ очень недолго; вся обстановка торговаго села не обѣщала ничего хорошаго. Нашла одну старую дѣвушку-причитальницу, которая привела съ собой еще двухъ женщинъ, и записала всего три пѣсни.

Предполагалось изъ Ухтомы ѣхать прямо до Пуштары; но узнавъ, что по дорогѣ, въ Липиномъ Бору, тоже на берегу Бѣлаго озера, въ 10 верстахъ отъ Ухтомы, есть хорошій пѣсельникъ, Лаврентій Дмитріевичъ, я рѣшила тамъ остановиться.

Когда мы въѣхали въ деревню, вокругъ насъ, какъ изъ земли выросла толпа любопытныхъ ребятишекъ. Мы спросили, гдѣ тутъ живетъ Лаврентій-пѣсельникъ, но отъ ребятишекъ нельзя было добиться толку. Какая-то баба крикнула намъ изъ окна. «Вамъ Лаврентія? Да вотъ его изба, рядомъ съ моею. Эхъ, дома его нѣтъ: вишь, дверь на замокъ заперта».—«А гдѣ же онъ?»—«Картошку копаеть», сказала баба.—«Да у него и картошки своей нѣтъ, вся сгнила», протестовалъ хоръ ребятишекъ вокругъ телѣжки.—«И то», согласилась баба-сосѣдка, «можетъ, чужую копаеть... А вамъ его зачѣмъ?»—«Пѣсни, говорятъ, онъ хорошо поетъ,— такъ записать».—«Правда, правда истинная», сказала баба, «такъ поетъ, такъ поетъ... Бѣдень. Картошка сгнила... а ужъ поетъ—наплачешься, его слушаючи».

Баба стала рассказывать, какъ у нея умерло двое дѣтей и она «словно окостенѣла», плакать не могла. Сидитъ она разъ у окошка, двинуться не можетъ. Слышитъ—идетъ Лаврентій и поетъ тихимъ нѣжнымъ голосомъ; про ангеловъ въ небѣ что-то поетъ, про рай-садъ небесный. И прошелъ ей этотъ голосъ въ самую душу, къ сердцу. Подкатило къ сердцу, заныло оно, и залилась она слезами. Выплакалась, будто ожила, легче стало и столбнякъ прошелъ.

Лаврентія скоро разыскали—онъ дѣйствительно копалъ въ полѣ, по найму, чужую картошку. Онъ оказался очень пріятнымъ, добродушнымъ старикомъ. Сначала Лаврентій немного стѣснялся, но когда понялъ для чего его разыскиваютъ, даже весь просіялъ отъ удовольствія. Чай мы пили у его брата, тамъ познакомились, потолковали о пѣсняхъ, о томъ, о семъ, потомъ перешли въ его бѣдную избушку, гдѣ насъ ожидала его старуха,

худая, желтая, болѣзненная. Оба они были очень гостепріимны и ласковы, хотя угощать имъ было рѣшительно нечѣмъ. Лаврентій, смѣясь, говорилъ, что онъ «бѣденъ добромъ, да за то богатъ пѣснями».

Фонографъ довольно хорошо повторилъ его первую пѣсню, и Лаврентій остался очень доволенъ. Пришли еще два мужика и братъ его, но пѣсни, которыя они пѣли вмѣстѣ, выходили хуже, чѣмъ тѣ, которыя онъ пѣлъ одинъ. У него былъ какой-то особенный старосвѣтскій стиль, и своеобразность его пѣнія мѣшала другимъ пѣть съ нимъ. Кромѣ пѣсенъ — «Подуй, повѣй, погодка», «Спородила сына мати», «Теща зятя провожала» и др., онъ спѣлъ любопытную пѣсню-романсъ «Подлѣ рѣчки, на бережку» (№ 12, стр. 28). Каждую мелодію онъ сопровождалъ своеобразными украшеніями; въ нихъ будто сказывалась добродушная стойкость его характера. По этимъ украшеніямъ можно легко узнать пѣсни, которыя онъ складывалъ. Мнѣ кажется, что нѣкоторые другіе пѣвцы—Степанъ Китовъ (Новая Старица), Пелагея Матвѣевна (Ивановское), Григорій Александровичъ (Малата), складывали свои пѣсни изящнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ Лаврентій Дмитріевичъ, но варианты послѣдняго несомнѣнно отличались большою оригинальностью. Онъ такъ увлекся записываніемъ пѣсенъ въ фонографъ, что мы не замѣтили, какъ стемнѣло. Лаврентій пѣлъ пѣсню за пѣсней чуть не до полуночи, когда вся деревня уже была погружена въ глубокой сонъ.

Лаврентій Дмитріевичъ и его жена, изъ Липина Бора.

Накопецъ усталость принудила и насъ подумать о снѣ. Жена Лаврентія постлала мнѣ на полу, въ каморкѣ, великолѣпную оленью шкуру, мягкую, съ густымъ волосомъ и серебристымъ отливомъ, говоря: «Спи, милая, на мягкой постелькѣ. За три рубля шкуру-то купила—для нищихъ и для гостей». Лаврентій Дмитріевичъ и его жена легли въ первой комнатѣ и не давали мнѣ спать разспросами о Петербургѣ, о томъ, какъ тамъ люди живутъ, какія жалованья получаютъ... Но скоро я крѣпко заснула на «ложѣ для нищихъ», которос показалось мнѣ необыкновенно удобнымъ. На утро нужно было встать ранехонько, чтобы успѣть сфотографировать Лаврентія и его жену прежде, чѣмъ все населеніе Липина Бора выйдегъ на улицу. Старуха боялась, не осудили бы ее за то, что она вздумала сниматься на старости лѣтъ. Я усадила Лаврентія и его жену рядомъ, за

телѣжкой, въ которой я пріѣхала, и сняла ихъ такъ, что никто не видѣлъ. Но сосѣдняя дѣвочка замѣтила, что жена Лаврентія надѣла нарядный сарафанъ, и черезъ полчаса, а можетъ быть и менѣе, собралась цѣлая гурьба дѣвочекъ и бабъ, чтобы узнать причину этого важнаго событія.

Лаврентій Дмитріевичъ посоветовалъ мнѣ остановиться въ селѣ Андреевскомъ, въ 30 верстахъ отъ Липина Бора и записать нѣсколько пѣсень отъ Игнатія Тимофеевича, сторожа земской избы. Лаврентій говорилъ, что у него голосъ былъ прежде очень хорошъ; что послѣднее время онъ хвораеть и съ голоса спалъ, но что попробовать записать его пѣсни стоить.

Я приняла совѣтъ Лаврентія къ свѣдѣнію и заѣхала въ Андреевское, которое лежало на дорогѣ къ Пуштарѣ, въ которую я направлялась. Игнатія Тимофеевича мы застали въ страшныхъ хлопотахъ и волненіи. Онъ ожидалъ кого-то изъ начальства, былъ очень озабоченъ, чтобы все было въ порядкѣ и никакъ не могъ сосредоточиться на пѣсняхъ. Онъ спѣшилъ, сокращалъ пѣсни, торопиль темпъ и не давалъ полного голоса передъ фонографомъ, такъ что записи вышли очень несовершенныя. Отъ волненія онъ даже не могъ вспомнить нѣкоторыя пѣсни, которыя зналъ хорошо. Ему пробовали поддѣвать сосѣдъ (низкій голосъ) и дочь его. Но большею частью онъ пѣлъ пѣсни одинъ и напортилъ довольно много валиковъ. Отъ страха передъ начальствомъ онъ сдѣлался какимъ-то невмѣняемымъ, несознательнымъ человѣкомъ, хотя отъ природы былъ не глупъ и, повидимому, талантливъ. Но его «Лучипушка» (№ 4, стр. 9) при спокойномъ душевномъ состояніи могла бы выйти несравненно лучше. Онъ самъ говорилъ, что она вышла плохо, а поддѣвавшій басокъ тоже немного помогъ. Въ ихъ мѣстности пѣсня эта забыта.

Игнатій Тимофеевичъ спѣлъ, между прочимъ, скорую пѣсню «Какъ у нашего сосѣда», съ акомпаниментомъ деревянныхъ ложекъ. Онъ держалъ въ рукахъ четыре деревянныя ложки, очень ловко перебиралъ ихъ пальцами и стукалъ ложкой объ ложку, такъ что получалось впечатлѣніе кастањетъ. Акомпаниментъ производилъ, впрочемъ, скорѣе впечатлѣніе ловкаго фокуса, чѣмъ музыкальнаго дополненія къ пѣснѣ. Тимофей заканчивалъ каждое колѣно пѣсни ритмическимъ выстукиваніемъ на ложкахъ.

Въ Андреевкѣ я пробыла не долго.

Проблуждавъ, изъ-за несокрушимаго упрямства моего ямщика, по дремучимъ лѣсамъ и незнакомымъ дорогамъ около двухъ сутокъ, мы подѣхали къ вечеру, когда уже смеркалось и деревня ложилась спать, къ маленькому поселку «Попово», гдѣ живетъ духовенство Пуштарской волости. Вслѣдствіе того, что отъ большого почтоваго тракта его отдѣляютъ двадцать верстъ ужасной дороги, называемой мѣстными жителями «колод-

никомъ», по которому ѣздить находится очень мало охотниковъ, уголокъ этотъ точно отрѣзанъ отъ міра¹⁾).

Поэтому не удивительно, что старая дьячиха, встрѣтившая меня первая, отъ изумленія на всѣ мои вопросы бормотала что-то несуразное, такъ что я приняла ее за помѣшанную, а потомъ она оказалась очень милой старушкой, Александрой Кирилловной, къ которой я и ѣхала, и которую деревенская молва рекомендовала мнѣ прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Она живетъ съ сестрой, старой дѣвушкой, и съ внучкой, въ маленькой избушкѣ, такой плохой, что когда поднимается вѣтеръ и буря, ея внучка молится: «Боже, спаси и сохрани бабушкину крышу». Обѣ старушки оказались очень привѣтливыми, обогрѣли меня, напоили чаемъ, а Александра Кирилловна распростерла на полу соломенный одръ, на которомъ я съ наслажденіемъ растянулась.

Старушки приняли большое участіе въ моемъ дѣлѣ и надавали совѣтовъ. На другой день было воскресенье. Я пошла къ обѣднѣ. Церковь была полна народомъ. Меня насквозь пронизывали любопытные взгляды сотенъ глазъ. Поразительно, какъ много было больныхъ женщинъ, безъ кровинки въ лицѣ, и заморенныхъ ребятишекъ. Бѣдность, повидимому, была большая. Послѣ обѣдни я пошла въ деревню «Нестерово», въ полуверстѣ отъ Поповскаго поселка, упрашивать трехъ стариковъ, на которыхъ мнѣ указала Александра Кирилловна, придти поигать пѣсни. Въ Нестеровѣ все было сѣро и бѣдно. Люди—застѣнчивые, замкнутые, хмурые. Сначала старики упирались, но послѣ долгихъ переговоровъ и увѣщаній, согласились придти. Обыкновенно, я вначалѣ не говорила, что записываю пѣсни «машинкой», а то она совсѣмъ съ ума сводитъ и большихъ, и малыхъ, такъ что въ избу, гдѣ идетъ записыванье, набирается громадная толпа, которая мѣшаетъ дѣло дѣлать. Такъ было и на этотъ разъ со стариками. Мы выбрали пѣсни, записали слова, и тогда только я открыла секретъ. Вышло очень удачно. Они очень легко согласились спѣть «въ трубу». Поютъ они хорошо. Поздиѣе пришли и старухи, и молодежь; пѣсни были записаны и отъ нихъ. Лучшимъ пѣвцомъ былъ Асикридь Федоровичъ Малыгинъ, высокій старикъ за шестьдесятъ лѣтъ, съ длинной окладистой бородой, съ строгимъ лицомъ человѣка, много вынесшаго въ жизни и знавшаго тяжелый трудъ. Особенную строгость его лицу придавали двѣ глубокія складки между бровями. Пѣлъ онъ тоже строго, правильно, ритмично и ворчалъ на

1) Колодникомъ называютъ дорогу въ топкихъ мѣстахъ, которую укрѣпляютъ хвостомъ и жердями, настиганными поперекъ дороги. Для мягкости, жерди (колодникъ) покрываютъ хвойными «лапками» и сучьями, но они быстро сбиваются и остаются голыя жерди, которыя поднимаются и опускаются какъ клавиши. Можно себя представить, какую адскую пытку терпитъ путешественникъ на простой телегѣ, безъ рессоръ, при ѣздѣ по такой дорогѣ.

своихъ товарищей, когда тѣ отступали отъ мѣстныхъ традицій хорошаго пѣнія и растягивали пѣсню, впадая въ неопредѣленный ритмъ. Они долго спѣвались, прежде чѣмъ рѣшались записать пѣсню.

80 л. дѣдъ Зиновій Коротковъ изъ
Сгѣшкова (къ стр. XXVII).

Асикридь Федоровичъ Малыгинъ изъ
Нестеровки.

На записываніи пѣсенъ въ Поповѣ присутствовалъ молодой крестьянинъ изъ села Родники, въ 17-ти верстахъ отъ Пуштары, и приглашалъ меня пріѣхать къ нимъ въ село, говоря, что у нихъ есть «древнія старухи», которыя умѣютъ пѣть старинныя пѣсни. «Я домой не ѣду, у меня здѣсь дѣло, а вы прямо поѣзжайте», говорилъ онъ: «будьте покойны, васъ хорошо примутъ, не хуже здѣшняго».

Такъ какъ село Родники приходилось по пути къ Чарондскому озеру, куда я собиралась проѣхать, то я охотно согласилась.

Имѣя уже достаточный опытъ въ записываніи пѣсенъ фонографомъ, а въ двухъ деревняхъ Новгородской губерніи даже найдя фонографъ у сыроваровъ, которые пытались записывать имъ пѣсни, я совершенно успокоилась насчетъ того, что «нечистая сила» уже не преградитъ мнѣ нигдѣ дороги, и что къ удивительному изобрѣтенію Эдиссона начинаютъ относиться просто. Но въ «Родникахъ» (Кирилловскаго уѣзда, Польшчепьгской волости) меня ожидало неожиданное приключеніе.

Я остановилась въ Родникахъ въ домѣ богатаго крестьянина, на котораго мнѣ указалъ Федоръ, молодой крестьянинъ, о которомъ я говорила выше. Старуха-хозяйка оказалась большой любительницей старинныхъ пѣсенъ. Она собрала дѣйствительно древнихъ старухъ, сморщенныхъ, убогихъ, съ разбитыми, слабыми голосами и какими-то обрывками пѣсенъ въ памяти. Сначала дѣло шло плохо, и я думала, что записывать не стоитъ. Но, чтобы попасть въ Родники, пришлось ѣхать опять по ужасной дорогѣ, называемой «колодникомъ»; мнѣ не хотѣлось подвергаться этой пытке напрасно, и я терпѣливо добивалась, чтобы старухи что-нибудь наладили,

пѣла съ ними, напоминала имъ пѣсни. Наконецъ у нихъ пошло недурно, и старухи рѣшили спѣть «въ трубу», но съ тѣмъ, чтобы сначала послушать «машинку». Я дала имъ послушать нѣсколько пѣсенъ, объяснила, какъ обыкновенно, устройство фонографа и предложила имъ спѣть. Старухи уже стали передъ рупоромъ и приготовились пѣть, какъ вдругъ хозяйка попятилась назадъ. «Нѣтъ, не могу», заговорила она съ испуганнымъ лицомъ. «Страховито. Не люди въ трубѣ поютъ, а бисы; діаволь рычитъ». Всѣ старухи шарахнулись отъ трубы, какъ испуганныя овцы. Собрались въ кучку. Слышу, хозяйка впускаетъ имъ, что пѣть въ трубу грѣхъ, начинаетъ говорить о послѣднемъ днѣ, о гласѣ трубномъ. Я вижу, что дѣло плохо, но не настаиваю, зная, что это не поможетъ. Молча убираю фонографъ и соображаю, насколько глухие слухи могутъ повредить дѣлу въ другихъ мѣстахъ. Потомъ начинаю опять толковать имъ все сначала, зачѣмъ нужно сохранить пѣсни, какъ важно записать ихъ, пока онѣ еще не всѣми забыты и т. д. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я понимаю, что всѣ доводы мои безсильны передъ убѣжденіемъ, что пришелъ «конецъ міра», и поэтому стараюсь затронуть другую, болѣе понятную сторону вопроса. «Какъ вамъ не стыдно?», говорю я имъ: «вы говорите: грѣхъ, грѣхъ... А развѣ можетъ быть болѣе грѣхъ, какъ обидѣть человѣка? Развѣ вы не понимаете, какую злую небылицу вы на меня взводите, папраслину? Меня вѣдь и по-звалъ-то къ вамъ вашъ-же мужикъ, Федоръ; въ Пуштарѣ, у батюшки, мы встрѣтились. — «Федоръ? Такъ оно и есть. Онъ на праздникъ въ Пуштару ѣздилъ, дѣло у него къ батюшкѣ было», слышались голоса. — «И пѣсни тамъ записывала, и самъ батюшка помогаль», вступился мой ямщикъ. — «Ну, поѣдемъ, дядюшка Никаноръ. Богъ съ ними», сказала я. Потомъ помолилась умышленно широкимъ крестомъ на образъ и пошла садиться въ телѣжку. Старухи были смущены и толклись на крыльцѣ.

«Ты бы намъ хоть по гривенничку дала», нерѣшительно проговорила одна старуха. Я чуть не разсмѣялась. Очевидно, образъ дьявола блѣднѣлъ. «Эхъ, вы, безстыдницы», крикнулъ на нихъ дядюшка Никаноръ: «обидѣли человѣка, да съ него же гривенникъ тянете», и ударилъ по лошадямъ. «Изъ ума выжили старухи. Дуры-бабы», проговорилъ онъ, и долго плевалъ сердито на дорогу.

Кромѣ одного, двухъ подобныхъ случаевъ, отношеніе къ удивительной «машинкѣ», напоминающей пѣсни съ перваго раза — это особенно удивляло крестьянъ — было вполне разумное. Она возбуждала громадный интересъ. Всѣ хотѣли знать, кто тотъ хитрый человѣкъ, который ее выдумалъ, и старались запомнить имя Эдиссона. «Ишь, проворный какой», замѣчали они. «Премудрость Соломонова, истинно», говорили старухи. «Эта машинка выдумана для вдоваго попа», сказалъ какой-то острякъ. «Заскучаетъ безъ жены, вотъ ему и утѣха».

На берегу Чарондскаго озера я встрѣтила еще одного интереснаго пѣвца, Лаврентія Семеновича, въ рыбацкой деревнѣ Мережинѣ.

Лаврентій — человекъ среднихъ лѣтъ, крѣпкій, съ широкой грудью, очень сильный, закаленный опасностями, которымъ постоянно подвергаются рыбаки въ работѣ на огромномъ Чарондскомъ озерѣ, временами очень бурномъ. У Лаврентія очень хорошій, сильный баритонъ и прекрасный слухъ.

Въ Мережинѣ я остановилась, по рекомендаціи одного учителя, у его родственника, богатаго крестьянина, который держалъ почтовую избу. Народу, желавшаго пѣть, приходило много, но хорошихъ пѣвцовъ не было совсѣмъ. Хора не могло составиться потому, что всѣ были изъ разныхъ деревень. Тогда я задумала съѣздить въ Чаронду, большую рыбацкую слободу на Чарондскомъ озерѣ. Двадцать пять верстъ пришлось пройти пѣшкомъ по болотистой мѣстности, а двѣнадцать проѣхать на лодкѣ. Хозяинъ почтовой избу и Лаврентій поѣхали вмѣстѣ со мной. Чаронда оказалась гораздо болѣе мѣщанской слободой, чѣмъ я ожидала по рассказамъ тѣхъ, которые называли ее «тихимъ угломъ». Очевидно «Питерцы» имѣли тутъ огромное вліяніе. Прежде всего это сказывалось на одеждѣ — модныя кофточки, юбки, шарфы, ситецъ и коленкоръ, вмѣсто холстовъ; это-же вліяніе отразилось и на пѣсняхъ. Нѣсколько пѣсенъ я записала, но тратить изъ за нихъ столько силъ и времени положительно не стоило. При томъ-же мой хозяинъ въ Мережинѣ ожидалъ кого-то изъ начальства, все время боллся, что мы опоздаемъ, и торопилъ меня ѣхать обратно. Когда мы возвращались на лодкѣ, Лаврентій началъ пѣть, сначала потихоньку, потомъ все громче и громче. Онъ мнѣ рассказалъ, что, когда онъ служилъ въ солдатахъ, въ полку любили его голосъ и много заставляли пѣть. Я спросила, согласенъ-ли онъ спѣть въ фонографъ. «Отчего-же не спѣть? спѣть можно», отвѣчалъ онъ и началъ припоминать пѣсню за пѣсней.

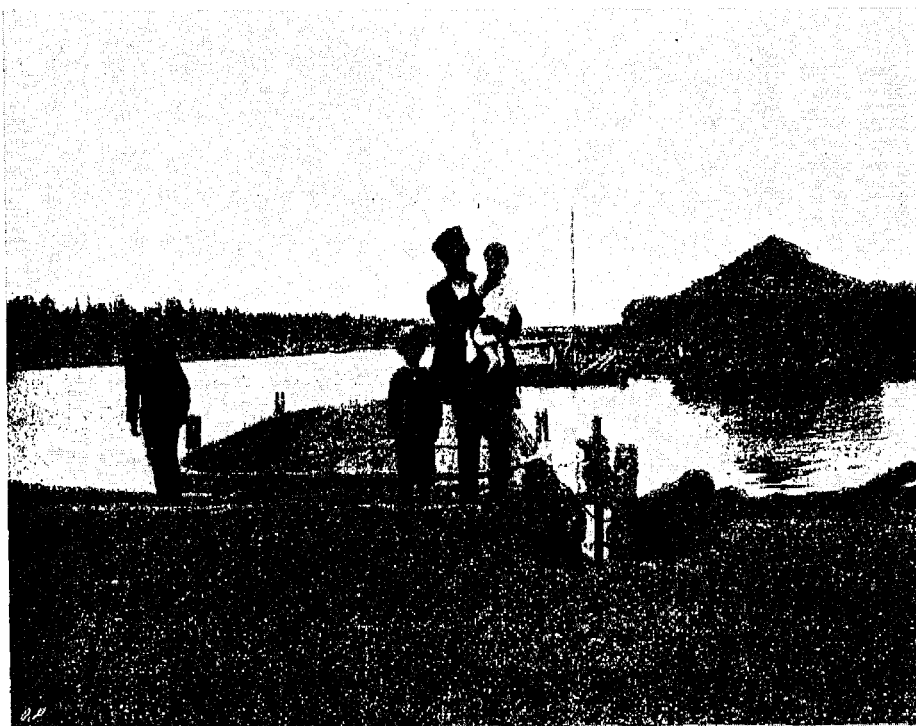
Пѣль онъ просто и хорошо. Голосъ на водѣ звучалъ богато; но пѣніе его не производило впечатлѣнія импровизаціи; онъ могъ, вопреки обычаю деревенскихъ пѣвцовъ, много разъ повторять пѣсню одинаково, не вводя въ нее никакихъ измѣненій. Причиной этого, вѣроятно, была привычка много разъ повторять то-же самое по требованію начальства и товарищей въ полку, когда онъ, главнымъ образомъ, заучилъ пѣсни.

Возвратившись въ Мережино, я записала отъ Лаврентія нѣсколько пѣсенъ. Двѣ изъ нихъ «Калинушка» и «Поле чистое, турецкое» вошли во II-ой выпускъ. Въ то время, какъ онъ пѣлъ «Калинушку», пришелъ еще одинъ пѣвецъ, который заявилъ, что знаетъ «Калинушку», и предложилъ спѣть ее съ Лаврентіемъ. Оба голоса были однородные — баритоны; оба привыкли быть запѣвалами, и каждый изъ нихъ хотѣлъ «вести» пѣсню, ни одинъ не уступалъ, каждый настаивалъ на своемъ вариантѣ. Лаврентій

выходилъ изъ себя и говорилъ, что не можетъ пѣть съ нимъ, что онъ ему «голосъ перешибаетъ». Вариантъ, помѣщенный подъ № 9, спѣтъ обоими пѣвцами вмѣстѣ, послѣ многихъ препирательствъ.

Изъ другихъ пѣсень, которыя записаны на берегу Чарондскаго озера, очень характерна пѣсня подъ № 23 — «За озерьемъ, во сторонкѣ». Она была спѣта тремя крестьянками изъ деревни Трофимова. Ея монотонный, апатичный припѣвъ «Да эхъ-хе-хе», звучитъ страннымъ контрастомъ съ трагическимъ содержаніемъ пѣсни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенно живо характеризуетъ будничную среду сплетень и мелочей жизни, въ которой зарождаются ужасныя преступленія.

Пѣвицы были изъ самыхъ посредственныхъ, но пѣли онѣ выразительно, только припѣвъ былъ полонъ какимъ-то безнадежнымъ равнодушіемъ и апатіей. Въ музыкальномъ отношеніи пѣсня эта большого значенія не имѣетъ, но бытовая сторона жизни «за озерьемъ, во сторонкѣ», рисуется необыкновенно сильно. Въ захолустной, полной мелкихъ дрязгъ, жизни заброшеннаго за озеро мѣстечка сяметни двухъ кумушекъ («двѣ Оедосья») доводятъ человѣка до убійства жены, звѣрскаго убійства: онъ убиваетъ ее въ банѣ и разрубаетъ тѣло на части. Гнетъ безпросвѣтной обстановки роковымъ образомъ давитъ на душу человѣка и губитъ ее.

Въ устьѣ Шолы (къ стр. XXXIII).

Поѣздка по Новгородской губерніи весьма рельефно рисуесть условія, въ которыхъ находится работа по собиранію народныхъ пѣсенъ. Несомнѣнно, что еще во многихъ мѣстахъ есть люди, по большей части старики и старухи, которые помнятъ старинныя пѣсни и любятъ ихъ. Несомнѣнно, что слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы записать оставшіеся въ живыхъ образцы музыкальнаго творчества нашего народа.

Передъ современнымъ изслѣдователемъ стоитъ чрезвычайно важный вопросъ — изученіе склада, музыкальнаго строенія народной пѣсни. Несмотря на то, что въ Россіи сдѣлано въ этомъ направленіи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, народъ *не узнаётъ* своей пѣсни въ различныхъ разработкахъ ея. Такъ, напримѣръ, Г. А. Прохоровъ (изъ Мѣлаты), говорилъ мнѣ, что не можетъ «приладить своего подголоска» къ пѣснямъ, которыя поетъ одинъ его знакомый, хорошій пѣвецъ-любитель, пѣвшій въ хорѣ Славянскаго: «Не по нашему поетъ». Очевидно, что различіе въ пѣніи обоихъ пѣвцовъ заключалось именно въ музыкальномъ складѣ, потому что названіе и слова пѣсенъ были тѣ же, слухъ же у Г. А. и способность «вести подголоски» замѣчательныя. Притомъ же пѣсни, записанныя посредствомъ фонографа въ другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, онъ тотчасъ же узнавалъ и очень легко прилаживалъ къ нимъ подголосокъ, когда я пробовала ихъ пѣть съ нимъ.

Другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на кустарной выставкѣ въ Петербургѣ, пѣли два хора. Одинъ небольшой, человекъ въ 20, исполнялъ пѣсни народныя по фонографическимъ записямъ, безъ измѣненій, въ томъ видѣ, какъ онѣ были записаны. Другой, большой оперный хоръ пѣлъ пѣсни въ искусственной обработкѣ, «положенныя на голоса» музыкантами. Между кустарями были сѣверяне изъ Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерній, которые оказались большими любителями музыки и внимательно прослушивали всю программу концертовъ. Исполненіе пѣсенъ народныхъ ихъ особенно интересовало. Они собирались кучкой невдалекѣ отъ эстрады, на которой пѣлъ хоръ, и напряженно внимательно вслушивались, дѣлая, по временамъ, замѣчанія. О маленькомъ хорѣ, пѣвшемъ по фонографическимъ записямъ, они говорили: «Эти поютъ наши пѣсни. Хоть и барышни поютъ, а пѣсни наши». Но большой оперный хоръ приводилъ ихъ въ смущеніе. За тяжеловѣсной гармонизаціей они не могли узнать свои пѣсни. «По-нѣмски поютъ», сказалъ разъ мой сосѣдъ, крестьянинъ Олонецкой губерніи, слушая исполненіе большого хора, который пѣлъ, помнится, «Ужъ какъ по мосту, мосточку». — «Какъ по-нѣмски!» воскликнула я: «развѣ не слышите припѣва «Ой калина, ой малина»?». Сѣверянинъ сталъ внимательнѣе вслушиваться. «И то», сказалъ онъ съ смущеніемъ. Слышу «Ой калина, ой малина». Да все не то; по *своему* поютъ, не по нашему».

Замѣчаніе это опять относилось, несомнѣнно, не къ словамъ, которыя онъ разобралъ, а къ музыкальному складу пѣсни. Очевидно, въ пѣснѣ народной, при большой свободѣ импровизаціи, есть свои, особыя черты, иногда едва уловимыя, неотъемлемо ей принадлежащія.

Не разъ приходилось мнѣ наблюдать, что дѣти въ сельскихъ школахъ съ большимъ трудомъ разучиваютъ такъ называемыя народныя пѣсли школьных сборниковъ, въ родѣ «Ахъ, ты воля, моя воля», «Нива, моя нива», и т. д. А между тѣмъ, тѣ же дѣти дома, подражая старшимъ, поютъ несравненно болѣе сложныя пѣсни гораздо лучше. Во время моей поѣздки по Новгородской губерніи мнѣ приходилось слышать пѣніе маленькихъ нянекъ (дѣвочекъ 10, 12 лѣтъ). Это совершенный снимокъ въ миниатюрѣ съ хора взрослыхъ — съ запѣвомъ, подголосками, охами и ахами. Въ школѣ же требуется или унисонъ, который имъ труденъ, т. к. они привыкли къ подголоскамъ, или пѣніе *параллельными терціями*, къ которымъ пристрастны многіе «арранжировщики» пѣсенъ, но которыя чужды складу народной пѣсни уже потому, что она есть развитіе одной основной мелодіи, отъ которой другіе голоса отвѣтвляются и снова возвращаются къ ней на заключительныхъ нотахъ въ унисонъ. Въ народномъ пѣніи параллельныя терціи встрѣчаются чаще въ свадебныхъ пѣсняхъ. Впрочемъ, я знала двухъ крестьянскихъ дѣвочекъ - сестеръ, подъ Москвою, которыя работали вмѣстѣ (мотали бумагу на шпульки) и постоянно пѣли вмѣстѣ въ терцію «И шумить, и гудить», «Воръ воробей», и тому подобныя полугородскія пѣсни. Но обѣ уже побывали въ школѣ. Можетъ быть, школа же повлияла и на свадебныя пѣсни, которыя большею частію записаны отъ молодежи.

Припоминается мнѣ также одинъ интересный фактъ, рассказанный мнѣ устроительницей театральныхъ представлений въ Воронежской губерніи, З. С. Соколовой. У нихъ ставились отрывки изъ «Русалки» Даргомыжскаго. Деревенскія дѣвушки составляли хоръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, проходя по деревнѣ, З. С. услышала какую-то новую, очень красивую пѣсню, которую пѣли дѣвушки. Прислушавшись внимательно, она узнала въ этой пѣснѣ «Сватушку» Даргомыжскаго, но измѣненнаго и украшеннаго въ духѣ народной пѣсни.

Всѣ вышеприведенные факты несомнѣнно подтверждаютъ необходимость болѣе серьезнаго и тщательнаго изученія народной пѣсни, болѣе правильнаго ея пониманія, болѣе точной записи.

Но какой способъ собиранія пѣсенъ можно считать наилучшимъ, т. е. самымъ точнымъ и вѣрнымъ, самымъ полезнымъ для науки?

Есть очень достойные собиратели, которые собираютъ цѣлыя коллекціи пѣсенъ, не трогаясь съ мѣста. Они довольствуются случайно попавшими въ ихъ руки интересными экземплярами пѣсенъ отъ самыхъ разнообраз-

ныхъ исполнителей, начиная съ оперныхъ пѣвцовъ и кончая кухаркой или лакеемъ. Достоинства этихъ записей зависятъ всецѣло отъ таланта собирателя, отъ его музыкальнаго чутья. Обыкновенно такіе собиратели, не имѣя возможности провѣрить *сравненіемъ* вѣрность своихъ записей, склонны преувеличивать ихъ значеніе и считаютъ ихъ единственно вѣрными, «химически-чистыми», по выраженію одного доктора-коллекціонера.

Другіе собиратели, живя въ деревнѣ, изучаютъ свою округу, свой уѣздъ или губернію и собираютъ мѣстные пѣсни. Въ выводы ихъ изслѣдованія можетъ вкратчѣ вѣрность некоторая односторонность, но у нихъ въ рукахъ уже болѣе цѣнные данныя: они стоятъ у самаго источника.

Третій способъ — спеціальныя поѣздки для записыванія пѣсенъ, можетъ быть самый правильный. Я говорю «можетъ быть», потому что, испытавъ его на дѣлѣ, вижу и въ немъ нѣкоторыя недостатки. Преимущество его въ томъ, что онъ открываетъ собирателю огромное поле изслѣдованія, даетъ возможность познакомиться съ пѣсней разныхъ мѣстностей, сравнивать различные варианты пѣсенъ. Главный же его недостатокъ — невольная спѣшность дѣла и, иногда, отсутствіе предварительнаго знакомства съ мѣстными условіями и съ людьми, съ которыми приходится имѣть дѣло. Вообще, къ дѣлу собиранія пѣсенъ *важно привлечь мѣстныхъ деревенскія силы*. Нѣтъ пользы вступать въ сношенія со всѣми учителями, священниками, земскими начальниками и другими оффиціальными лицами, не зная ихъ. Это дѣло было-бы напрасной тратой времени. Изъ личнаго опыта я убѣдилась, что очень немногіе интеллигенты знаютъ пѣсни своей мѣстности.

Цѣнны только указанія людей, дѣйствительно интересующихся этимъ дѣломъ. Узнать же ихъ можно только на мѣстѣ. Поэтому я рекомендовала-бы *предварительныя поѣздки* для ознакомленія съ мѣстностью и населеніемъ, во время которыхъ можно опредѣлять пункты, гдѣ стоить записывать пѣсни, и познакомиться съ «пѣсельниками». Вотъ эти народные пѣвцы, главнымъ образомъ старики и старухи, и есть тотъ элементъ, который важенъ при собираніи *хоровыхъ* записей. Нужно познакомиться съ ними во время предварительной поѣздки, просить ихъ приготовить пѣсни «артелью», какъ они называютъ, къ слѣдующему пріѣзду собирателя и условиться относительно времени, къ которому можетъ спѣться хоръ. Я думаю, что это единственный способъ (конечно, употребляя при этомъ фонографъ) приблизиться къ идеальной записи народнаго хорового исполненія; иначе всегда придется довольствоваться исполненіемъ двухъ-трехъ стариковъ, а иногда и одного старика или старухи, такъ какъ другіе не знаютъ пѣсенъ по старинному складу. Для того, чтобы записать возможно лучше хоровое исполненіе, необходимо впередъ все приготовить, впередъ вступить въ сношенія съ мѣстными «пѣсельниками». Узнать-же о нихъ можно

дорогою, при переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, лучше всего—отъ самихъ крестьянъ.

Вообще опытъ показываетъ, что лучше всего удастся организовать записываніе пѣсенъ не *сверху*, т. е. черезъ начальство, помѣщиковъ, священниковъ и т. д., а *снизу*, обращаясь къ самому источнику, т. е. къ самимъ «пѣсельникамъ». Только окунувшись въ «гушу жизни», идя къ крестьянамъ, какъ равный, безъ пренебреженія къ ихъ обычаямъ, ихъ привычкамъ, собиратель можетъ вполне проникнуть въ ихъ жизнь, ихъ интересы, понять ихъ горе и радости; только при увѣренности въ хорошемъ отношеніи крестьянинъ открываетъ свою душу въ пѣснѣ, поетъ съ увлеченіемъ, и «пѣсня рождаетъ пѣсню».

Очень важно установить въ народѣ тотъ взглядъ, что помнить и пѣть старинныя пѣсни не стыдно и не только не преступленіе, но даже въ своемъ родѣ гражданская доблесть. Тогда повсемѣстно старики и старухи постараются припомнить многія забытыя пѣсни. Хорошо было-бы какимъ-либо способомъ благодарить тѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ изъ народа, которые стараются вспомнить и вновь ввести въ употребленіе хорошія старинныя пѣсни. Тогда не были-бы возможны факты, подобныя слѣдующимъ.

Въ Великомъ Устюгѣ въ праздничный день я разыскивала слѣпыхъ пѣвцовъ духовныхъ стиховъ, спрашивала объ нихъ многихъ и наконецъ обратилась къ городовому на площади съ вопросомъ: «У какого храма больше собирается слѣпцовъ?». Городовой вытянулся въ струнку и съ самодовольствомъ вѣрнаго исполнителя приказаній начальства отрапортовалъ: «Ихъ нигдѣ не пайдти-съ! Какъ только гдѣ покажется слѣпецъ, мы его тотчасъ увольняемъ-съ! Смута отъ нихъ. Народъ скопляется!».

Другой фактъ случился въ Тамбовской губерніи, Сызранскаго уѣзда, въ деревнѣ Александровкѣ, въ одну изъ моихъ прошлыхъ поѣздокъ, когда шестьдесятъ-трехъ лѣтняго старика-запѣвалу священникъ поставилъ на колѣни въ церкви, при всемъ народѣ, за то, что онъ, по моей просьбѣ, пѣлъ пѣсни въ фонографъ въ неурожайный годъ. Неудивительно, что при такомъ отношеніи священника къ собиранію образцовъ музыкальнаго народнаго творчества, суевѣрныя старухи могутъ принимать собирателя народныхъ пѣсенъ за агента дьявола или антихриста, а изъ рупора фонографа слышать не свои голоса, а рычанье дьявола («дьяволь рычитъ»). Нельзя ожидать, чтобы необразованные крестьяне могли всегда стоять выше получившаго образованіе начальника почты, который не хочетъ даже взглянуть на официальную бумагу всеѣмъ извѣстнаго и уважаемаго ученаго общества и не находитъ лучшаго мѣста для записыванія произведеній народнаго гениа, какъ кухня. Эти факты ясно показываютъ, въ какомъ еще унчетенномъ состояніи въ Россіи находится наука вообще и этнографія въ частности. Народовѣдѣніе, одна изъ важнѣйшихъ отраслей знанія, не при-

знаётся, даже претерпѣваетъ гоненія отъ людей, которые считаются просвѣщенными, образованными, и обязанность которыхъ содѣйствовать, а не мѣшать изслѣдованіямъ ученыхъ обществъ. Отчасти это служить также доказательствомъ несовершенства въ организаціи этнографическихъ изысканій и недостатка гласности въ этомъ важномъ дѣлѣ. Необходимо періодически организовывать *этнографическіе съезды* въ большихъ городахъ, не только въ столичныхъ, но и въ губернскихъ, что-бы интересующіеся вопросами этнографіи могли обмѣниваться мыслями и знаніями; необходимо, чтобы кромѣ съездовъ въ Россіи, устраивались также *съезды интернаціональные*, въ европейскихъ столицахъ; чтобы слово этнографія или народовѣдѣніе не было подернуто дымкой таинственности для большинства, какъ это имѣетъ мѣсто теперь. Тогда нашлось бы множество людей въ провинціи, какъ въ городахъ, такъ и въ деревнѣ, которые взялись-бы помогать ученымъ обществамъ въ накопленіи народныхъ музыкальныхъ богатствъ. Теперь-же большинство ничего объ этой работѣ не знаетъ, а незнаніе рождаетъ недоумѣніе: «За старыя пѣсни взялись... Не передъ концомъ-бы!»

О музыкальном строении народной пѣсни на основаніи новгородскихъ пѣсенныхъ образцовъ.

Если народная пѣсня является основой музыкальнаго художественнаго творчества каждой страны — а эта мысль за послѣднее время пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе послѣдователей —, то въ высшей степени важна каждая попытка изслѣдовать формы этого *первоисточника* музыки, найти тѣ основы, на которыхъ народная пѣсня строится. При изученіи народной пѣсни въ ея оригинальномъ, неизмѣненномъ видѣ (чему способствуетъ записываніе фонографомъ), особенно интересно объединить и обобщить сдѣланныя наблюденія.

Обширность и разнообразіе матеріала дѣлаетъ этотъ очень сложнымъ и труднымъ. Вначалѣ онъ представляется необъятнымъ.

Всѣ народы, населяющіе земной шаръ, имѣютъ свою музыку, свои пѣсни; всѣ находятся въ различныхъ условіяхъ климатическихъ и географическихъ, всѣ стоятъ на разныхъ ступеняхъ развитія, говорятъ на разныхъ языкахъ, выражаютъ, слѣдовательно, различно свои чувства. Если протяжную великорусскую пѣсню, основанную на діатонизмѣ, съ длинными ритмическими періодами и сложной мелодіей, сравнить съ заклинаніями якута, построенными на своеобразныхъ хроматизмахъ, съ дѣленіемъ тона на 3 и даже 4 доли, съ удивительнымъ дрожаніемъ голоса на двухъ звукахъ, напоминающимъ трилеръ, въ видѣ припѣва, — то эти два примѣра кажутся настолько далекими другъ отъ друга, что обобщеніе правилъ ихъ строенія кажется невозможнымъ.

Но, если не забывать, что каждый народъ имѣетъ свои оригинальныя національныя черты, что его музыка, пѣсня, отличаются такимъ же своеобразіемъ, какъ и языкъ, литература, обычай, то, отказавшись «объять необъятное», изслѣдователь сначала долженъ будетъ слузить сферу своей работы и сосредоточить свое вниманіе на опредѣленномъ районѣ. Послѣ того, какъ нѣкоторые выводы будутъ выяснены, установлены, можно перейти къ проверкѣ ихъ путемъ сравненія съ сосѣдними областями, потомъ съ болѣе отдаленными, а затѣмъ съ другими, родственными народностями, постепенно расширяя, такимъ образомъ, кругъ изслѣдованія.

Въ этомъ случаѣ могутъ сыграть важную роль интернаціональные музыкально-этнографическіе съѣзды¹⁾, устраиваемые періодически въ разныхъ городахъ Европы, о чемъ уже шла рѣчь въ первой части предисловія. Въ данное время собиратели и изслѣдователи разныхъ странъ работаютъ обособленно, почти не вліяя другъ на друга, дѣлая, можетъ быть, ошибки, которыхъ могли бы избѣгать, при постоянномъ взаимномъ общеніи, при выработкѣ общихъ, наиболѣе совершенныхъ методовъ изслѣдованія, при возможности пользоваться уже провѣреннымъ опытомъ своихъ товарищей по дѣлу. Работа, произведенная въ тихихъ, отдаленныхъ отъ центровъ, мѣстностяхъ глухой деревни, могла бы внести новую, свѣжую струю въ изученіе народной жизни всѣхъ странъ, соединила бы различныя народности новымъ общимъ интересомъ къ музыкальной этнографіи, какъ выраженію жизни народной. Интересъ этотъ охватилъ бы еще болѣе широкую область, если-бы на съѣзды *приглашались и сами народные тѣнцы*. Для собирателя общеніе съ ними въ высшей степени важно. Пониманіе народной жизни, народной психики даетъ живость мысли, свѣжесть работѣ, ясность выводамъ.

Подъ впечатлѣніемъ знакомства съ деревенскими пѣвцами, съ ихъ пѣснями, ихъ жизнью, въ умѣ невольно возникаютъ вопросы: какъ зарождается народная пѣсня? Какъ она развивается и умираетъ? Что такое этотъ сфинксъ, это «безсознательное коллективное творчество», какъ приято называть творчество народное, охватывающее цѣлую страну и измѣнчивое, какъ сама жизнь? Можетъ ли оно быть «безсознательнымъ», если служить отраженіемъ психической жизни отдѣльныхъ личностей и цѣлаго народа?

Постараемся найти отвѣты на эти вопросы въ самихъ пѣсняхъ и въ замѣчаніяхъ пѣвцовъ Новгородской губерніи, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться во время поѣздки 1901 года.

Пѣсня — правда, по выраженію народному. Она есть изліяніе души въ поэтически-музыкальной формѣ. Мы помнимъ, какъ сложила свой первый причетъ Анися Елизаровна, когда ее насильно выдавали замужъ: «Обдумала все, да и сказала; отвела душу». Слова эти какъ нельзя лучше указываютъ на роль сознанія при составленіи причета. Несомнѣнно, что при этомъ сильно дѣйствовало чувство обиды за свое подневольное положеніе, чувство протеста противъ насильственной выдачи за нелюбимаго человека. Отсюда явилась повышенность настроенія, которая могла служить источникомъ вдохновенія, и причетъ вышелъ особенно сильнымъ.

1) Начало этому дѣлу уже положено Интернаціональнымъ Музыкальнымъ Обществомъ, въ организацію котораго, въ числѣ другихъ секцій, входитъ и секція этнографіи или «секція фольклора», работавшая на III конгрессѣ Музыкальнаго Интернаціональнаго Общества, въ маѣ 1909 года, въ Вѣнѣ.

Несомнѣнно, что чувство и мысль, эти два элемента сознанія, дѣйствовали вмѣстѣ: «Обдумала все, да и сказала; отвела душу». Этотъ примѣръ какъ нельзя лучше выясняетъ вліяніе отдѣльной личности на народное творчество. Личная инициатива, вызванная къ дѣятельности драматически сложившимися обстоятельствами, является началомъ, основой причета. Посмотримъ, каковъ ходъ его дальнѣйшаго развитія.

Причетовъ множество. Всѣ они складывались по особому случаю, а потомъ входили въ общее употребленіе и повторялись при подобныхъ же случаяхъ жизни. Анисья Елизаровна складывала «стишокъ» для своей свадьбы (индивидуальное творчество, основной вариантъ), другія дѣвушки, которымъ причетъ этотъ нравился или къ обстоятельствамъ жизни которыхъ онъ подходилъ, повторяли его, видоизмѣняя, и онъ, измѣняясь въ словахъ и напѣвѣ, вошелъ въ жизнь и является въ ней уже результатомъ коллективнаго творчества. Специалистка-причитальщица знаетъ массу стиховъ на разные случаи жизни, сложенныхъ другими людьми, за многія поколѣнія (коллективное творчество) и вошедшихъ въ обиходъ свадебнаго и погребальнаго ритуала. Она поетъ ихъ, измѣняя, импровизируя, накладывая на нихъ печать своего таланта, своей личности (участіе индивидуума въ коллективномъ творествѣ). Какъ первый, основной вариантъ вышеупомянутаго причета былъ сложенъ Анисьей Елизаровной сознательно, въ видѣ протеста противъ насилія надъ ея личностью, такъ и послѣдующія измѣненія вносятся въ него съ полнымъ пониманіемъ и смысломъ, подъ вліяніемъ измѣняющихся условій жизни, о которыхъ причетъ поетъ.

Наслоенія и измѣненія въ свадебныхъ причетахъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока причеты составляютъ часть свадебнаго ритуала. Но за послѣднее время, когда стали входить въ употребленіе «самоходки», т. е. молодые люди вѣнчаются по свободному выбору, иногда уходя изъ дома тайкомъ, безъ сватанья и разныхъ бытовыхъ обрядовъ и церемоній, причеты начинаютъ забываться, вымирать. Творчество народное въ этой отрасли какъ бы изсыкаетъ. Разъ извѣстное явленіе исчезаетъ изъ жизни, оно перестаетъ отражаться и въ музыкально-драматическомъ творествѣ народа, въ причетѣ или пѣснѣ.

Итакъ, прослѣдивъ путь развитія причета, мы видимъ, что онъ вызывается къ жизни *особенно важнымъ событіемъ, вліяющимъ на судьбу отдѣльной личности*, которая, подъ вліяніемъ повышеннаго настроенія, вдохновляется и складываетъ причетъ въ сильной драматической формѣ. Причетъ производитъ сильное впечатлѣніе и врѣзывается въ памяти присутствующихъ на церемоніи гостей, такъ какъ невеста причитаетъ, «голоситъ», надрывающимъ душу голосомъ. «Охаешь то люто», говорила мнѣ Анисья Елизаровна, «такъ всѣ навзрыдь». Поразивъ воображеніе слушателей, сильный драматическій причетъ *отдѣльной личности дѣлается достоя-*

нѣмъ многихъ и, измѣняясь въ деталяхъ, входитъ въ жизнь массы въ видѣ различныхъ вариантовъ. Такимъ образомъ народное творчество является *слиянiемъ индивидуальнаго съ коллективнымъ*.

Подобный же ходъ развитiя можно прослѣдить и въ пѣснѣ.

Возьмемъ всѣмъ извѣстную пѣсню «Лучинушка». Основываясь на приведенномъ выше примѣрѣ возникновенiя и развитiя причета, мы попробуемъ прослѣдить откуда возникаетъ пѣсня. Останавливаемся на «Лучинушкѣ» потому, что она по содержанию своему — изображенiю подневольной бабьей доли — близка къ причету, хотя въ музыкальномъ отношенiи стоитъ несравненно выше: причетъ поется на однообразный мотивъ, близкiй къ жалобной рѣчи, тогда какъ пѣсня имѣетъ основой богатую мелодiю.

Въ «Лучинушкѣ» изображается какъ бы продолженiе жизни дѣвушки, выданной замужъ противъ ея воли. Только въ рѣдкихъ случаяхъ жизнь ея складывается счастливо — стерпится, слюбится —, какъ это было съ Анисьей Елизаровной. Чаше подневольный бракъ бываетъ неудачнымъ. Въ «Лучинушкѣ» героиней является молодая женщина, несчастливо вышедшая замужъ. Ее ненавидитъ «свекровь лютая», всячески старается отравить ей жизнь, да, повидимому, не любитъ и мужъ, котораго она ждетъ за работой всю долгую зимнюю ночь, въ «темной темницѣ», какъ выражалась А. Е., — въ избѣ чужой, ненавистной семьи. Пѣсня эта вызываетъ въ воображенiи картину «посидѣлокъ» при тускломъ дрожащемъ свѣтѣ сырой лучины, которая «не ярко горитъ, не вспыхиваетъ»; молодая женщина изливаетъ свое горе передъ подругами, пришедшими поработать вмѣстѣ съ ней, въ грустной мелодiи, необыкновенно живо передающей ея душевное состоянiе. Вспоминая, какъ подъ влиянiемъ тяжелаго момента жизни, Анисья Елизаровна сложила свой причетъ, мы вправѣ предположить, что и «Лучинушка» была сложена въ трудную минуту талантливой женщиной, душа которой возмущалась несправедливымъ, жесткимъ отношенiемъ къ ней лютой свекрови, холодностью мужа, безпросвѣтностью бабьей горькой доли. Недаромъ прекрасная мелодiя «Лучинушки» дѣйствуетъ даже на сердца людей, которымъ совершенно чужды мотивы горя молодой крестьянки. Пѣсня эта обладаетъ всѣми качествами высокохудожественнаго произведенiя: она вызываетъ въ воображенiи цѣлыя картины, будитъ мысль, трогаетъ душу, наводитъ на симпатическiя, гуманныя чувства. Неудивительно, что творческая сила одной личности, создавшей эту пѣсню (индивидуальное творчество), дѣйствуетъ на другихъ женщинъ, переживающихъ нѣчто подобное, и онѣ, повторяя пѣсню, украшаютъ ее по своему, придумываютъ варианты, а самые красивые изъ этихъ вариантовъ наиболѣе распространяются (коллективное творчество). Несмотря на многочисленныя измѣненiя, основная схема пѣсни, *типъ*

пѣсни, вырабатывается очень устойчиво, и множество вариантовъ не мѣшаютъ узнавать пѣсню знатоку ея. Настолько устойчивъ типъ пѣсни, настолько онъ сохраняетъ свои особыя характерныя черты, что вариантъ той же «Лучинушки», записанный отъ хорошей пѣвицы Воронежской губернии, ближе къ варианту выдающагося пѣвца Новгородской губернии, чѣмъ варианты болѣе блѣдныя, записанныя отъ посредственныхъ пѣвцовъ той же губернии.

Эта устойчивость и опредѣленность *типическихъ вариантовъ* пѣсни придаетъ особую важность изученію ихъ характерныхъ свойствъ, ихъ *формы*, т. е. сущности ихъ строенія со стороны лада, мелодіи и ритма, а также ихъ связи съ другими, родственными вариантами.

Принимаясь за подобный анализъ, мы будемъ продолжать держаться той же «Лучинушки». Въ виду того, что она представляетъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ типовъ великорусской протяжной народной пѣсни, мы возьмемъ ее какъ образецъ для нашего изслѣдованія и попробуемъ изучить на пей тѣ приемы и обычаи народнаго пѣсеннаго творчества, которые могутъ привести изслѣдователя къ мыслямъ, важнымъ для изученія общихъ основъ строенія народной пѣсни.

Въ приведенной ниже таблицѣ I даны 4 варианта «Лучинушки», записанные въ различныхъ мѣстностяхъ—3 въ Новгородской губернии, и одинъ вариантъ — въ Воронежской губернии.

Таблица I.

Сравненіе вариантовъ «Лучинушки».

Эти варианты *вмѣстѣ* исполняться не могутъ.

Новая Старива, Новг. губ., Бѣлоз. у.	I.	
Дер. Аваньява, Новг. губ., Бѣлоз. у.	II.	
Д. Андреевка, Луцкара, Новг. г., Кирил. у.	III.	
С. Никольское, Ворон. губ., Ворон. у.	IV.	

I. бе - ре - зо - ва - я - - - - (а), Что же ты, мо - я лу -

II. бе - ре - зо - ва - я - - - - (а), Что же ты, лу -

III. бе - ре - зо - ва - я - - - - (а), Что же ты, лу -

IV. бе - ре - зо - ва - я, охъ, Что же ты, мо - я лу -

I. чи - - - нуш - ка, не яр - ко го - рить?

II. чи - - - нуш - ка, не яр - ко го - рить?

III. чи - - - нуш - ка, не яр - ко го - рить?

IV. чи - - - нуш - ка, не яр - ко да ты го - рить?

Потное изображение не представляет для большинства такой наглядности, по отношению къ высотѣ звука и его длительности, какъ графическое изображение въ видѣ діаграммы, гдѣ вертикальныя линіи соотвѣтствуютъ высотѣ звука, а горизонтальныя — длительности его. Поэтому мы обратимся одновременно къ болѣе наглядному способу, уже примѣненному въ I выпускѣ «Великорусскихъ пѣсень» для изображенія многоголосія въ народной пѣснѣ, а именно къ способу графическому. Діаграмма I изображаетъ *графически* тотъ же напѣвъ «Лучинушки» въ 4-хъ вариантахъ. (Она приложена далѣе, между страницами LVI и LVII²).

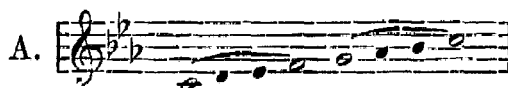
На первый взглядъ, варианты, изображенные на этой діаграммѣ, имѣютъ мало сходства. Два изъ нихъ, I и IV, представляютъ интересный при-

1) Въ этомъ тактѣ (5), ради наглядности сравненія, восьмые оригинала (№ 4, стр. 9) замѣнены четвертями. Въ концѣ пѣсни цѣвень перешелъ на $\frac{3}{4}$.

2) Переводъ надписей въ діаграммѣ предназначенъ для англійскаго изданія.

мѣръ свободной импровизаціи своимъ прихотливымъ, цвѣтистымъ мелодическимъ рисункомъ: «пѣсня, какъ рѣка льется». Другіе два, II и III, напротивъ, болѣе «выпрямлены»: въ нихъ нѣтъ той мягкости линій мелодическаго рисунка, какъ въ I и IV. Но, приглядываясь внимательно, вникнувъ въ самую суть строенія пѣсни, мы увидимъ, что если въ деталяхъ всѣ 4 варианта разнятся другъ отъ друга, то въ главныхъ своихъ чертахъ, основахъ лада, мелодіи и ритма, всѣ они болѣе или менѣе сходны.

Ладъ. Разсматривая 4 варианта «Лучинушки» на таблицѣ I, мы замѣчаемъ прежде всего, что въ звукорядѣ, на которомъ построены эти варианты, входятъ одни и тѣ же звуки или тоны. Звукорядъ этотъ состоитъ изъ 2-хъ тетраховъ, раздѣляемыхъ однимъ тономъ.

Мы видимъ, что, въ смыслѣ лада, звукорядъ этотъ представляетъ натуральный миноръ, разнящійся, какъ извѣстно, отъ искусственнаго минора отсутствіемъ вводнаго тона, т.-е. полутона между 7 и 8 ступенями. Въ этомъ звукорядѣ мы находимъ слѣдующіе звуки, находящіеся въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ современными интервалами:

ДО, основной звукъ нижняго тетраchorда (соотвѣтствующій современной тоникѣ).

СОЛЬ, нижній звукъ верхняго тетраchorда (соотвѣтствующій современной доминантѣ).

МИ ♭ намѣчаетъ миорную терцію нижняго тетраchorда (соотвѣтствуетъ современной медіантѣ).

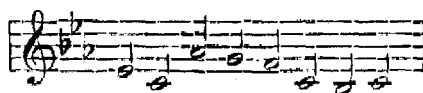
ФА представляетъ верхній звукъ нижняго тетраchorда (соотвѣтствуетъ современной субдоминантѣ).

ЛЯ ♭ указываетъ ходъ на полутонъ вверхъ отъ главнаго (нижняго) звука верхняго тетраchorда, опредѣляя такимъ образомъ мѣсто полутона въ верхнемъ тетраchorдѣ (шестая ступень въ современной гаммѣ, нижняя медіанта).

СИ ♭ служитъ признакомъ отсутствія вводнаго тона (7-я ступень современной гаммы).

РЕ служитъ проходящей нотой.

Мы видимъ, что изъ тоновъ звукоряда натурального минора главными показателями минорнаго лада въ «Лучинушкѣ» являются МИ ♭, ЛЯ ♭ и СИ ♭, тогда какъ ДО, РЕ, ФА и СОЛЬ принадлежатъ одинаково и одноименному мажору. Тоны звукоряда, на которомъ построена «Лучинушка»,

элементы тонического трезвучія.

можно расположить въ особомъ порядкѣ, наиболѣе характерномъ для напѣва «Лучинушки», такъ какъ на томъ же натуральномъ минорномъ ладѣ строятся и другія протяжныя пѣсни, но различное расположеніе по высотѣ и ритмическая группировка звуковъ отличаютъ въ музыкальномъ отношеніи одну пѣсню отъ другой.

Народные пѣвцы не имѣютъ представленія о мажорномъ и минорномъ наклоненіи или ладѣ, какъ мы его понимаемъ, хотя они употребляютъ слово «ладъ» не только въ смыслѣ стройности исполненія. Они говорятъ: «Не тотъ у васъ ладъ, не такъ вы эту пѣсню поете», очевидно думая, что каждая пѣсня имѣетъ *свой* ладъ.

Особыя свойства музыкальнаго строенія пѣсни съ трудомъ поддаются наблюденію, такъ какъ фантазіи народнаго пѣвца предоставляется большая свобода, и онъ постоянно вноситъ неожиданныя измѣненія въ исполненіе пѣсни. Но, очевидно, свобода эта имѣетъ свои границы; если пѣвецъ переходитъ ихъ, немедленно раздаются возгласы поющихъ вмѣстѣ съ нимъ: «Вертикулы то свои брось, попрямѣй говори», или «Не вывертывай пѣсню», и тому подобное. Есть нѣкоторые интервалы и обороты, которые неразлучны съ данной пѣсней. Къ такимъ интерваламъ принадлежитъ, напри- мѣръ, ходъ на малую сексту (ДО—ЛЯ) въ «Лучинушкѣ». Ходъ этотъ встрѣчается въ 3-хъ изъ приведенныхъ вариантовъ «Лучинушки», въ I, III и IV примѣрахъ на 3-ей четверти перваго такта и нѣсколько разъ далѣе втеченіе всей пѣсни. Только во II вариантѣ мы этого интервала не встрѣчаемъ.

Изъ 4-хъ предлагаемыхъ вариантовъ наиболѣе цѣнны и типичны I и IV, спѣтые очень хорошими пѣвцами. Вариантъ III былъ спѣтъ посредственнымъ пѣвцомъ и въ страшной суетѣ: онъ ожидалъ пріѣзда своего начальства. Вариантъ II исполнялся тремя женщинами-торговками вдвое скорѣе обычнаго темпа «Лучинушки» (см. № 3, стр. 7), такъ что ради возможности сравненія ихъ исполненія съ другими вариантами пришлось взять темпъ вдвое болѣе медленный.

Основы лада, т.-е. тѣ звуки, которые составляютъ сущность напѣва данной пѣсни, намѣчаетъ уже запѣвала въ своей первой фразѣ. Хоръ ждетъ, когда запѣвала, который заводитъ пѣсню, выяснитъ въ своемъ запѣвѣ ладъ, и только понявъ его, подхватываетъ пѣсню. Въ I-ой части предисловія я упоминала о томъ, какъ смѣшковскаго дѣдку Зиновія Короткова останавливали, чтобы онъ не «охаля», а старуха, съ нимъ пѣвшая, говорила: «Какъ можно? пусть охаеъ: вѣдь онъ намъ помогаетъ». Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на вариантъ пѣсни «Калинушка съ малинушкой», № 10, то увидимъ, что запѣвала начинаетъ неясно въ смыслѣ лада; терція, опредѣляющая ладъ, у него не слышна. Дѣдка Зиновій очевидно ждалъ этого выясненія лада и, не слыша его, самъ «охнулъ» очень эпер-

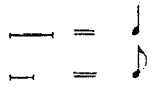
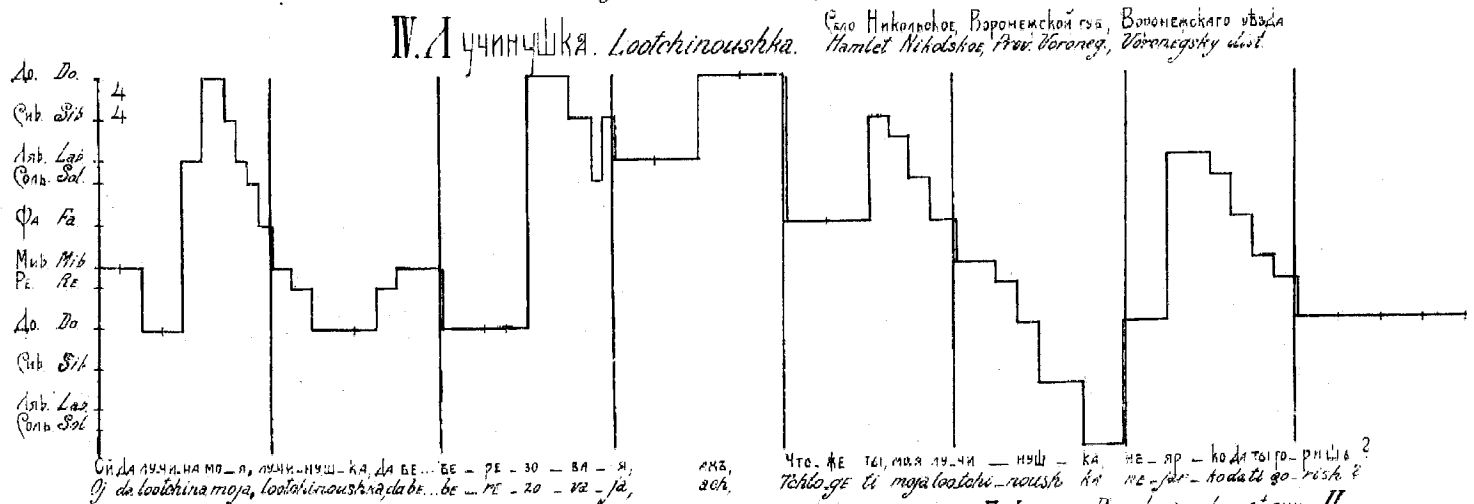
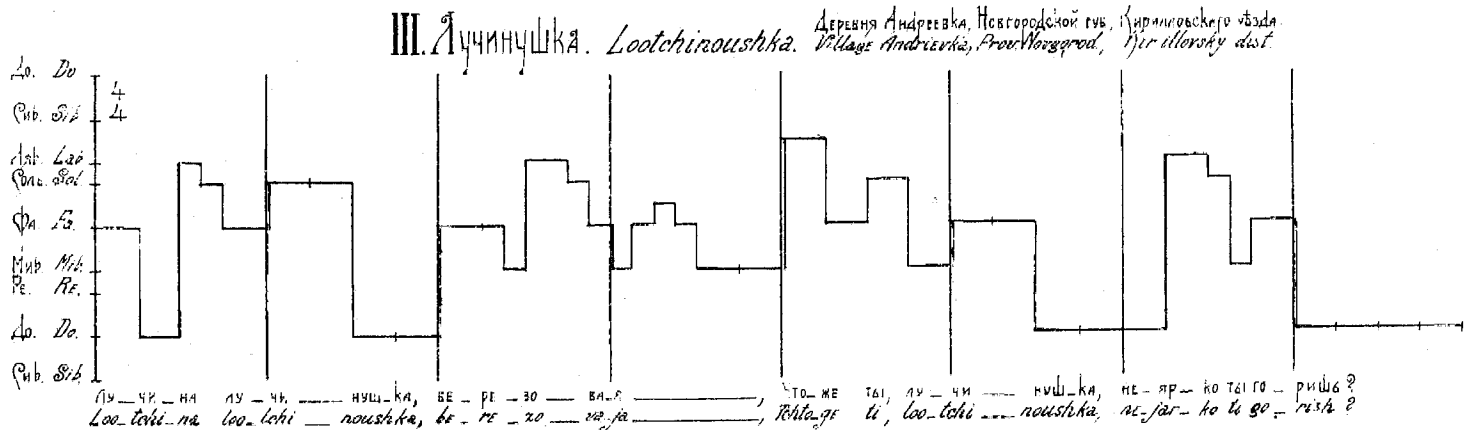
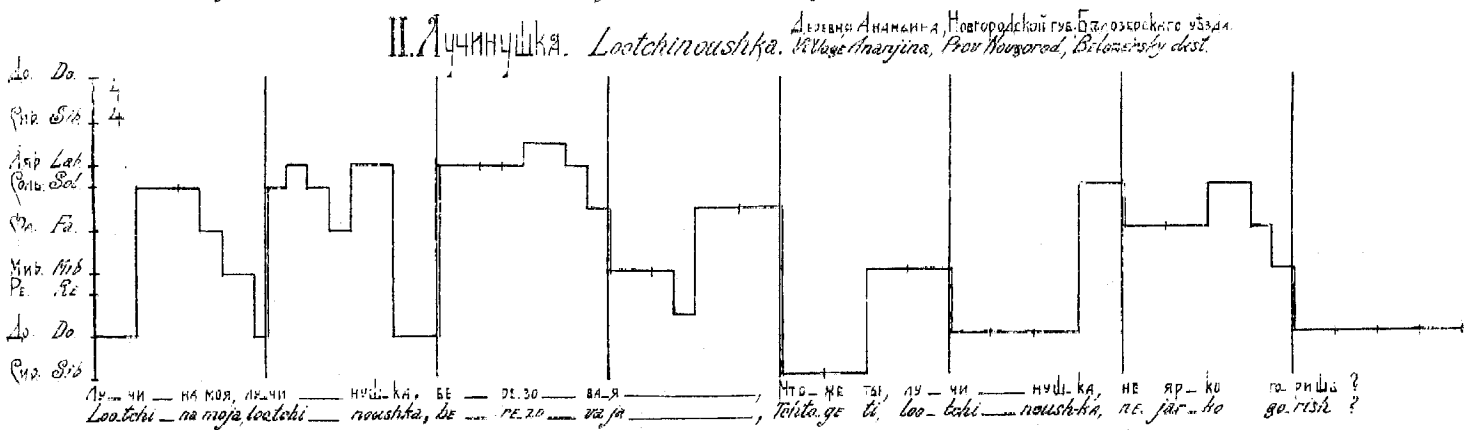
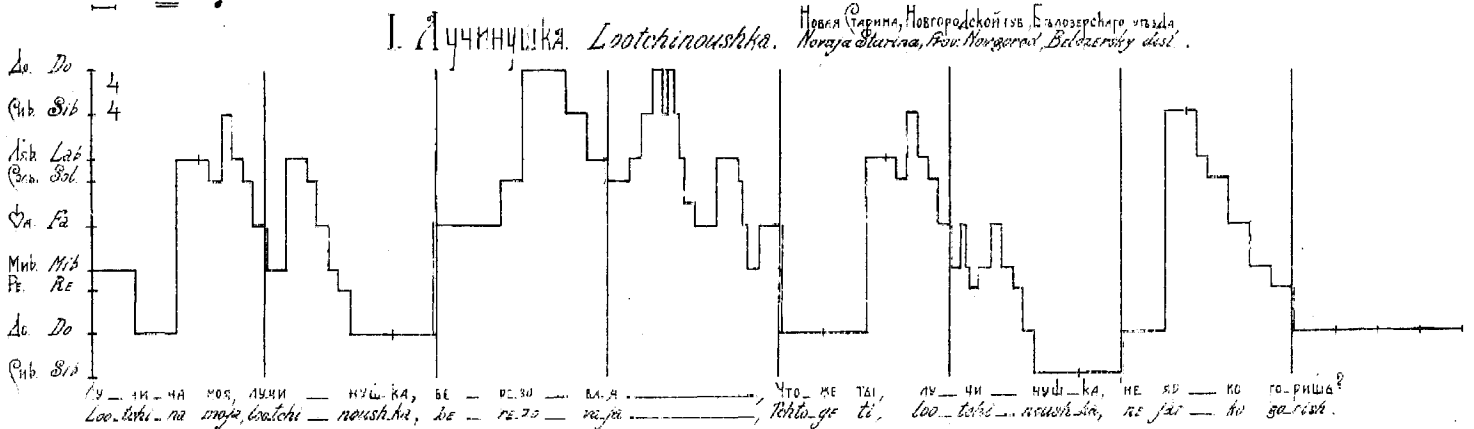
I = цѣлону, whole tone.
 I = полутоны, semi-tone

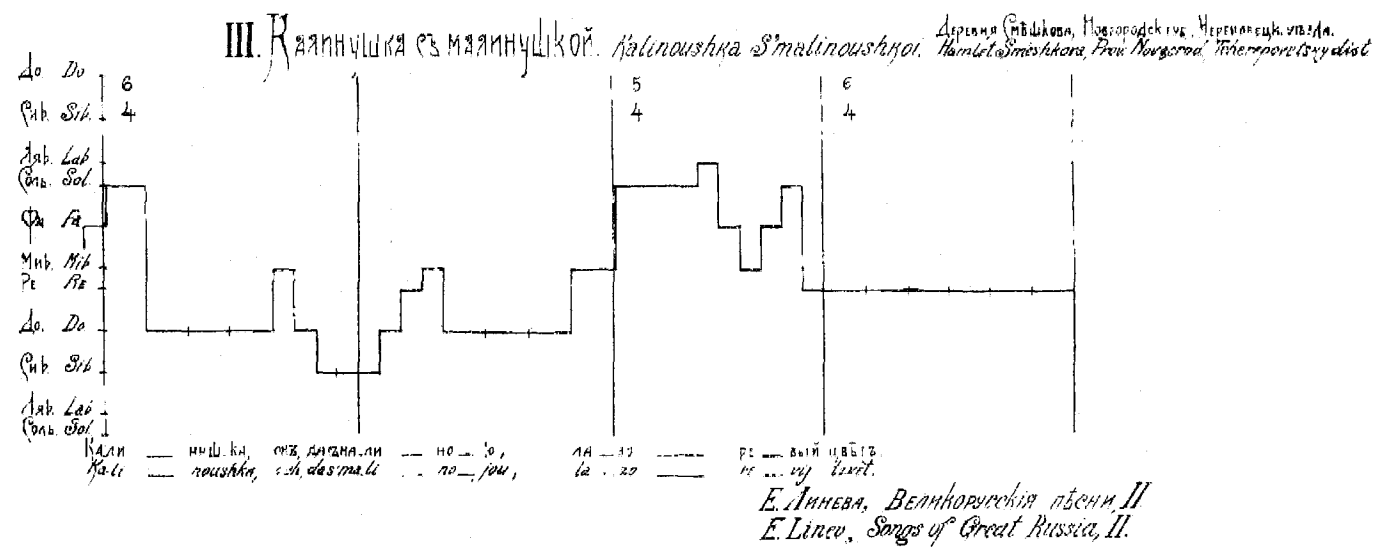
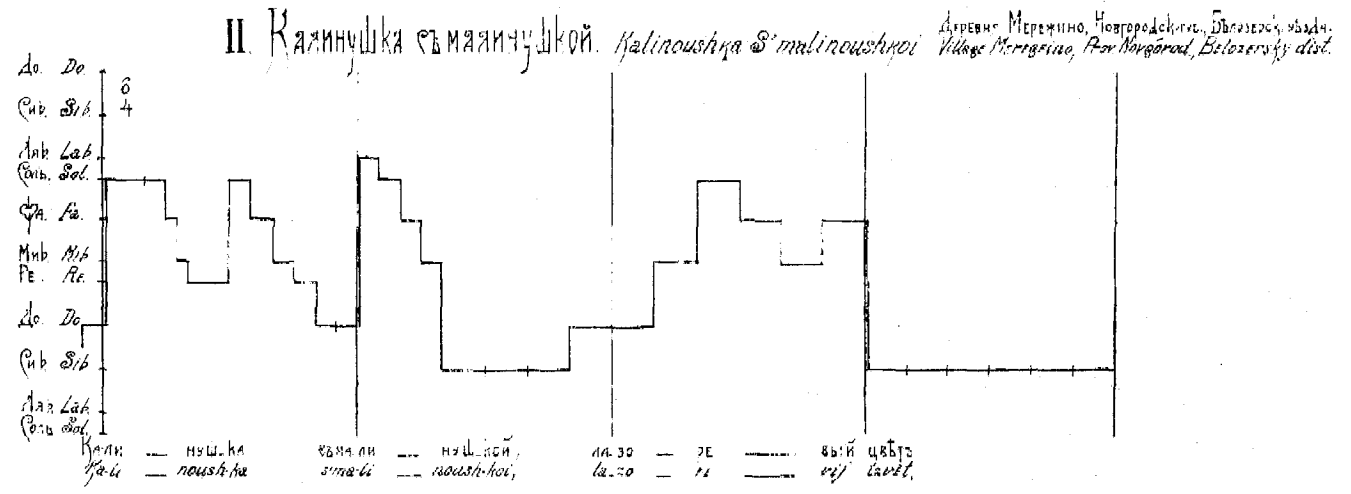
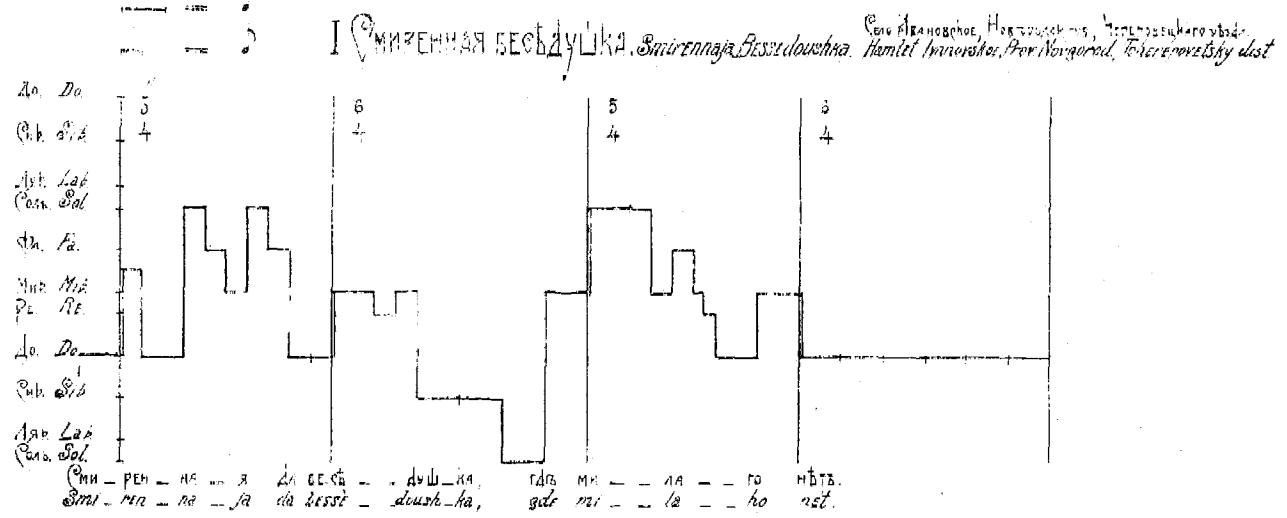
ДИАГРАММА I.
 Diagram I.

Е. Линева, Великорусскія пѣсни. II.
 E. Linev, Songs of Great Russia II.

I — цѣлостнъ тонъ, whole tone
 I — полутонъ, semi-tone

ДИАГРАММА II.
 Diagram II.

гично и рѣшительно какъ разъ на минорной терціи. Тутъ и старуха вступила и повела верхній подголосокъ.

Изъ діаграммы I, на которой графически представлены 4 варианта «Лучинушки», мы видимъ, что *сходство мелодическаго рисунка* различныхъ вариантовъ пѣсни *имѣетъ условный характеръ*: въ выборѣ звуковъ по высотѣ чувствуется большая свобода, хотя и въ предѣлахъ звукоряда, изъ котораго пѣвцы не выходятъ. Ни въ одномъ вариантѣ нѣтъ хроматизмовъ, но построение мелодическихъ фразъ въ исполненіи хорошихъ пѣвцовъ удивительно разнообразно. Повтореній мелодическихъ фигуръ совсемъ нѣтъ, всё онѣ только *сходны* (см. Таблицу I вариантовъ «Лучинушки»). Разнообразіе мелодическихъ фигуръ пѣсни напоминаетъ рисунки крестьянскихъ ручныхъ кружевъ и вышивокъ, прелесть которыхъ состоитъ именно въ этомъ разнообразіи и характерности каждаго рисунка. При сліянніи индивидуальнаго творчества съ коллективнымъ иначе и быть не можетъ: каждая новая личность вноситъ въ него свои характерныя черты.

Мнѣ казалось важнымъ отмѣтить *устои мелодіи*, найти одинаковые звуки, которые повторялись бы правильно и одновременно, на тѣхъ же мѣстахъ во всѣхъ вариантахъ. Но стоитъ взглянуть на первый тактъ всѣхъ четырехъ вариантовъ «Лучинушки», чтобы убѣдиться, какъ трудно ихъ найти. Варианты I и IV начинаются на медіантѣ, II-ой на тоникѣ, III-ій на субдоминантѣ. Казалось бы, можно сдѣлать одно заключеніе—что «Лучинушка» начинается *ходомъ внизъ* въ 2-хъ случаяхъ (I и IV) на малую терцію, въ одномъ (II-мъ)—на чистую кварту. Но вариантъ III начинается чистой квинтой *снизу вверхъ* и мѣшаетъ точности вывода. Несомнѣнно только то, что мелодія «Лучинушки» возвращается періодически на тонику ДО (нижній звукъ нижняго тетрахорда) и на доминанту СОЛЬ (нижній звукъ верхняго тетрахорда), что большую роль играютъ МИ ♭, ФА и СИ ♭, а также ходъ на большую сексту ДО - ЛЯ ♭. Повтореній *совершенно одинаковыхъ*, какъ бы *закристаллизованныхъ*, мелодическихъ фигуръ, которыя можно бы считать *неотъемлемыми признаками* данной пѣсни, даннаго напѣва, нельзя найти. При внимательномъ разсмотрѣніи каждаго такта 4-хъ вариантовъ на таблицѣ I, подписанныхъ съ этой цѣлью одинъ подъ другимъ, получается совершенно ясный выводъ, что всё эти такты *не тождественны*, а только *сходны, соответственны, симметричны*, и, несмотря на то, что разнятся мелодическимъ рисункомъ, твердо держатся въ границахъ лада и общаго всѣмъ 4-мъ вариантамъ ритмическаго рисунка. Да и большая разница мелодическаго рисунка скорѣе количественная, чѣмъ качественная: хотя въ 4-мъ тактѣ I-го варианта 15 звуковъ, во II-мъ 3, въ III-мъ 5, а въ IV только 2, но тактъ этотъ играетъ во всѣхъ 4-хъ вариантахъ одинаковую роль *вопроса*, и вмѣстѣ съ тѣмъ перехода ко второй половинѣ пѣсни, ко-

торая служить *ответомъ* и полной заключительной каденціей заканчиваетъ музыкальный періодъ. Вообще при сравненіи частей пѣсни, которыя мы заключаемъ въ такты для большей опредѣленности, ясно видна ихъ связь, ихъ соотвѣтствіе, *подобіе* мелодическаго рисунка, а также тѣсная связь мелодіи съ ритмомъ, напѣва съ текстомъ.

Попробуемъ произвести еще одинъ опытъ надъ 4-мя вариантами «Лучинушки». Приведемъ ихъ къ наипростѣйшему виду, т. е. отбросивъ всѣ мелодическія украшенія, зависящія часто отъ индивидуальнаго вкуса запѣвалы, сохранимъ только основу мелодіи; выражаясь иносказательно, оборвемъ листья и мелкія вѣтки у этого «музыкальнаго дерева», оставивъ только остовъ его.

Приведа эти варианты къ простѣйшей схемѣ, мы получимъ *варианты-типы* «Лучинушки», т. е. *такія разновидности напѣва* этой пѣсни, въ которыхъ особенно ясно выражены *общія основы лада, ритма и мелодическаго рисунка*.

Таблица II.

Варианты-типы «Лучинушки», приведенные къ простѣйшей схемѣ.

	1	2	3	4
	T T SD	T	¹⁾ SD	T SD
	Лу - чи - на,	лу - ЧИ - вуш - ка,	бе - ре - зо - ва - я,	
II.				
	Лу - чи - на ме - я,	лу - ЧИ - вуш - ка,	бе - ре - зо - ва - я,	
III.				
	Лу - чи - на,	лу - ЧИ - нуш - ка,	бе - ре - зо - ва - я,	
IV.				
	Лу - чи - на,	лу - ЧИ - вуш - ка,	бе - ре - зо - ва - я,	

1) Главный акцентъ стиха обыкновенно совпадаетъ съ главнымъ акцентомъ напѣва; но во второстепенныхъ удареніяхъ встрѣчаются исключенія, напримѣръ, въ словѣ *бе-ре-зо-ва-я* при пѣніи акцентъ переносится со 2-го на 3-ій слогъ — *бе-ре-зо-ва-я* (см. 3-ій тактъ).

5 6 7 8 *Fisone.*

I. *SD* *T D* *T SD T*

II. *SD SD*

III. *SD T*

IV. *D*

Что же ты, лу - чи - нуш - ка, не яр - ко го - ришь?

Что же ты, лу - чи - нуш - ка, не яр - ко го - ришь?

Что же ты, лу - чи - нуш - ка, не яр - ко го - ришь?

Что же ты, лу - чи - нуш - ка, не яр - ко го - ришь?

Объясненіе знаковъ: *T* — элементы тоническаго трезвучія.
D — элементы доминантоваго трезвучія.
SD — элементы субдоминантоваго трезвучія.
 1 2 3 4 5 6 7 8 — Такты.

Крупный шрифтъ отмѣчаетъ главный акцентъ текста.

Курсивъ — второстепенный акцентъ текста.

Знакъ — отмѣчаетъ тѣ звуки, которые входятъ какъ элементы въ *T*, *D* и *SD* трезвучія.

Таблица II еще нагляднѣе доказываетъ, что всѣ 4 варианта *сходны*, но *не тождественны*. Разсматривая варианты въ такой простой формѣ, мы приходимъ къ новому заключенію, а именно къ слѣдующему: мѣстами, на главныхъ удареніяхъ, а также на второстепенныхъ, почему либо отмѣченныхъ пѣвцами, встрѣчаются, если не одинаковые звуки во всѣхъ вариантахъ, то *элементы главныхъ трезвучій лада* — тоническаго, субдоминантоваго и доминантоваго. Звуки эти, составляющіе *элементы подразумеваемыхъ аккордовъ*, играютъ роль какъ бы *точекъ опоры въ мелодіи*. Это присутствіе въ импровизаціяхъ народныхъ пѣвцовъ, не имѣющихъ понятія о гармоніи, элементовъ главныхъ трезвучій, указываетъ на существованіе натуральной гармоніи, служитъ, можетъ быть, новымъ подтвержденіемъ теоріи верхнихъ и нижнихъ гармоническихъ тоновъ (*обертонныхъ и унтертоновъ*), которые слышатся въ каждомъ полномъ, сильномъ звукѣ.

Мы видимъ, что напѣвъ «Лучинушки» начинается въ 1-мъ тактѣ съ одного изъ элементовъ тоническаго трезвучія во всѣхъ вариантахъ (кромѣ

1) Доминантовое трезвучіе *минорное* въ натуральномъ минорѣ, вслѣдствіе отсутствія вводнаго тона.

III-го), потомъ переходитъ въ *SD* (кромѣ II-го), во 2-мъ тактѣ снова возвращается на *T*. Въ 3-мъ тактѣ опять встрѣчаются элементы *SD*, въ 4-мъ — *T* и *SD*. 5-ый и 7-ой такты наименѣе сходны, 7-ой даетъ похожую заключительную фигуру, въ которой большую роль играетъ доминанта Соль съ предшествующимъ ей *Ля* ♯, 8-ой тактъ кончается унисономъ на тоникѣ, иногда переносимой пѣвцами октавой вверхъ.

Такимъ образомъ мы находимъ въ ладовомъ строеніи «Лучинушки», этомъ типичномъ примѣрѣ протяжной народной пѣсни, какъ бы *зачатки натуральной гармоніи*. Всѣ четыре варианта, какъ было сказано выше, построены на одинаковомъ звукорядѣ, но мелодическій рисунокъ каждого варианта только *подобенъ* тремъ другимъ; главное же сходство или, вѣрнѣе, *родство вариантовъ*, основано на общихъ *устояхъ лада*, т. е. на *тѣхъ элементахъ главныхъ трезвучій лада*, которые входятъ во всѣ 4 варианта на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, за весьма немногими исключеніями. Это ладовое родство вариантовъ, исполненныхъ людьми, другъ друга никогда не слышавшими, наводитъ на мысль о существованіи въ народныхъ пѣсняхъ натуральной гармоніи и выясняетъ, почему пѣсня съ такимъ трудомъ подчиняется современной гармопизаціи. Интересно, что тоновое трезвучіе играетъ въ приведенныхъ выше вариантахъ главную роль (оно представлено въ разныхъ вариантахъ то тоникой, то медіантой, то доминантой), что неполная каденція передъ возвращеніемъ къ тоникѣ имѣетъ одинъ изъ элементовъ субдоминантоваго аккорда, и что заключительная каденція спускается съ доминанты на тонику, хотя и при посредствѣ различныхъ мелодическихъ фигуръ.

Въ общемъ, мелодическій рисунокъ «Лучинушки» чрезвычайно гибокъ и разнообразенъ, свобода импровизаціи пѣвцовъ очень широка, но при этомъ, *все варианты подчиняются ладу пѣсни*, въ данномъ случаѣ натуральному минору, и *не выходятъ изъ діатонизма*.

Въ заключеніе получается тотъ выводъ, что главные тоны звукоряда, основы или устои лада, играютъ въ мелодіи первостепенную роль, украшенія же или мелизмы болѣе капризны, зависятъ отъ личнаго вкуса пѣвца, поэтому легче мѣняются. Эти украшенія составляютъ скорѣе особенности стиля пѣвца-запѣвалы, чѣмъ неотъемлемую принадлежность пѣсни. Украшенія, употребляемая запѣвалой, вліяютъ на характеръ исполненія всего хора, который прилаживаетъ къ своимъ подголоскамъ соответственныя мелодическія фигуры¹⁾. Но, съ ними приходится обращаться осторожно. Зная характерныя признаки лада пѣсни и подмѣтивъ особенности основного напѣва, можно составить сколько угодно вариантовъ-типовъ; но, примѣняя

1) Ср. пѣсню 4-ю въ I выпускѣ «*Великорусскіе пѣсенъ*»: «Какъ у насъ на Святой Руси».

черезчуръ большое количество цвѣтистыхъ украшеній, можно затемнить пѣсню до неузнаваемости.

На основѣ *варианта-типа* строятся подходящія къ нему *варианты-подголоски*, болѣе или менѣе красивые, смотря по таланту пѣвцовъ. Въ этомъ пониманіи варианта-типа лежитъ тайна способности народныхъ пѣвцовъ къ импровизаціи. Поэтому, желающіе научиться импровизировать пѣсни, должны прежде всего знакомиться съ вариантами-типами пѣсенъ различныхъ мѣстностей, на основаніи точныхъ записей, такъ, чтобы въ результатѣ быть въ состояніи измѣнять ихъ и составлять къ нимъ подголоски.

Какъ мы видѣли выше, мелодическій рисунокъ, опирается на основы лада, т. е. на звуки, которые повторяются чаще другихъ и составляютъ какъ бы точки опоры мелодіи. *Возникаетъ* мелодическій рисунокъ изъ текста пѣсни; *повышеніе, пониженіе и продленіе* звуковъ идетъ сообразно требованіямъ текста; *развивается и украшается* мелодическій рисунокъ смотря по таланту пѣвца и живости его воображенія.

Мелодія тѣсно связана съ ритмомъ.

Вопросъ о *ритмѣ* народной пѣсни есть одинъ изъ трудныхъ вопросовъ, по поводу котораго было преломлено не мало копій между учеными музыкантами.

Совершенно не касаясь различныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, будемъ продолжать держаться и по отношенію къ вопросу о ритмѣ того же способа, который примѣнялся въ теченіе всей этой работы — будемъ строить всѣ выводы на анализѣ пѣсни.

Народная рѣчь полна выразительныхъ интонацій голоса. Даже простой рассказъ, въ прозѣ, пѣвучъ, музыкаленъ. Припомнимъ рассказъ Ависы Елизаровны о смерти ея брата (стр. VII, Предисловіе), который записанъ почти слово въ слово. Короткія, сдержанныя фразы рисуютъ цѣлыя картины. Онъ такъ цѣленъ, что изъ него нельзя выбросить ни одной фразы, даже ни одного слова. Въ немъ слышится особый, своеобразный ритмъ. Онъ близокъ къ причету, такъ же какъ причетъ близокъ къ пѣснѣ.

И причетъ, и пѣсня *сказываются*. Но пѣсня отличается отъ причета болѣшими повышеніями и пониженіями голоса, т. е. *большимъ разнообразіемъ мелодическаго рисунка и большою законченностью рисунка ритмическаго*. Такъ, напримѣръ, несмотря на всю прихотливость и измѣнчивость мелодическаго рисунка, ритмъ «Лучинушки» симметриченъ (см. таблицу I). Музыкальный періодъ состоитъ изъ 2-хъ предложеній, по 4 такта въ каждомъ, во всѣхъ 4-хъ вариантахъ. 1, 2, 3 и 4-ый такты составляютъ 1-е предложеніе съ неполной каденціей (вопросъ) въ 4-мъ тактѣ. 4-ый тактъ служитъ переходомъ отъ 1-го предложенія ко 2-му, отъ вопроса къ отвѣту — во всѣхъ вариантахъ черезъ элементы субдоминантоваго трезвучія; 5, 6, 7 и 8 такты составляютъ 2-ое предложеніе; 7-ой и 8-ой такты слу-

жать отвѣтомъ, съ заключительной каденціей, заканчивающей музыкальный періодъ.

Чувство ритма необыкновенно сильно въ народѣ. Каждому приходилось наблюдать при постройкахъ, исполняемыхъ цѣлой артелью, при на-грузкѣ и разгрузкѣ пароходовъ ритмичность работы подъ пѣніе пѣсни. Сила совмѣстнаго ритмическаго пѣнія на работѣ кажется чудодѣйственной, страшныя тяжести сдвигаются и поднимаются подъ звуки пѣсни. Помню, разъ на Волгѣ, въ Камышинѣ, грузчики таскали съ парохода на пристань огромныя корзины съ рыбой. Когда они вытаскивали корзину изъ трюма и бросали ее, тяжесть казалась непомерною. Прежде чѣмъ взвалить корзину на мостки, по которымъ тащили ее на пристань, грузчики останавливались и, затягивая пѣсню, старались сдвинуть корзину. Одна партія пѣла «Сама пойдетъ», другая отвѣчала «Нейдетъ, нейдетъ», до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, общими усиліями и съ восклицаніемъ «Ну, вотъ, пошла», корзина не сдвигалась съ мѣста. Тогда всѣ, легко и быстро, двигали ее въ тактъ пѣснѣ до палубы пристани, гдѣ, около конторы, сваливали ее въ ряды такихъ же корзины. Вотъ ихъ припѣвъ. Само собою разумѣется, что онъ все время варіировался.

ЗАПѢВЪ. 1-я и 2-я партіи вмѣстѣ.

Мо - лод - чи - ки, ва - ли - те, у - да - лы - е, ва - ли - те. Е -
ще ра - зокъ мы взва - лимъ, е - ще ра - зокъ по - ва - лимъ, Са -

1-я партія.

ма пойдетъ, Са - ма пойдетъ, Са - ма пойдетъ.

2-я партія.

Не йдетъ, не йдетъ, Не йдетъ, не йдетъ, Ну, вотъ, пошла!

Трудно представить себѣ всю живость и энергію этой работы подъ пѣсню, которая надѣляла «работничковъ» чисто богатырской силой.

Мнѣ приходилось наблюдать замѣчательную ритмичность даже въ игровыхъ пѣсняхъ деревенскихъ ребятишекъ. Помню, какъ однажды, проѣзжая черезъ одну изъ новгородскихъ деревень, я увидела на улицѣ боль-

Изъ этой таблицы мы видимъ, что главное удареніе почти не измѣняетъ мѣста: при 14 слогахъ полустишія оно приходится на 7-мъ слогѣ, при 12-ти — на пятомъ. Второстепенныя ударенія мѣняютъ мѣсто, что видно изъ подчеркнутыхъ слоговъ текста. Въ этой измѣнчивости удареній и заключается трудность перенесенія пѣсни съ фонограммы на ноты, такъ какъ музыкальное удареніе, благодаря тактовой системѣ, устанавливается однообразное и постоянное, а текстъ пѣсни какъ бы требуетъ перемѣщенія тактовой черты. Напримѣръ, въ I строкѣ «Лучинушки» первый тактъ слѣдовало бы написать съ предшествующимъ ему затактомъ, т. е. съ тактовой чертой передъ вторымъ слогомъ (лу|чи-на), тогда какъ въ строкахъ — II, III, IV и VI удареніе текста въ первомъ тактѣ совпадаетъ съ музыкальнымъ (что-же, а-ли, лю-та-я); въ строкахъ же V и VII акцентъ приходится на третьемъ слогѣ, передъ которымъ и должна бы быть поставлена тактовая черта (Я бы|ла, И ме|ня). Точно также и въ концѣ строкъ (полустишія) второстепенный акцентъ мѣняетъ мѣсто (го-ри-шь, бы-ла, вы-су-ше-на, вче-раш-ней по-чи, ла-зи-ла, за-ли-ла). Поэтому приходится замѣтить *типическое* удареніе, т. е. то, которое повторится чаще и руководствоваться имъ.

Именно потому, что пѣсня *сказывается*, причемъ пѣвецъ отгѣняетъ особенно сильно главное удареніе и слабѣе второстепенныя, трудно установить полное соотвѣтствіе между текстомъ и напѣвомъ при перенесеніи пѣсни на ноты по тактовой системѣ.

Если бы возможно было, переноса пѣсню на ноты, дать ей вылиться совершенно свободно, по полустишіямъ, безъ искусственнаго подраздѣленія ихъ, то задача облегчилась бы. Но замѣна тактового дѣленія полустишіями приводитъ къ нарушенію нѣкоторыхъ правилъ нотнаго письма и вноситъ неясность въ изображеніе ритмическаго акцента, вслѣдствіе чего и приходится пѣсню съ ея свободнымъ сложеніемъ втискивать въ такты. Подобно тому, какъ прихотливый рисунокъ крестьянской вышивки, снятый съ разукрашеннаго морозомъ окна, трудно вышить крестиками по канвѣ, такъ и пѣсню, вылившуюся въ формѣ свободной импровизаціи, нелегко изобразить условными метрическими приѣмами нашей нотной системы. Но, въ данный моментъ, другого способа изображенія пѣсни еще не придумано.

Въ началѣ печатанія 1-го выпуска «Великорусскихъ пѣсенъ» я пробовала примѣнить дѣленіе по полустишіямъ. Два листа были уже напечатаны въ этой формѣ, но, когда я показала ихъ нѣкоторымъ компетентнымъ лицамъ изъ музыкантовъ и любителей народной пѣсни, посыпались многочисленные возраженія противъ подобнаго изображенія пѣсни; его находили слишкомъ труднымъ и недостаточно яснымъ для людей, привыкшихъ къ современной музыкальной грамматикѣ. Я должна была передѣлать эти два

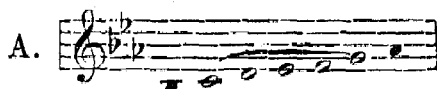
листа и ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о перепечаткѣ ихъ, что и было разрѣшено.

Можетъ быть, со временемъ, когда изученіе народной пѣсни въ теоретическомъ отношеніи будетъ болѣе разработано, а практическое знаніе ея сдѣлается достояніемъ большинства музыкантовъ и пѣвцовъ, когда многіе будутъ умѣть импровизировать и *сказывать* пѣсни, то такое музыкальное изображеніе пѣсни, въ которомъ является полное сліяніе текста съ напѣвомъ, будетъ признано самымъ лучшимъ. Теперь же, при перенесеніи пѣсни на ноты остается держаться правила — отдавать преимущество наиболѣе часто повторяющемуся, *типическому акценту*, какъ это сдѣлано въ «Лучинушкѣ».

Возьмемъ еще одинъ примѣръ старинной протяжной пѣсни, которую и теперь еще много поютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Великороссіи.

Пѣсня эта «Калинушка съ малинушкой, лазоревый цвѣтъ» или какъ ее иногда называютъ по начальнымъ словамъ 2-го колѣна «Смирѣнная бесѣдушка, гдѣ милого нѣтъ» или «Веселая бесѣдушка, гдѣ мой милый пьетъ». Пѣсня эта помѣщена во II выпускѣ Великорусскихъ пѣсень (№ 8, 9, 10) въ трехъ вариантахъ, изъ которыхъ 2 записаны въ Череповецкомъ уѣздѣ, и одинъ въ Кирилловскомъ. Всѣ три варианта даны въ одной тональности¹⁾. Попробуемъ примѣнить и къ этой пѣснѣ тотъ приемъ сравненія вариантовъ, который мы уже употребляли при разборѣ «Лучинушки». Эти три варианта были спѣты людьми, которые другъ друга не знали и никогда не слышали. Поэтому неудивительно что всѣ три варианта значительно другъ отъ друга отличаются и спѣть ихъ вмѣстѣ нельзя. Тѣмъ не менѣе, мы находимъ въ нихъ общія черты — *одинъ общій ладъ, сходный мелодическій и ритмическій рисунокъ*. И опять *основы лада являются точками опоры, на которыхъ держится все строеніе пѣсни*.

Ладъ этой пѣсни соответствуетъ тому же натуральному минору безъ вводнаго тона:

Изъ звукоряда А мы видимъ, что пентахордъ до, ре, ми, фа, соль играетъ главную роль: весь почти напѣвъ «Калинушки» вращается въ его предѣлахъ, только изрѣдка переходя его границы.

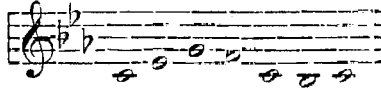
Но Си²⁾ также имѣетъ важное значеніе, служа признакомъ отсутствія вводнаго тона въ современномъ смыслѣ, и какъ составной звукъ доминанто-

1) Всѣ пѣсни минорнаго лада, приводимыя какъ примѣры для сравнительнаго анализа вариантовъ, транспонированы въ До миноръ натуральный.

Б.Лявва. Сборникъ великорусскихъ пѣсень. II.

ваго (минорнаго) трезвучія, хотя и не обозначеннаго въ пѣснѣ, но какъ бы намѣченнаго во всѣхъ трехъ вариантахъ. Характерное для этой пѣсни рас-положеніе звукоряда слѣдующее:

Главные звуки лада.

В.

Какъ видно, Ля \flat , встречающееся по одному разу въ вариантахъ II и III играетъ роль только проходящей ноты, а не настойчиво повторяющагося характернаго звука, какъ въ «Лучинушкѣ».

Таблица III.

Сравненіе вариантовъ пѣсни «Калинушка съ малинушкой».

Село Ивановское, Череповец-каго уѣзда.	I.	1	
			1. Ка - ЛИ - нуш - ка да съ ма- 2. Ве - СЕ - ла - я да бе-
Дер. Мережино, Кириллов-скаго уѣзда.	II.		
			1. Ка - ЛИ - нуш - ка да съ ма- <i>Заньць.</i> <i>Дядь.</i> <i>Всь.</i>
Дер. Смѣшкова, Череповец-каго уѣзда.	III.		
			1. Ка - ЛИ - нуш - ка, охъ, да съ ма-
	I.	2	
			1. ми - но - ю, ла - зо - ре - вый цвѣтъ. 2. съ - душ - ка, гдѣ МОЙ ми - лой пьеть.
	II.		
			1. ми - но - ю, ла - зо - ре - вый цвѣтъ.
	III.		
			1. ми - но - ю, ла - зо - - - ре - вый цвѣтъ.

Мелодическія фигуры 3-хъ вариантовъ «Калинушки» съ перваго взгляда кажутся имѣющими мало сходства, и только основы лада опять помогутъ

намъ установить связь между ними. Мы увидимъ, что и въ этомъ случаѣ главные тоны звукоряда играютъ важную роль какъ бы столбовъ, поддерживающихъ всю измѣнчивую, подвижную структуру пѣсни. Элементы главныхъ трезвучій лада — тонического, доминантового и субдоминантового — смѣняются въ этой пѣснѣ, особенно часто возвращаясь къ одному изъ составныхъ звуковъ тонического трезвучія, что наглядно представлено на таблицѣ III, на которой отмѣчены элементы главныхъ трезвучій (*T, D, SD*) и текстовые акценты (главный — жирнымъ шрифтомъ, второстепенный — курсивомъ). Мы видимъ, что и въ этой пѣснѣ акценты въ текстѣ обозначаются не только удареніемъ голоса, но иногда на нихъ мелодическій рисунокъ расширяется посредствомъ различныхъ приѣмовъ — восходящихъ или нисходящихъ группъ, легкихъ мелизмовъ въ видѣ 2-хъ или 3-хъ звуковъ, а въ первомъ вариантѣ даже посредствомъ синкопы (2-ой тактъ I варианта), что вообще считается рѣдкимъ явленіемъ въ великорусской народной пѣснѣ. Очевидно, измѣненіе въ частномъ, въ деталяхъ не можетъ помѣшать общему сходству вариантовъ, основанному на общихъ устояхъ лада пѣсни и на нѣкоторыхъ характерныхъ, сходныхъ, хотя и не тождественныхъ, оборотахъ мелодического рисунка.

Опять первая фраза запѣвалы намѣчаетъ тонъ, и только въ III-мъ вариантѣ, когда запѣвала не даетъ характерной для лада малой терціи, 80-лѣтній дѣдушка, Зиновій Коротковъ, съ нетерпѣніемъ вставляетъ свое энергичное «охъ» какъ разъ на недостающемъ Ми[?]. Устой лада опять приходится на сильномъ акцентѣ стиха:

Калинушка съ малинушкой,	лазоревый цвѣтъ.
Веселая бесѣдушка,	гдѣ мой милой пьетъ.

Въ ритмическомъ отношеніи «Калинушка» имѣетъ слѣдующія особенности: музыкальный періодъ ея состоитъ изъ вопроса и отвѣта — неполнаго предложенія и заключительнаго; второй тактъ представляетъ наибольшія различія въ 3-хъ вариантахъ, какъ въ смыслѣ мелодическомъ (ходы восходящіе и нисходящіе), такъ и въ смыслѣ свободного перемѣщенія элементовъ трезвучій (*T, D, SD*). Тактовое дѣленіе выразилось въ чередованіи $\frac{5}{4}$ съ $\frac{6}{4}$ въ двухъ вариантахъ (I и III); во II-мъ вариантѣ дѣленіе идетъ на $\frac{6}{4}$, не мѣняясь. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что II-й вариантъ былъ спѣтъ бывшимъ солдатомъ, болѣе привыкшимъ къ однообразному такту и отвыкшимъ импровизировать, хотя напѣвы его, болѣею частью, очень хороши.

Итакъ мы видимъ, что народный пѣвецъ отмѣняетъ акценты въ текстѣ пѣсни различными способами:

1) дѣлая на сильномъ слогѣ удареніе голосомъ; 2) протягивая звукъ, 3) развивая на сильномъ или на послѣднемъ слогѣ, а иногда на какой нибудь

вставкѣ «ахъ», «эхъ», мелодическій рисунокъ разными украшеніями и «разводами».

Послѣдній способъ особенно интересенъ для нашего изслѣдованія. Характернымъ примѣромъ его можетъ служить извѣстная пѣсня «Не одна во полѣ дороженька».

Таблица IV.

Варианты пѣсни «Не одна въ полѣ дороженька».

Хмѣлина, Уломск. вол.,
Череповецк. у. I.

Ахъ, не од - на то, не од - ва, а -

Новая Старина, Бѣло-
зерск. у. II.

Ахъ, не од - - на, а -

Ельнинская, Черепо-
вецк. у. III.

Во по - лѣ до - рож - ка, до - ро - - -

I. (а) - - - - (а)хъ, Во по - лѣ до - ро - - -

II. (а) - - - - - (а)хъ, Во по - лѣ до - ро - - -

III. (о) - - (о)жва,

I. (о) ... , Ахъ, во по - лѣ до - ро - - - - (о)женька,

II. (о) ... , Ахъ, во по - лѣ до - ро - - - - жень - ка,

III.

I. Въ по-лѣ про-ле - га... Э - - - - - (э)хъ, Въ по-лѣ про - ле-

II. Въ по-лѣ про-ле - га... Э - - - - - (э)хъ, Въ по-лѣ про - ле-

III. Въ по - лѣ

I. га... Ахъ, въ по - лѣ про - ле - га - - - ла, га... Ахъ, въ по - лѣ про - ле - га - - - ла,

II. га... Ахъ, въ по - лѣ про - ле - га - - - ла, га... Ахъ, въ по - лѣ про - ле - га - - - ла,

III. про - ле - га - ла, про - ле - га - ла,

На таблицѣ IV представлено три варианта этой пѣсни. Всѣ они записаны мною въ Новгородской губерніи, но въ разныхъ уѣздахъ: I и III варианты Череповецкаго уѣзда, а II — Бѣлозерскаго. Варианты I и II были спѣты очень хорошими пѣвцами, никогда другъ друга не встрѣчавшими; несмотря на это, въ обоихъ вариантахъ очень много сходства, ладового, мелодическаго и ритмическаго. III-й вариантъ представляетъ собою какъ бы урѣзанную или неразвившуюся пѣсню. Въ то время, какъ въ I и II вариантахъ мелодія развивается въ разнообразныхъ украшеніяхъ, пѣвцы такъ картинно водятъ голосомъ, что воображенію живо представляется дорога, третій вариантъ обрывается какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ импровизаторы первыхъ двухъ вариантовъ дѣлаютъ интересныя вставки на *ахъ*, *эхъ* и даютъ вполне волю своему музыкальному воображенію. Въ третьемъ вариантѣ встрѣчаются только нѣкоторые такты, напоминающіе два первые варианта, такъ что получается видоизмѣненная схема пѣсни.

Пѣсня «Не одна во полѣ дороженька» можетъ служить яркимъ примѣромъ очень длиннаго музыкальнаго періода, состоящаго изъ 7 неполныхъ каденцій и 8-ой, полной, заключительной. Пѣсня эта служитъ также доказательствомъ того, что народный пѣвецъ, кромѣ правила согласованія, въ большинствѣ случаевъ, словеснаго и музыкальнаго акцента, руководится

еще какими-то другими музыкальными соображеніями. Какъ иначе объяснить тѣ красивыя мелодическія фразы, которыя поются иногда на короткія слова и восклицанія, вставленныя въ текстъ пѣсни и служащія ей украшеніемъ, какъ, напримѣръ, двѣ слѣдующія вставки «ахъ» и «эхъ» изъ пѣсни «Не одна во полѣ дорожка»?

I. I.

II. II.

Изъ предлагаемыхъ трехъ вариантовъ пѣсни «Не одна во полѣ дорожка» два отличаются строгостью и красотой мелодическаго рисунка. Хотя они близки другъ къ другу по ладу и ритму, но различны по детальной разработкѣ украшеній, которая такъ изящна, что невольно поражаетъ при завѣдомомъ отсутствіи какихъ либо научныхъ музыкальныхъ знаній у пѣвцовъ.

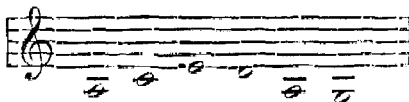
Вообще разработка мелодическаго рисунка двухъ первыхъ вариантовъ этой пѣсни своей строгой простотой и чувствомъ мѣры, соответствіемъ частей, безъ повторенія хотя бы одинъ разъ той-же фигуры, наконецъ изяществомъ всего склада пѣсни напоминаетъ произведенія классиковъ и невольно заставляетъ удивляться художественному мастерству людей, принадлежащихъ понятія не только о теоріи композиціи, но даже о простой грамотѣ, такъ какъ изъ всѣхъ стариковъ, пѣсни которыхъ вошли во II-ой выпускъ, едва ли не одинъ Г. А. Прохоровъ былъ грамотный.

Но если основной мелодическій рисунокъ пѣсни «Не одна во полѣ дорожка» отличается изяществомъ и красотой, то еще болѣе удивляетъ трехголосное изложеніе той-же пѣсни (№ 5 этого-же выпуска), въ которомъ искусно развивается основная мелодія въ подголоскахъ. Въ этомъ трехголосіи мы ясно видимъ тѣсную связь главнаго напѣва съ подголосками и вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ прослѣдить самостоятельное развитіе каждаго голоса, такъ какъ пѣвецъ беретъ не отдѣльные звуки, связанные съ основнымъ голосомъ только гармонически, но *ведетъ свободную имитацию главной мелодіи*, сливаясь съ ней въ унисонъ въ началѣ и въ концѣ пѣсни. Пѣвецъ, исполнявшій третій голосъ, сначала бросалъ мѣстами пѣть и умолкалъ, но потомъ распѣлся и повелъ свой голосъ вполнѣ самостоятельно до конца.

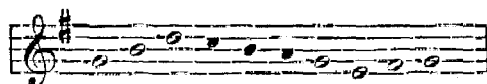
Въ общемъ голосоведеніе въ этомъ вариантѣ пѣсни производитъ впечатлѣніе своею законченностью, что объясняется, вѣроятно, привычкою исполнявшихъ ее стариковъ часто пѣть вмѣстѣ.

Изъ другихъ пѣсень, помѣщенныхъ во II выпускѣ, каждая имѣетъ свои особенности и заслуживаетъ такого-же вниманія, какъ тѣ, которыя только что были рассмотрѣны.

Запись фонографомъ содѣйствуетъ сохраненію этихъ особенностей. Возьмемъ, какъ примѣръ, № 1, «Горы»; вариантъ родственный 1-му и 2-му номерамъ I-го выпуска «Великорусскихъ пѣсень» построенъ также на

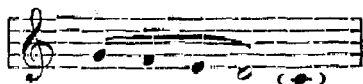

натуральномъ минорѣ, съ характернымъ окончаніемъ музыкальнаго періода не на тоникѣ, а на субтоникѣ; или № 11, «Подуй, повѣй, погодка», мажор-

наго лада, съ красивымъ запѣвомъ и своеобразными вступленіями голосовъ.

Интересны свадебныя пѣсни, № 13 и 14, «Какъ при вечерѣ-то, вечерѣ», имѣющія различный напѣвъ при почти одинаковомъ текстѣ, ладѣ и звукорядѣ; а также «Причетъ» (№ 15)—ближайшая музыкальная форма къ рѣчи человѣческой—построенный на минорномъ тетрахордѣ съ главнымъ звукомъ на нижней ступени тетра хорда, играющей роль тоники, съ переходомъ на субтонику передъ заключительнымъ звукомъ:

№ 17, «Ващка Ключничекъ», замѣчательна какъ по своему красивому старинному напѣву (который уже начинаетъ во многихъ мѣстахъ уступать мѣсто другому, болѣе новому), такъ и по оригинальному звукоряду, на которомъ онъ построенъ. Звукорядъ этотъ состоитъ изъ нижняго мажорнаго и верхняго минорнаго тетрахордовъ и представляетъ какъ бы мажорно-минорный ладъ.

№№ 18 и 19, «Ахъ, ты поле мое, поле чистое», принадлежатъ къ одному ладу—натуральному минору и имѣютъ одинаковый звукорядъ, причемъ оба напѣва имѣютъ различныя точки опоры. Въ № 18 главную роль играютъ нижніе звуки обоихъ тетрахордовъ или, выражаясь на языкѣ современной музыкальной теоріи, тоника и доминанта; въ 19 номерѣ, кромѣ тоники, особенно выдѣляется минорная терція основнаго трезвучія.

Характерна также жалобная, чисто бабья пѣсня «Стояла березынька» (№ 22), также основанная на натуральномъ минорѣ, съ опредѣленно подчеркнутой минорной терціей основнаго трезвучія.

Въ высшей степени любопытна пѣсня «Вавила», новой формации, събитая молодежью. Въ этой пѣснѣ, полной сарказма и грубоватаго юмора, внезапный переходъ отъ напѣвовъ панихиды, которые взяты музыкальной основой этой пѣсни, къ лихому, плясовому напѣву въ концѣ пѣсни, звучитъ особенно рѣзко и неожиданно.

Форма этихъ пѣсенъ выяснится еще болѣе при сравненіи съ другими вариантами-типами того-же напѣва, но разныхъ мѣстностей.

Подобный разборъ народной пѣсни, на первый взглядъ кропотливый и скучный, по мѣрѣ накопленія матеріала и хода работы впередъ, дѣлается все болѣе завлекательнымъ, и, наконецъ, можетъ вывести изслѣдователя на новую дорогу, открыть новыя, широкія перспективы.

Этотъ способъ изученія пѣсни—*методъ сравнительнаго пѣсенногдѣнія*—важенъ тѣмъ, что онъ охватываетъ весь обширный пѣсенный матеріалъ, объединяетъ работу фольклористовъ всѣхъ странъ. Начиная съ изученія мѣстной пѣсни, сравненія вариантовъ-подголосковъ съ главной мелодіей, переходя къ сравненію вариантовъ-типовъ разныхъ мѣстностей, отъ сосѣдней деревни до другихъ отдаленныхъ деревень и губерній, а потомъ къ сравнительному изученію пѣсенъ другихъ національностей, изслѣдователь переходитъ съ узкой тропинки національной замкнутости на широкій путь научнаго изслѣдованія и безпристрастной оцѣнки музыкальныхъ достоинствъ и особенностей пѣсенъ всѣхъ народовъ.

Съ началомъ изученія народной пѣсни по *точнымъ матеріаламъ*¹⁾ и съ примѣненіемъ *сравнительнаго метода* увеличивается ея значеніе и для искусства, такъ какъ является возможность познакомиться ближе съ *музыкальной формой народной пѣсни* различныхъ національностей, имѣющей большое вліяніе на творчество композиторовъ и, вообще, на дальнѣйшее развитіе музыки.

Мысль, что «вымирающая» народная пѣсня ведетъ къ новымъ путямъ, можетъ казаться парадоксальной. Но прежде всего—пewѣрно, что народная пѣсня погибла. За послѣднее время въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы возникло сильное движеніе въ смыслѣ возстановленія или возрожденія народной пѣсни. Въ Германіи и Австріи правительство организовало спеціальныя комиссіи и ассигнуетъ крупныя суммы для собиранія народныхъ пѣсенъ. Въ Англіи, гдѣ всегда сильна частная инициатива, кромѣ многихъ Folklore Societies (Общества фольклористовъ) недавно возникло общество «Возрожденіе народной пѣсни». Америка собираетъ пѣсни индѣйцевъ, канадцевъ, негровъ. Въ Швеціи и Норвегіи народныя пѣсни процвѣтаютъ, ихъ

1) Я особенно настаиваю на употребленіи въ дѣло только совершенно точнаго матеріала, добытаго непосредственно отъ пѣвцовъ изъ народа и записаннаго при помощи фонографа, лучшей *памятной книжки* для собирателя.

поеть и образованный классъ. Всюду замѣтно стремленіе вызвать изъ забвенія народную пѣсню, эту вѣрную выразительницу духовной жизни массъ.

Въ Россіи, какъ видно по результатамъ трудовъ нашихъ собирателей, еще можно найти въ отдаленныхъ отъ большихъ городовъ мѣстностяхъ драгоценные образцы народнаго музыкальнаго творчества, еще встрѣчаются пѣсни, поражающія красотой и оригинальностью своихъ напѣвовъ. Все въ нихъ цѣнно для внимательнаго наблюдателя: живая, подвижная мелодія, удивительная свобода въ исполненіи этой мелодіи, дѣлающая исполнителя въ то же время творцомъ ея, ритмъ, являющійся естественной, неотъемлемой частью пѣсенной рѣчи, ритмъ вольный, легко измѣняющійся, но безъ нарушенія основнаго рисунка пѣсни. А болѣе всего замѣчательна та подвижная многоголосная форма пѣсни, которая зависитъ отъ гибкости основнаго напѣва, устраняющей необходимость холоднаго механическаго задалбливанія хоровыхъ партій и вызывающей, напротивъ, активное участіе сопровождающихъ голосовъ. Эта подвижная многоголосная форма пѣсни, представляющая сліяніе свободныхъ голосовъ, носитъ въ себѣ зачатки безконечнаго развитія. Уже и теперь она возрождается въ твореніяхъ лучшихъ композиторовъ и, несомнѣнно, самымъ строеніемъ своимъ и складомъ, вліяетъ на общій ходъ музыкальнаго развитія.

Эта связь между творчествомъ народа, не имѣющаго понятія о музыкальной грамотѣ, и современными композиторами, стоящими на вершинѣ музыкальнаго знанія, многими не признается. «Какое отношеніе можетъ имѣть народная пѣсня къ художественной музыкѣ?», спрашиваютъ люди, стоящіе на вершинѣ. Тѣ, которые изучаютъ серьезно народную пѣсню, народную музыку, могутъ отвѣтить: «Такое-же, какъ мать къ своему ребенку».

Дѣйствительно, если прослѣдить процессъ развитія народнаго пѣсеннаго творчества, отношеніе пѣвцовъ къ пѣснѣ, вспомнить ихъ замѣчанія по поводу исполненія пѣсенъ, отмѣтить въ самомъ строѣ пѣсни все тѣ *зачатки*, которые развиваются впоследствии въ музыкѣ ученыхъ композиторовъ, однимъ словомъ, если изучать пѣсню народную въ глубь и въ ширь, передъ глазами изслѣдователя встанетъ яркая картина этой неразрывной связи.

Пѣсня выходитъ изъ волнъ жизни. Былица, музыкально-эпическій рассказъ, перерождается въ речитативъ въ оперѣ, романсѣ, инструментальной музыкѣ. Пѣсня — лирическая, протяжная, а также скорая, пля-

совая, хороводная — входитъ въ сочиненія композиторовъ или какъ самостоятельный мелодическій матеріалъ или отрывками — составными частями своими, или, наконецъ, видоизмѣненная — въ романсѣ, оперѣ, симфоніи, квартетѣ. Даже короткіе звукоряды нѣкоторыхъ первобытныхъ пѣсней, входятъ въ нашу гамму въ видѣ дихордовъ, трихордовъ, тетрахордовъ. Народъ постоянно ихъ употребляетъ, хотя не имѣетъ никакого понятія о названіяхъ. И элементы главныхъ естественныхъ трезвучій, оказывается, находятся въ пѣснѣ, въ видѣ основъ лада; ритмъ въ разныхъ видахъ, съ короткимъ и длиннымъ музыкальнымъ періодомъ; наконецъ, обычное для народной пѣсни голосоведеніе — *свободное движеніе разныхъ голосовъ, возникающихъ изъ лада* — снова возрождается и все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе въ новой музыкѣ.

Вотъ что писалъ по этому поводу покойный В. В. Стасовъ, въ 1904 г., въ отвѣтъ на присылку ему мною 1-го выпуска «Великорусскихъ народныхъ пѣсней».

« . . . По моему, здѣсь, въ этихъ работахъ, начинается заря какого-то сильнаго музыкальнаго переворота для музыки (раньше всего — русской). Именно для хоровъ. Даргомыжскій, Мусоргскій сдѣлали громадныя шаги впередъ по части новой и единственно-справедливой формы пѣнія и выраженія въ оперѣ (русской). Ихъ талантливые и гениальные товарищи подхватили и мощно продолжали начатый ими переворотъ. Но *хоры* оставались въ прежней отсталой и фальшивой формѣ искусственности, условности и полной невѣроятности (не смотря на всю красоту и оригинальность, которая часто въ нихъ присутствуетъ). Но теперь начинается идти дѣло и о томъ, что и съ хорами долженъ произойти полный переворотъ и революція въ оперѣ. И, по видимому, этотъ переворотъ предназначенъ Россіи, русской музыкальной школѣ. Должна исчезнуть условность и невѣроятность, наступить — правда и естественность также и въ хорахъ. Они переставутъ *распѣваться* правильно и условно, они начнутъ исполняться со всею правдою, капризностью, неправильностью, которыя присутствуютъ въ устахъ народа, со всѣми измѣненіями въ количествѣ *персонала исполнителей*, изъ которыхъ одни вступаютъ и пристають, другіе замалчиваютъ на нѣсколько секундъ, и вступаютъ когда сами захотятъ, третьи не переставая все время ведутъ свою музыку; а также со всѣми перемѣнами въ *ритмѣ, движеніи* и даже *настроеніи*, которые присущи людямъ живымъ, чувствующимъ и создающимъ нѣчто «свое» въ хорѣ, помимо какого-то командующаго, соображающаго и придумывающаго автора.

Таковы будутъ, мнѣ кажется, *будущіе хоры* въ оперѣ.

Давно пора, давно пора разшибать въ дребезги старья, закостенѣлыя и замерзшія формы хора. Какъ давно я мечталъ о чемъ-то подобномъ. Какъ давно я говорилъ объ этомъ переворотѣ — съ Мусоргскимъ. Онъ со мной соглашался, намѣривался это начать и испробовать — но не успѣлъ и слишкомъ рано умеръ. Впрочемъ нѣкоторыя *пробы* его уже есть въ «Прологѣ» или «Интродукціи» *Бориса Годунова*: «Народъ на площади въ Кремлѣ» . . .

Вашъ В. Стасовъ.

Можетъ быть энтузіастъ народной музыки въ своихъ мечтахъ о «революціи въ оперѣ» заходилъ за предѣлы «техническихъ возможностей» для театра нашего времени, но эта выдержка изъ его письма бросаетъ цѣлый снопъ лучей на вопросъ о важности изученія народной пѣсни для современной музыки.

Повидимому своеобразной формѣ многоголосной народной пѣсни предстоитъ еще сыграть большую и важную роль въ музыкѣ будущаго. *Пѣсня народная со своей подвижной мелодіей, вольнымъ ритмомъ и свободнымъ голосоведеніемъ*, т. е. съ такой гибкой и богатой музыкальной организаціей, которая носитъ въ себѣ задатки безконечнаго развитія, не можетъ исчезнуть безслѣдно. Поэтому-то, вѣроятно, несмотря на многія неблагопріятныя условія, пѣсня народная, исчезающая въ деревнѣ, возраждается, претворенная, въ музыкальныхъ произведеніяхъ нашихъ композиторовъ. Возраждается она не только въ смыслѣ заимствованія у народа мелодіи — самый легкій и наименѣе благодарный способъ пользованія ею; нѣтъ, она возраждается въ смыслѣ *стиля* свободного, пѣвучаго и широкаго, въ смыслѣ смѣлаго и сложнаго голосоведенія, со сплетающимися и расходящимися голосами, то слитыми съ главной мелодіей, то далеко отходящими отъ нея. Возрожденіе этого склада начинается впервые у Глинки, за нимъ у Бородина, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго. Вліяніе этого-же склада, хотя еще болѣе измѣненнаго, мы чувствуемъ въ интересныхъ и смѣлыхъ композиціяхъ музыкальныхъ новаторовъ, нашихъ и иностранныхъ. Извѣстный французскій критикъ М. Д. Кальвокоресси¹⁾ признаетъ вліяніе восточной музыки — въ особенности же русской народной и, главнымъ образомъ, Мусоргскаго — на композиторовъ современной французской школы, въ свою очередь находящей адептовъ въ другихъ странахъ.

Одинъ изъ выдающихся философовъ-музыкантовъ нашего времени, профессоръ Вѣнскаго Университета, Гвидо Адлеръ, въ статьѣ своей «О гетерофоніи»²⁾, высказываетъ интересную мысль, что изъ трехъ стилей му-

1) «M. Maurice Ravel». Von M. D. Calvo-coressi (Paris). Zeitschrift der internationalen Musik-Gesellschaft, Jahrgang X, Heft 7, April 1909.

2) «Über Heterophonie». Von Guido Adler. Peters Jahrbuch, 1909.

зыка — *гомophonii* (гармоническое подчинение голосовъ одной мелодіи), *по-мифонии* (контрапунктическое взаимное подчинение голосовъ) и *гетерофонии* (свободное движеніе различныхъ голосовъ), послѣдній видъ самый древній. Къ нему онъ причисляетъ и народную русскую пѣсню. Онъ думаетъ, что подобно тому, какъ въ живописи и скульптурѣ въ извѣстныя историческія эпохи возраждается стиль давно прошедшихъ временъ, такъ и въ современной музыкѣ воскресаетъ древнѣйшая изъ музыкальныхъ формъ — гетерофонія или свободное голосоведеніе.

Все вышесказанное еще сильнѣе подтверждаетъ мысль, что собраніе народныхъ пѣсенъ, выработка сравнительнаго метода на основаніи точной записи и установленіе общихъ теоретическихъ принциповъ, на которыхъ строится народная пѣсня, — вопросы чрезвычайной важности, какъ для науки, такъ и для музыкальнаго искусства.

Евгенія Линева.

Москва, 10-го сентября 1909 г.

Оригинальныя народныя выраженія и замѣчанія о пѣніи.

1. «Закутайте (заприте) избу — не мѣшайте».
2. «Порыцѣли, не рыцйте» (не кричите).
3. «Затепливай пѣсню».
4. «Что ты затухъ, забыль пѣсню-то».
5. «Вотъ Стенку позвать! Онъ пѣснѣ-то — корень».
6. «Да что — распоешься, такъ пѣсня за пѣсней полѣзеть, а теперь, вотъ, не вспомнить».
7. «Какъ она (пѣсня) съ краю-то зачинается — забыли?»
8. «Зачинать съ краю, съ конца» — (пѣть сначала).
9. «Какъ ее (пѣсню) заводятъ-то?» (какъ запѣваютъ).
10. «Пѣсни давнишнія, дотошныя, досельныя, строгія, долгоголосныя, досюдошныя».
11. «Пришелъ конецъ вертушкамъ! Вертятъ, вертятъ — пустомеля какая! Заведутъ на одинъ ладъ, да и блеять, какъ овечки, лаятъ, какъ собачки».
12. «Въ пѣснѣ-то слово слово родитъ».
13. «Причету конца нѣту, онъ безконешный».
14. «Пѣсня-то съ цѣлюю версту».
15. «Пѣсня каждая — правда».
16. «Откуда что берется, сама диву даюсь».
17. «Одинъ заводитъ, а другіе подбираются, да какъ вознесутъ, такъ просто заслушанье».
18. «Пѣсня то въ воздухъ какъ воздымается».
19. «Ну, ужъ ты знаешь, пѣсенъ только конануть — конца имъ нѣтъ».
20. «Гдѣ деревня, тутъ и вѣра, гдѣ рожь, тутъ и мѣра» (по поводу разнообразія вариантовъ).
21. «Голосомъ то водятъ, водятъ» (выраженіе одинаково примѣнимое къ старой пѣснѣ и къ духовнымъ стихамъ).
22. «Голосъ не бѣжитъ съ ребятами-то; да и умъ не туда...».
23. «Какъ не нашей земли, такъ не спѣтъ намъ».

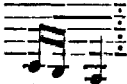
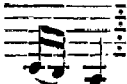
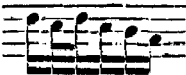

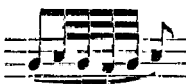
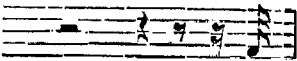
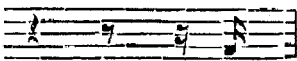
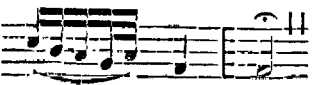
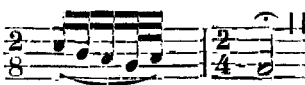
24. «Не хочу я съ нимъ пѣть, онъ мнѣ голосъ перешибаетъ» (два запѣвалы не могутъ пѣть вмѣстѣ).
 25. «У его душа долгая» (длинное дыханіе — высокая похвала пѣвцу).
 26. «Душа коротка» (короткое дыханіе).
 27. «Какъ (если) душа коротка, досельной (старинной) пѣсни не спѣть».
 28. «Вывода не хватаетъ» (допѣть пѣсню одинъ не можетъ: нужно чтобы подхватили).
 29. «Голосокъ-то у него малиновый» (мягкій, нѣжный).
 30. «Я думаю, не горазно (не хорошо) это выйдетъ».
 31. «Я къ вамъ маленько-то приленусь, а вамъ ко мнѣ не пристать, я не той земли» (разные варианты — типы).
 32. «Пѣть круто» (быстро, скоро).
 33. «Вразъ ты (дружно), покручае (ритмично), неунывно» (не растягивая).
 34. «Руку къ уху, ротъ корытцемъ» (положеніе, считающееся удобнымъ для пѣнія).
 35. «А ловко у тебя все сироворено» (замѣчаніе это относится къ дорожной укладкѣ фонографа, валиковъ и разныхъ принадлежностей).
 36. «Страховито! Не люди въ трубѣ поють, а бисы; діаволь рыцить!» (рычить).
 37. «Ишь проворный какой!» (Относится къ изобрѣтателю фонографа, Эдисону).
 38. «Эта машинка выдумана для вдоваго попа. Заскучаетъ безъ жены, вотъ ему и утѣха».
 39. «Хорошо-ли, плохо-ли, а спѣлъ. Ужъ очень мнѣ хотѣлось спѣть: въ синодикъ запести».
 40. «Забылъ, говорю; «забылъ» и въ машинкѣ вышло».
 41. «Въ одномъ мѣстѣ запятую-то я сдѣлалъ» (случайная, ненужная за-тяжка).
 42. «Вотъ тутъ визгнула ты горазно» (сильно).
 43. «Уважайте вы ее, вишь она васъ уважаетъ» (относится къ автору этого сборника).
 44. «Премудрость Соломонова. Истинно!» (относится къ фонографу).
 45. «У насъ пѣсни издохли отъ голода. Деревня обѣдняла, всѣ ее бросили, и пѣсни пропали».
 46. «Пѣсни перевернуты, перекоманы».
 47. «Обхаешь-то люто, такъ всѣ навзрыдь» (послѣ причета).
-

Замѣченные опечатки.

а) въ Предисловіи.

Стран.:		Напечатано:	Должно быть:
III	15 строка сверху	сторожили	старожили
VI	21 » »	Цвѣтнаго	Цвѣтного
—	14 » снизу	горе кручину	горе-кручину
XII	11 » сверху	и «Солнышко на закатѣ».	— (Эта пѣсня переносится въ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.)
XIII	18 » снизу	всѣхъ какъ	всѣхъ, какъ
—	17 » »	строгой «досель-	строгой, «досель-
XV	4 » »	дѣтсй а	дѣтей, а

б) въ Нотномъ текстѣ.

1	2-ой тактъ		
4	1-ый »		
—	9-ый »	ТОЖЕ	ТОЖЕ
5	4-ый »		
—	8-ой »		
7	1-ый »		
13	7-ой и 8-ой такты		
		- га - - ла.	- га - - ла.

Стран.:

Напечатано:

Должно быть:

18 12-ый тактъ

сво - имъ

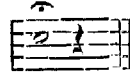
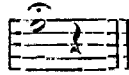
сво - имъ

19 10 строка сверху

пришли,

пришли,

23 7-ой тактъ
въ III голосѣ

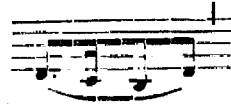

37 16 строфа

дѣвушка

дѣвушка

38 5-ый тактъ

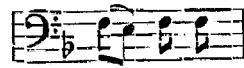
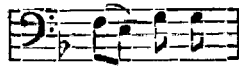

39 3 строка снизу

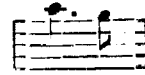
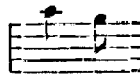
удалого, молодца

удалого молодца

42 9-ый тактъ

— 17-ый » форт.
сопровожд., басъ

47

Деревня Ивановское,

Село Ивановское,

53 13-ый тактъ

55 5-ый »

64 надъ 16-мъ так-
томъ

ЗАПѢВЪ.

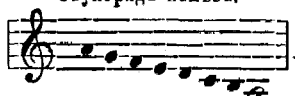
вычеркнуть

ПѢСНИ НОВГОРОДСКІЯ.

ПРОТЯЖНЫЯ.

1. Горы.

Звукорядъ пѣва.

Дер. Ельнинская, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. $\text{♩} = 63$.

I. *f* Вал - дай - - - , Ой да вы Вал-

II. *mf* ЗАПѢВЪ.

1. Ужъ вы го-ры, вы го - рѣ, Го-ры вы Вал - дай - - - , Да вы Вал-

I. *dim.* дай - - - скі - я. *f* ЗАПѢВЪ. А - (а)хъ, Ой да ни - че-

II. дай - - - скі - я. 2. Вы Вал - дай - скі - я, Ой да ни - че-

I. *p* го то вы, го - ры, го - ры, не по - ро - - (о), Ой да не по-

II. го то вы, го - рѣ, го - ры, не по - ро - - (о), Ой да не по-

I. ЗАПѢВЪ. ро - - - ди-ля. 3. Не по - ро - ди - ли, О - (о)й да, По ро-

II. ро - - - ди-ля. 3. Не по - ро - ди - ли, Ой да, По ро-

I. *p* ди-ли вы, го-ры, ой да бѣль го-рю - - (ю)чь, Ой да бѣль го-
 II. ди-ли вы, го-ры, ой да бѣль го-рю - - (ю)чь, Ой, бѣль го-

I. рючь ка-мень. ЗАПѢВЪ. А-(а)хъ, ой да изъ подъ
 II. рючь ка-мень. 4. Бѣль го-рючь ка-мень, Ой да изъ подъ

I. *p* ка-муш-ка те-четь, те-четь, рѣч-ка бы Ой да рѣч-ка
 II. ка-муш-ка те-четь, те-четь, рѣч-ка бы Ой да рѣч-ка

I. *f* бы - - стра-л. бы - стра-я - -, Ахъ, да какъ на
 II. бы - - стра-я. 5. Рѣч-ка бы - стра-и, Ахъ, да какъ на

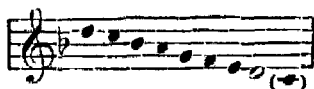
I. *f* э-той на рѣ-кѣ, кустъ ра-ки Ой да кустъ ра-
 II. э-той на рѣ-кѣ, Вы-росъ кустъ ра-ки Ой да кустъ ра-

rit.
 I. ки - - то-вый.
 II. ки - - то-вый.

- (2)* 6. Кустъ ракитовый...
Ахъ, какъ на этомъ на кусту
Сидѣлъ младъ сизой,
Ой да младъ сизой орель.
- (3) 7. Младъ сизой орель...
Ахъ, ой да во когтахъ то онъ держалъ
Держалъ ясна со...
Ой да ясна сокола.
- (4) 8. Ясна сокола
Ахъ, ой да ясна сокола,
Свово брата ро...
Ой да брата родного.
- (5) 9. Брата родного...
Ахъ, да онъ не билъ его,
Не билъ, не клевалъ,
Ой да все выпрашивалъ.
- (2) 10. Все выпрашивалъ...
Ахъ, ой да «Гдѣ жъ ты соколъ побывалъ,
Ой да гдѣ погу...
Ой да гдѣ погуливалъ, леталъ?»
- (3) 11. Гдѣ погуливалъ»...
«Ой да и погуливалъ, леталъ
Ой да во дѣлкахъ...
Ой да во дѣлкахъ стѣнахъ.»
- (5) 12. Во дѣлкахъ стѣнахъ»,
«Ахъ, ой да ты тамъ что, соколъ, видалъ?»
«Видѣлъ чудо див...
Ой да чудо дивное.»
- (5) 13. Чудо дивное...
Ахъ, ой да чудо дивное видалъ,
Лежить тѣло бѣлое,
Ой да молодецкое.
- (2) 14. Молодецкое...
Ахъ, ой да что никто къ нему
Ой да не присту...
Ой да не приступится.
- (3) 15. Неприступится...
Ахъ, ой да пристушилися къ нему,
Ой да тамъ три ла...
Тамъ три ласточки.
- (4) 16. Тамъ три ласточки,
Ахъ, ой да первая ласточка
Его родна ма...
Ой да родна матушка.
- (5) 17. Родна матушка.
Ахъ, ой да какъ вторая то
Ой да сестра ро...
Ой да сестра родная.
- (2) 18. Сестра родная...
Ахъ, ой да третья ласточка
Его молода...
Ой да молода жена.»

2. Лучинушка.

Звукорядъ навѣва.

Дер. Нов. Старина, Вѣлозерскаго уѣзда.

Не слишкомъ медленно. М.М. ♩ = 66.

I.

II. ЗАПѢВЪ.

1. Лу - чи - па мо - я, лу - чи - (и) - пуш - ка, бе - ре - зо - ва -

III.

* Номеръ въ скобкахъ обозначаетъ то «колёво», музыка котораго подходитъ къ № 6-му, 7-му, 8-му и другимъ.

I.

II.
я - (а) - - - - - (а) Что же ты, мо - л лу-

III.

I.
Не яр - ко го - рить?

II.
чи - - - пуш-ка, Не яр - ко го - рить? 2. А-ли ты, мо-я лу-

III.

I.
Въпе-чи не бы-ла

II.
ча - - - пуш-ка, Въпе-чи не бы-ла - - - - - (а),

III.

I.
Не вы - су - ше - на?

II.
3. А-ли ты, мо-я бе - ре - - - зо-ва, Не вы - су - ше - на?

III.

f

I. не вы - су - ше -
II. 4. А - ли ты бе - ре - зо - ва, не вы - су - ше -
III.

I. на
II. на? «И, я бы - ла въпе - чи, въпе - чи
III.

p

I. вче - раш - ней по - чи.
II. вче - раш - ней по - чи. 5. Я бы - ла въпе - чи, въпе - чи
III.

pp *f*

I. вче - раш - ней по - чи, Лю - та - я мо - я све -
II. вче - раш - ней по - чи - - - - - , Лю - та - я мо - я све -
III.

pp

I. кро - - - вуш-ка въ печ-ку ла - зи - ла - (а) - - -

II. кро - - - вуш-ка въ печ-ку ла - зи - ла. 6. Лю-га-и мо-я све-

III.

f

I. (а) въ печ-ку ла - зи - ла

II. кро - - - вуш-ка въ печ-ку ла - зи - ла - - - -

III.

rit. *p*

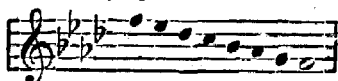
I. во-дой за - ли - ла.»

II. И ме-ня лу - чи - - - пуш-ку во-дой за - ли - ла.»

III.

3. Лучина, лучинушка.

Звукорядъ пацѣва.

Дер. Ананьина, Бѣлозерскаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. ♩ = 60.

mf ЗАПѢВЪ.

I. 1. Лу-чи-на мо-я, лу - чи - вуш - ка, бе-ре-зо-ва - я,

II.

p *f* *r* ЗАПѢВЪ.

I. Что-же ты, бе - ре-зо-ва, не веши - ха - ва - ешь? 2. Что-же ты, бе-

II.

f *p*

I. ре - зо-ва, Не веши-ха - ва - ешь? А-ли ты, лу-

II.

mf

I. чи-нуш-ка, ве-пе-чи не бы - ла? 3. А-ли ты, лу - чи - нуш-ка,

II.

I. *Въ пе-чи не бы - ла? Въ пе - чи*

II. *«Я бы - ла въ пе - чи, въ пе - чи*

I. *вче-раш - ней но - чи. 4. Я бы - ла въ пе - чи, въ пе - чи,*

II.

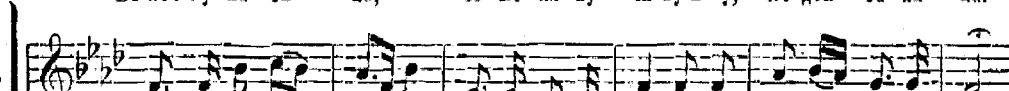
I. *Вче-раш - пей но - чи, Лю - та - я све - кро-вуш - ка*

II.

I. *въ печ - ку ла - зи - ла. 5. Лю - та - я све - кро - вуш - ка*

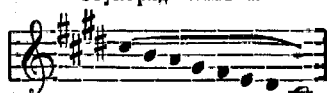
II.

I. *Въ печ-ку ла-зи - ла, И ме-ня лу - чи-пуш-ку, Во-дой за-ли - ла. rit.*

II.

4. Лучинушка.

Звукорядъ наѣва.

Деревня Андреевка, Луисара, Кирилловскаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. ♩ = 72.

I. *mf*

1. Лу - чи - на, лу - чи - нуш - ка, бе - ре - зо - ва - я,

II.

I. *f*

Что же ты, лу - чи - нуш - ка, не жар - ко го - ришь?

II. *p*

Что ты, лу - чи - нуш - ка,

I. *mf*

2. Что же ты, лу - чи - нуш - ка, не жар - ко го - ришь?

II.

I. *p*

Аь мо - я лу - чи - нуш - ка въ пе - чи не бы - ла?

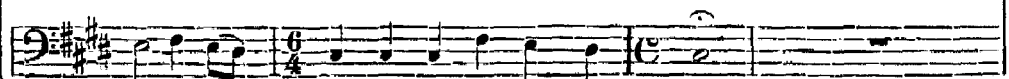
II. *rit.*

a tempo f *p*

I.
 З. А - ли ты, мо - я лу - чи - нуш - ка, въ пе - чи да не бы - ла? З. «Я бы -

II.
 въ пе - чи не бы - ла?

I.
 ла, бы - ла въ пе - чи вче - раш - ней по - чи. 4. Я бы - ла въ пе -

II.

cresc.

I.
 чи, въ пе - чи, вче - раш - ней по - чи. Охт, лю - та - я све - кро - нуш - ка

II.

f *f*

I.
 въ печ - ку ла - зи - ла, 5. Лю - та - я све - кро - нуш - ка

II.
 въ печ - ку ла - зи - ла,

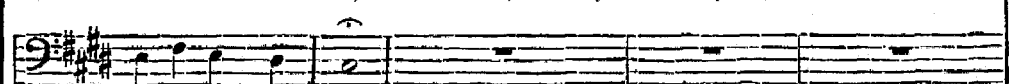
p

I.
 въ печ - ку ла - зи - ла И ме - ня, лу - чи - нуш - ку,

II.

p

I.
 во - дой за - ли - ла, 6. И ме - ня, лу - чи - нуш - ку, во - дой за - ли -

II.

I. *mf*

ла. По-друж-ки, го - лу-буш-ки, по-ди-те до - мой.

II.

I. *f* *pp*

7. По-друж-ки, го - лу-буш-ки, по-ди-те до - мой, По - ди-те до -

II.

I. *p* *pp*

мой, ло-жи - тесь вы спать, 8. По-ди-те до - мой, ло-жи-тесь вы

II.

I. *f*

спать, Ло-жи-тесь вы спать, вамъ не - ко - го ждать. 9. А мнѣ, мо - ло -

II.

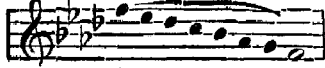
I. *rit.*

де-шень-гѣ, всю ноч-ку не спать, не спать, сво - во му - жа ждать.

II.

5. Не одна во полѣ дороженька.

Звукорядъ вапѣва.

Дер. Хмѣлива, Улома, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно, очень связно. М.М. ♩ = 58.

ЗАПѢВЪ.

ХОРЪ.

I. *p*
1. Ахъ, не од - на - то, не од - на, а - (а) - - - - (а)хъ,

II. а - (а) - - - - (а)хъ,

III. а - (а) - - - - (а)хъ,

I. Во по - хѣ до - ро - - - - (о) Ахъ, во - (о) по - хѣ до -

II. Во по - хѣ до - ро - - - - (о) во по - хѣ до -

III. Во по - хѣ до - ро - - - - (о)

rit. *p a tempo*

I. ро - - - - (о) - жень - ка, Въ по - хѣ про - ле - га... Э -

II. ро - - - - (о) - жень - ка, Въ по - хѣ про - ле - га... Э -

III. Въ по - хѣ про - ле - га... Э -

f *mf* *f*

I. (а) - - - - (э)хъ, Въ по-лѣ про - ле - га - - - - (а) Ахъ,

II. (а) - - - - (э)хъ, Въ по-лѣ про - ле - га - - - - (а)

III. (а) - - - - (э)хъ, Въ по-лѣ про - ле - га - - - - (а)

p ЗАПѢВЪ.

I. въ по - лѣ про - ле - га - - - ла. 2. А - - -

II. про - ле - га - - - ла. 3. Ахъ, что е -

III. про - ле - га - - - ла.

ХОРЪ.

I. - (а)хъ, да ча - стымъ е... 2. Э - - - - (э)хъ,
3. Э - - - - (э)хъ,

II. ще горь - кимъ о - си... 2. Э - - - - (э)хъ,
3. Э - - - - (э)хъ,

III.

p *f*

I. Ель - нич - комъ, бе - ре - - - - (е) Ахъ, ель - нич - комъ бе -
Горь - кимъ ча - стымъ о - си - - - - (и) Ахъ, горь - кимъ о -

II. Ель - нич - комъ, бе - ре - - - - (е) Ахъ, ель - нич - комъ бе -
Горь - кимъ ча - стымъ о - си - - - - (и) Ахъ, горь - кимъ о -

III. Ель - нич - комъ, бе - ре - - - - (е) Ахъ, ель - нич - комъ бе -
Горь - кимъ ча - стымъ о - си - - - - (и) Ахъ, горь - кимъ о -

I. *p*

рез - - - - - нич-комъ о - на за - ро - ста - - -
 син - - - - - нич-комъ

II.

рез - - - - - нич-комъ охъ, о - на за - ро - ста - - -
 син - - - - - нич-комъ

III.

рез - - - - - нич-комъ о - на за - ро - ста - - -
 син - - - - - нич-комъ

I.

(а) - ла, ахъ, о - на за - ро - ста - - -

II.

(а) - ла, ахъ, о - на за - ро - ста - - -

III.

(а) - ла, ахъ, о - на за - ро - ста - - -

I. *f*

(а), Охъ, о - на за - ро - ста - (а) - - - ла.

II.

(а), за - ро - ста - (а) - - - ла.

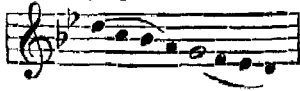
III.

(а), за - ро - ста - (а) - - - ла.

- (1) 4. ЗАПѢВЪ. Ахъ, что не бѣлю поро... (1) 5. ЗАПѢВЪ. Ахъ, что нельзя то ли, нельзя
 ХОРЪ. А---хъ, бѣлю поро... ХОРЪ. Къ милой въ гости ѣ...
 Ахъ, бѣлю порошею Ахъ, въ гости ѣхать,
 Ее заноси... Э-(э)хъ, Не проѣхать,
 Ее заноси... Эхъ, къ милой въ гости ѣхать ---
 Ахъ, ее заносило. Не проѣхать.

6. Во полѣ дорожка.

Звукорядъ пѣва.

Дер. Ельнинская, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. ♩ = 76.

ЗАПѢВЪ. *f*

I. 1. Во по-лѣ до-рож-ка, до-рож - - ка, Въ по-лѣ про-ле-

II.

I. *f* га-ла, про-ле-га - ла. 2. Ча-стымъ слѣ-нц-комъ о - па - - (а) -

II. *mf*

I. (а) - - - (а), О - па за - ро - ста - ла, за - ро - ста -

II.

I. *f* ла, Ахъ, о-на за - ро-ста-ла, за-ро-ста - ла. 3. Что е - ще то за-рос-

II. *p*

за-рос-

I. *p* ла о - - на Горь-ко-ю да о-

II.

ла о - - на, ахъ,

I. *f* *p*

снп-кой, о-син - - - кой, Горь - ко-ю да о - син-кой, да о-син-

II.

I. ЗАПѢВЪ.

кой. 4. За-по - си-ло ту до - рож - - - - - ку

II.

ку, ахъ,

I.

Бѣ-ло-ю да по - ро-шей, по - ро - - - - шей, Бѣ-ло-ю да по-

II.

I. *p*

ро-шей, ахъ, по-ро - шей. 5. Что пель - за то ли вель - за

II.

I. *p*

(а) - - - - (б) Къ ми-лой вѣго-сти Ъ - хать, да вѣго - син

II.

I. *f* *p* *rit.*

Ъ - хать, Къ ми - лой вѣго-сти Ъ - хать, не до - Ъ - хать.

II.

(2) 6. Что поѣду ли я въ гости,
|: Къ милой не заѣду,
Не заѣду. :|

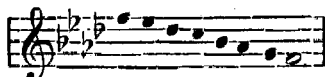
(3) 7. Что заѣду ли я къ ней,
|: Почевать не стану,
Я не стану. :|

(3) 8. Что останусь почевать,
|: Обнимать не стану,
Я не стану. :|

(2) 9. Что и стану обнимать,
|: Цѣловать не буду,
Я не буду. :|

7. Ахъ, не одна во полѣ дорожка.

Звукорада на пѣва.

Дер. Новая Старина, Бѣлозерскаго уѣзда.

Довольно медлено. М.М. ♩ = 58.

1. Ахъ, не од - на (а) - - - - - (и)хъ,

во по - лѣ до - ро - - - (о) Ахъ, во по - хъ до -

ро - - - - - жень - ка про - ле - га... О - - - -

(о) - ой, Ахъ, въ по - лѣ да про - ле - га - - - - - (а) Ахъ,

въ по - - - лѣ про - ле - га - - - - - ла. 2. Ахъ,

въ по - лѣ про - ле - га - - - ла, А - - - - - (а)хъ,

ель - нич - комъ, бе - ре - - - - - (е) Охъ ель - нич - комъ бе -

ре - - - (е)з-вич-комъ о - на за - ро - ста... А -

cresc.
(а) - - (а)хъ, та до - ро-жень-ка за... за - ро - ста - - -

mf *p*
ла, Ахъ, въ по - - - ѣ за... за - ро - ста - - -

p *cresc.*
ла, Э. А - - (а)хъ, да что не бѣ... А - - -

mf *dim.*
(а) - - (а)хъ, бѣ - ло - ю по - ро - - -

mf
(о) Ахъ, бѣ - ло - ю по - ро - - - ше -

p *cresc.*
ю, ахъ, е - е за - по - си... А - - - (а)хъ,

mf *f*
е - е да за - по - си - - - (и) Ахъ, е - е за - по - си...

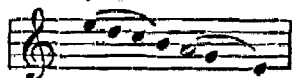

за - по - си - - - ло.

(3) 4. Ахъ, да что нельзя,
А - - - (а)хъ,
Къ милой въ гости ѣхать,
Ахъ, нельзя въ гости ѣхать,
Въ гости ѣ...
А - - - (а)хъ,
Нельзя да въ гости ѣхать,
Ахъ, не добхать.

8. Смирённая бесѣдушка.

Звукорядъ наѣва.

С. Ивановское, Череповецкаго уѣзда.

Не слишкомъ медленно. М.М. ♩ = 84.

ЗАПѢВЪ.

I. 1. Сми - рён - на - я да бе - съ - душа, гдѣ ми - ла - го

II. да бе - съ - душа, гдѣ ми - ла - го

I. вѣтъ. 2. Гдѣ ми - ла - го вѣтъ, Охъ, да ве - се - ла - я та кан-

II. вѣтъ. вѣтъ, ве - се - ла - я та кан-

I. па - - ны - ца, гдѣ мой ми - лый пьеть. 3. Гдѣ мой ми - лый

II. па - - ны - ца, ахъ, гдѣ мой ми - лый пьеть.

I. пьеть, ахъ, онъ*) пьеть не пьеть, да го - луб - чикъ мой, за

II. пьеть, онъ пьеть не пьеть, да го - луб - чикъ мой, за

*) Пѣли «онъ».

I. мной мла - дой шлетъ. 4. За мной мла - дой шлетъ, А

II. мной мла - дой шлетъ. А

I. я, ахъ, мо-ло - да, мо-ло - де - шенька, за - мѣ - шка - ла -

II. и, мо-ло - да, мо-ло - де - шеньки, за - мѣ - шка - ла -

I. ся. 5. Замѣш-ка-ла - ся, Ахъ, за тѣмъ, за семъ, за дѣ - леч-комъ, за

II. ся. Ахъ, за тѣмъ, за семъ, за дѣ - леч-комъ, за

I. дѣ - - ломъ сво - имъ. 6. За дѣ-ломъ сво - имъ, ахъ, за

II. дѣ - - ломъ сво - имъ. ахъ, за

I. уг - ка - ми, за гу - ся-ми, за ле - бе - дя - ми.

II. уг - ка - ми, за гу - ся-ми, за ле - бе - дя - ми.

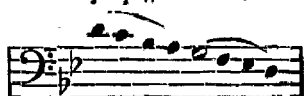
- (6) 7. За лебедями,
Ахъ, за малюю за пташкою, за журонькою.
- (6) 8. За журонькою,
Ахъ, а журонька по берегу похаживаетъ.
- (6) 9. Похаживаетъ,
Ахъ, шелковую да травоньку пощипываетъ.
- (4) 10. Пощипываетъ,
Рѣчныя воды да холодныя похлебываетъ.

- (4) 11. Похлебываетъ,
Ахъ, онъ за рѣченьку, за быструю поглядываетъ.
- (5) 12. Поглядываетъ,
Ахъ, за рѣченькой, за быструю слободка стоитъ.
- (6) 13. Слободка стоитъ,
Ахъ, слободушка не малая — четыре двора.
- (5) 14. Четыре двора,
Ахъ, во каждомъ во дверикѣ по кумушкѣ есть,

- (6) 15. По кумушиѣ есть.
« Ахъ, вы кумушки, голубушки, подружки мои,
(5) 16. Подружки мои,
Ахъ, кумитесь, любитесь, любите меня.
(6) 17. Любите меня,
Ахъ, пойдите въ зеленый садъ, возьмите меня,
(5) 18. Возьмите меня,
Ахъ, какъ станете цвѣточки рвать, сорвите и
мпѣ.
(4) 23. Ахъ, мой потонулъ,
Какъ все друзья домой пришли, одинъ мой не пришелъ.
- (5) 19. Сорвите и мнѣ,
Ахъ, какъ станете вѣночки вить, совейте и мнѣ.
(5) 20. Совеите и мнѣ,
Ахъ, пойдите на рѣчку, бросайте вѣнки.
(6) 21. Бросайте вѣнки,
Ахъ, какъ станете бросать, бросайте и мой.
(6) 22. Бросайте и мой.
Ахъ, какъ все вѣнки поверхъ воды, одинъ мой
потонулъ.»

9. Калинушка съ малинушкой.

Звукорядъ напѣва.

Дер. Мережино, Кирилловскаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. ♩ = 72.

Полнымъ голосомъ.

I.
II.
1. Ка - ли - нуш-ка съ ма - ли - нушкой, ла - зо - ре - вый

I.
II.
цвѣтъ. 2. Ла - зо - ре - - - вый цвѣтъ, Сми-

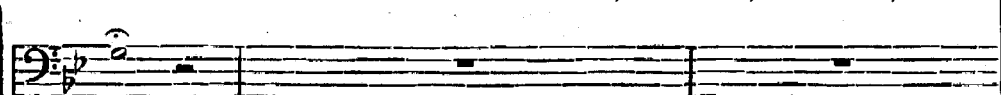
I.
II.
рен - на - я бе - съ - душ-ка, Гдѣ мой ми - - - лой

I.
II.
петь. 3. Гдѣ мой ми - - - лой петь, Онъ петь не

I.
 II.
 шлетъ го-луб - чикъ мой, За мной мла - - - дой

I.
 II.
 шлетъ. 4. За мной мла - - - дой шлетъ, А
 Ахъ, онъ шлетъ,

I.
 II.
 я мо-ло-да, мла - де - шень-ка за - мѣ - - шка - ли

I.
 II.
 ся. 5. За - мѣ - шка - ла - - - ся, За тѣмъ, за семъ, за

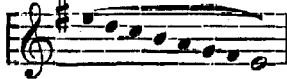
I.
 II.
 - ша - шеч-кой, за дѣ - ломъ сво - имъ.

(4) 6. За дѣломъ своимъ...
За утками, за гусями, за журонкою.	(4) 12. Слободка стоитъ,
Слободушка не малая — четыре двора.
(5) 7. За журонкою,
А журонка по берегу похаживаетъ.	(2) 13. Четыре двора,
Во каждомъ да во дворикѣ по кумушкѣ есть.
(3) 8. Похаживаетъ,
Шелковую онъ гравушку пощипываетъ.	(3) 14. По кумушкѣ есть.
«Вы кумушки, голубушки, подружки мои.
(4) 9. Пощипываетъ,
Рѣчную водицу холодную похлебываетъ.	(3) 15. Подружки мои,
Кумитесь, любитесь, любите меня.
(4) 10. Похлебываетъ,
За рѣченьку, за быструю поглядываетъ.	(3) 16. Любите меня,
Пойдете въ зеленый садъ, возьмите меня,
(5) 11. Поглядываетъ,
За рѣченькой, за быструю слободка стоитъ.	(3) 17. Возьмите меня,
Какъ станете цѣточки рвать, сорвите и мнѣ.

- (4) 18. Сорвите и мѣѣ,
А станете вѣлочки вить, | соевите и мѣѣ.
- (2) 19. Соевите и мѣѣ,
Пойдете на рѣчку, | бросайте вѣнки.
- (3) 20. Бросайте вѣнки,
Станете бросать вѣнки, | бросайте и мой.
- (4) 21. Бросайте и мой.
Какъ всѣ вѣнки поверху воды, | одинъ мой
потонулъ.
- (3) 22. Одинъ мой потонулъ.
Ахъ, всѣ друзья домой пришли, | только мой не пришелъ.

10. Калинушка.

Звукорядъ напѣва.

Дер. Смѣшкова, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. $\text{♩} = 66$.

I. f
Да съма-ли - но-ю, ла - зо - ре - вый

II. *p* ЗАПѢВЪ.
1. Ка - ли - пуш-ка, да съма-ли - но-ю, ла - зо - ре - вый

III.
Охъ, да съма-ли - но-ю, Ахъ, ла - зо - ре - вый

PIANO.

I.
цвѣтъ. 2. Охъ, ла - зо - - - ре-вый цвѣтъ. Ужь какъ та ве

II.
цвѣтъ. 2. Охъ, ла - зо - - - ре-вый цвѣтъ. Ужь какъ та да ве-

III.
цвѣтъ. Охъ, да вотъ цвѣтъ, ужь какъ та, ахъ, да ве-

PIANO.

I. се - ла - я да бе - сѣд - ка, Гдѣ мой ми - лой

II. се - ла - я да бе - сѣд - ка, Гдѣ мой ми - лой

III. се - ла - я да бе - сѣд - ка, Гдѣ мой ми - лой

PIANO.

I. пьеть. Не пьеть. Ужь онъ пить не

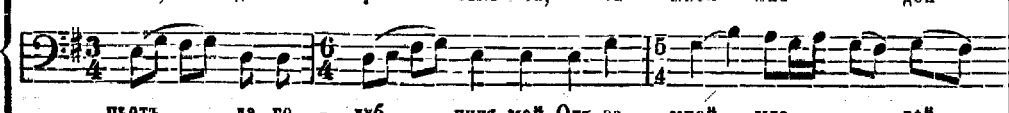
II. пьеть. 3. Онъ не пьеть. Ужь онъ пить не

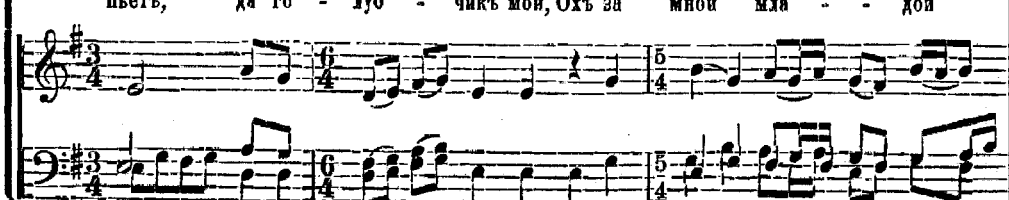
III. пьеть. Онъ не пьеть, не пьеть, Онъ не

PIANO.

I. пьеть, да го - луб - чикъ мой, За мной мла - - дой

II. пьеть, да го - луб - чикъ мой, За мной мла - - дой

III. пьеть, да го - луб - чикъ мой, Охъ за мной мла - - дой

PIANO.

I. шлетъ. А я мо-ло-да, мо-ло-

II. шлетъ. 4. А я, мо-ло - да, мо-ло-да, мо-ло-

III. шлетъ. Эхъ ма, а я, мо-ло - да, мо-ло-

PIANO.

I. да, да мла - де - шень-ка, за - мѣ - - - шка - ла - ся.

II. да, да мла - де - шень-ка, за - мѣ - - - шка - ла - ся.

III. да, да мла - де - шень-ка, за - мѣ - - - шка - ла - ся.

PIANO.

(1) 5. За тѣмъ, за семъ, охъ, да за дѣлечкомъ,
За дѣломъ своимъ.	(2) 13. Охъ, во каждомъ во дворикъ,
Тамъ по кумушкѣ есть.
(1) 6. За углами,
Охъ, да за гуснями, за журонькою.	(1) 14. «Вы кумушки, охъ, голубушки, подружки мои,
(3) 7. Журонькой... охъ, за журонькой,
Ужъ какъ журонька, да по бережку
Пошаживаетъ.	(1) 15. Кумитесь, охъ, да любитесь, любите меня.
(3) 8. Шелковую, охъ, шелковую,
Охъ, онъ да травоньку, пощипываетъ.	(2) 16. Какъ пойдете во зелень садъ, возьмите меня,
(1) 9. Рѣчная воды, охъ, да холодныя
Похлебываетъ.	(1) 17. Какъ станете, охъ, да цѣточки рвать,
Сорвите и мнѣ.
(1) 10. За рѣченьку, охъ, да за быструю
Погладываетъ.	(1) 18. Какъ станете, охъ, да вѣночки вить,
Советы и мнѣ.
(2) 11. Какъ за рѣченькой, да за быструю,
Слободка стоитъ.	(1) 19. Пойдете на рѣчку, бросайте вѣнки,
Бросайте вѣнки,
(1) 12. Слободушка, охъ, да не малая,
Четыре двора.	(3) 20. Какъ станете, охъ, какъ станете бросать,
Бросайте и мой.
	(4) 21. Какъ всѣ вѣнки да поверху, да поверху воды,
А мой потопуль.
	(3) 22. Какъ всѣ друзья домой пришли,
А мой не пришелъ.»

11. Подуй, повѣй погодка.

Дер. Мадата, Череповецкаго уѣзда.

Очень медленно. М.М. $\text{♩} = 54$.

I.

II. *p* ЗАПВѢ. *rit.*
1. По - дуй, по - вѣй, по - - дуй, по - год-ка, по-

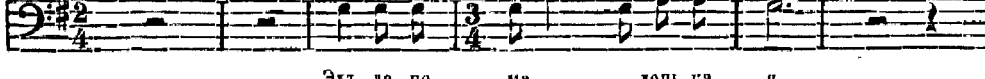
III.

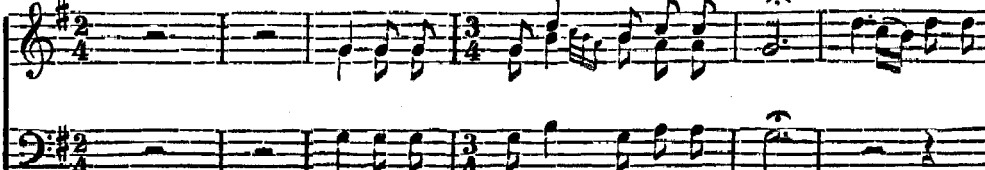
PIANO.

f ХОРЪ. *p*

I.

II. *p*
Ахъ, не ма - - лень-ка - я.
го - - да, Эхъ, да не ма - - лень-ка - я. 2. Ахъ, да

III.

PIANO.

I. А - - - (а)хъ ты раз - дуй, раз -

II. ты - - - (ы) вхъ, да ты раз - дуй, раз - дуй, ахъ, раз -

III. да ты раз - вѣй, ты раз - дуй,

PIANO.

I. вѣй, да ты, ой, ря - би - ну - шку, раз - дуй, Ой, ты ку -

II. вѣй, да ты, ой, ря - би - ну - шку, раз - дуй, Ой, ты ку -

III.

PIANO.

I. дря - вень - жу - ю.

II. дря - вень - жу - ю. 3. А - (а)хъ, да ты - - - (ы) за -

III. да ты за -

PIANO.

I. Ахъ, ты за - чѣмъ, за - чѣмъ, ря - би - нушка,

II. чѣмъ, ахъ, ты за - чѣмъ же, ты за - чѣмъ, ря - би - нушка,

III. чѣмъ, ты за - чѣмъ же, ты за - чѣмъ, ря - би - нушка,

PIANO.

I. дол - го такъ, ахъ, ты дол - - го не цвѣ - ла?

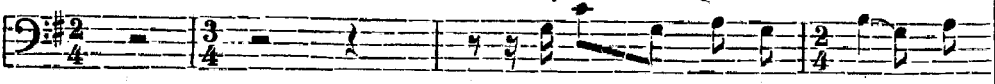
II. дол - го такъ, ахъ, ты дол - - го не цвѣ - ла?

III. дол - го такъ, ахъ, ты дол - - го не цвѣ - ла?

PIANO.

I. А - - (а)хъ, не вы - цвѣв-

II. 4. Ахъ, да позд-но за - цвѣ - ла не вы - цвѣв-

III. А - - (а)хъ, не вы - цвѣв-

PIANO.

I. ши, нель - зя те - бя, ря - би - нуш-

II. ши, Ахъ, да нель - зя те - бя, ря - би - нуш-

III. ши, Ахъ, да нель - зя те - бя, ря - би - нуш-

PIANO.

I. ку, нель - зя за - ло - мать.

II. ку, нель - зя за - ло - мать.

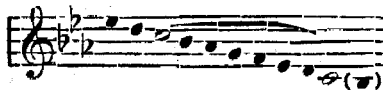
III. ку, нель - зя за - ло - мать.

PIANO.

- (2) 5. Ахъ, да не визнавши мнѣ нельзя,
Нельзя, ахъ, мнѣ дѣвушку, ахъ, да красную,
Ой, мнѣ нельзя замужъ взять.
- (3) 6. Ахъ, да я повыгляжу,
Я повыгляжу, да повымогрю,
Ахъ, возьму за себя.
- (4) 7. Шла красавица темнымъ лѣсомъ,
Охъ, темнымъ лѣсомъ, темнымъ лѣсомъ,
Зеленымъ лужкомъ.
- (2) 8. Ахъ, да зеленымъ, да лужкомъ,
Да шла, ахъ, шелковою, ой шелковою,
Ой да шелковою травой.
- (3) 9. Что, ахъ, да шелковая трава,
Что да шелковая, ахъ, шелковая трава,
Оплетаетъ ей слѣдокъ.
- (4) 10. А лавровые, лавровые,
Ахъ, лавровые листочки,
Во лѣсу люто шумать.
- (2) 11. «Ахъ, да не шумите да вы, лавровины,
Вы, лавровины, ахъ, лавровины,
На одинъ хотъ на часокъ.
- (4) 12. Не давайте вы тоски-назолы,
Ахъ, да тоски-назолушки сердцу,
Сердцу моему.
- (2) 13. Что и такъ все, ахъ, и такъ сердечушко,
Все изныло, ахъ, все изныло,
Ой все изныло во м(е)нѣ.
- (2) 14. Ахъ, да все изныло,
Все изныло, ахъ, изоржавѣло, изоржавѣло,
Капъ синопской камешокъ.»

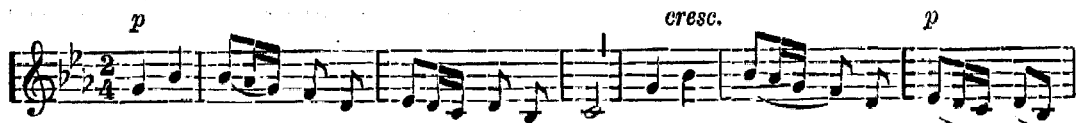
12. Подлѣ рѣчки, на бережку.

Звукорядъ пѣва.

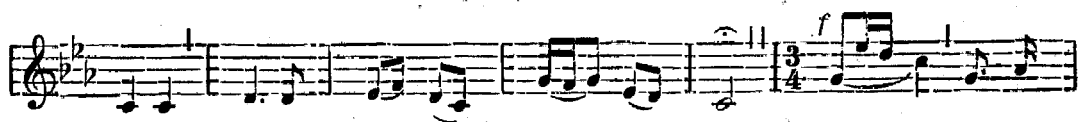

Липинъ Боръ, Кирилловскаго уѣзда.

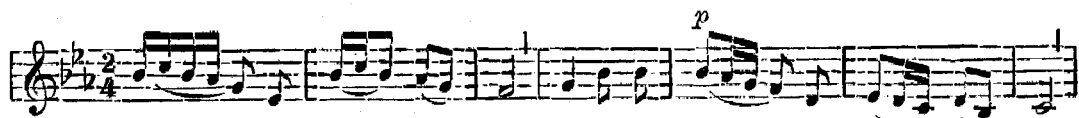
Не стѣша. М.М. ♩ = 56.

1. Под-лѣ рѣ - ки, на бе - реж - ку, Тутъ си - дѣ - ла кра - са -

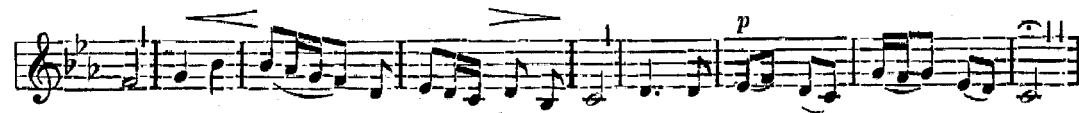
ви-цы Поздно ве - че - ромъ од - вѣ. А - (а)хъ, Позд-по

ве - че - ромъ од - вѣ. Ахъ, го-во - ри - ла мнѣ од - на

все при - ят - ны - я сло-ва. А - (а)хъ, Все при - ят - ны - я сло-

ва: «Но ка - кой же ты судъ-бѣ пришелъ, ми - лень - кой, ко мнѣ?»

А - (а)хъ, Пришелъ ми - лень-кой ко мнѣ?» Я не мед - лилъ ни ча-

са, По-лю-би-лась твоя красо-та. А - (а)хъ, по-лю - би - лась твоя красо-

та.» Та-ки рѣ - чи про - дол - жалъ, кра-са - ви-цей на - зы-

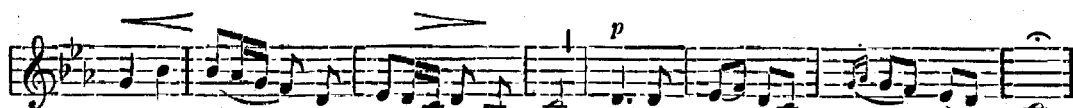
валъ. А - (а)хъ, кра - са - ви-цей на - зы - валъ, кра-са -

ви - цей дѣ - вуш - кой, бѣ - ло - ю ле - бе - душ -

кой, А - (а)хъ, бѣ - ло - ю ле - бе - душ - кой.

«Бѣ-ла - я ле-бе - душ - ка, По-лю - би, ра - достъ, ме - ня.»

Отвѣчала ему красавица:

« Не ушла еще пора
Любить дѣвушку меня.
Не лгивй, сизой-заветный,
Мимо моего окна,
Не давай тоски-назолы
Сердечушку моему.
Въ частомъ полѣ коня ходять,
Возьми ворона коня,
Ты еще возьми сѣдельце,
Возьми тонкій бѣлъ шатеръ.
Мы раскинемъ бѣлъ шатеръ

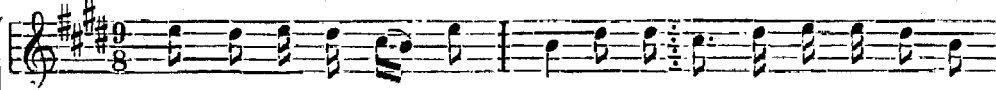
Край дороженьки большой,
Край зеленого лужка.
Дай-ко ли, дружокъ Ванюша,
Я головку причешу,
Русы кудри расчешу.»
Какъ заснулъ дружокъ Ванюша
У дѣвочки на рукѣ,
На кисейномъ рукавицѣ.
Пробудился другъ Ванюша,
Нѣтъ ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвочки, ни шатра —
Дѣвка парпя провела.

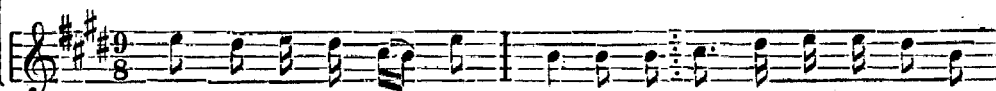
СВАДЕБНАЯ.

13. Какъ при вечерѣ то, вечерѣ.

Дер. Воротишино (Улома), Череновецкаго уѣзда.

Живо. М.М. $\text{♩} = 58$.

I. Какъ при ве - че - рѣ то ве - че - рѣ, какъ при ве - че - рѣ то

II.

I. ве - че - рѣ, Какъ при Марьиномъ дѣ - ви - ши - гѣ, Какъ при Ма - рьи - номъ дѣ -

II.

I. ви - ши - гѣ, При - ле - талъ да младъ я - сень со - колъ, При - ле - талъ да младъ я -

II.

I. сень со - колъ, Онъ са - дил - ся на о - ко - шеч - ло, Онъ са - дил - ся на ко -

II.

I.
 си-ща - то, На зла - че-ву - ю при - бо-ви-лу, На зла-че-ву-ю при-

II.

I.
 бо - ни - лу. Что у - ви-дѣ-ла, у - смо-три-ла, Что у - ви-дѣ-ла, у-

II.

I.
 смо-три - ла Ужь какъ Ма-рьи - на го ма-туш-ка, Ужь какъ Ма-рьи - на го

II.

I.
 ма-туш-ка. «Ты ди - тя ли, ча - до ми-ло-е, Ты ди-тя ли, ча-до

II.

I.
 ми-ло - е, При-го-лубь я-сна - го со-ко - ла При-го-лубь я-сна-го

II.

I.
 со - ко - ла, Яс-на со-ко-ла за - лет-на-го, Яс-на со-ко-ла за-

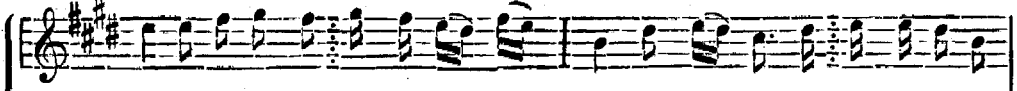
II.

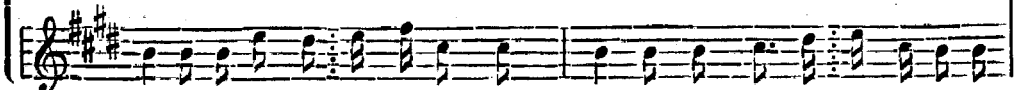
I. лет-ва-го До-бра мо-лод-ца за-ѣз-жа-го До-бра мо-лод-ца за-

II.

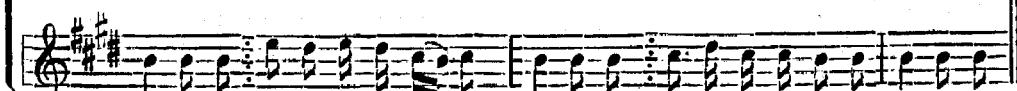
I. ѣз-жа-го». Я бы ра-да при-го-лу-би-ла, Я бы ра-да при-го-

II.

I. лу-би-ла, Да я-зыкъ то не во-ро-тит-ся, Да я-зыкъ то не во-

II.

I. ро-тит-ся, Сердце кровью об-ли-ва-ет-ся, Сердце кровью об-ли-ва-ет-ся.

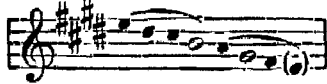
II.

Въ Воротишинѣ послѣ этой пѣсни поютъ «Отговала лебедушка», не прерывая, на тотъ же мотивъ.

14. При вечерѣ, вечерѣ.

(2-ой вариантъ).

Звукорада наѣва.

Дер. Сюрмень, Бѣлосрскаго уѣзда.

Довольно медленно, связно. М.М. ♩ = 76.

ЗАПѢВЪ.

ХОРЪ.

I. *P* 1. Ахъ, что при ве - че - рѣ, ве - че - рѣ, да при тем -

II. ве - че - рѣ, да при тем -

III.

PIANO.

I. *mf* ныхъ то бы - ло су - ме - реч - кахъ. 2. При тем - ныхъ то

II. ныхъ то бы - ло су - ме - реч - кахъ. 2. При тем - ныхъ то

III.

PIANO.

I. су-ме-реч - - кахъ При - ле - - талъ да младъ я - сень со-

II. су-ме-реч - - кахъ При - ле - - талъ да младъ я - сень со-

III. да

PIANO.

I. *p* колъ. 3. При-ле - талъ да младъ я - сень со - колъ, да онъ са-

II. колъ. 3. При-ле - талъ да младъ я - сень со - колъ, онъ са-

III.

PIANO.

I. дил - ся на о - ко - шеч - - ко, 4. Онъ са-

II. дил - ся на о - ко - шеч - - ко, 4. Онъ са-

III.

PIANO.

cresc.

I. днѣ - ся на о - ко - шеч - ко, да на се-

II. днѣ - ся на о - ко - шеч - ко, да на се-

III. днѣ - ся на о - ко - шеч - ко, да на се-

PIANO.

mf

I. ре - бря - ну при - ча - - ли - ку. 5. На се-

II. ре - бря - ну при - ча - - ли - ку. 5. На се-

III. ре - бря - ну при - ча - - ли - ку. 5. На се-

PIANO.

f

I. ре - бря - ну при - ча - ли - ку, да на зла-

II. ре - бря - ну при - ча - ли - ку, да на зла-

III. ре - бря - ну при - ча - ли - ку, да на зла-

PIANO.

rall.

I. че - ну - ю за - бра - ни - ку.

II. че - ну - ю за - бра - ни - ку.

III. че - ну - ю за - бра - ни - ку.

PIANO.

6. На злаченую закраинку,
Какъ никто не видитъ сокола,
7. Да какъ никто не упримѣтитъ яснаго,
Примѣчала ясна сокола
8. Да Устиньина то матушка,
Говорила своей дочери:
9. « Ты дитя ли, мое милое,
Примѣчай-ли ясна сокола,
10. Ясна сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.»
11. « Государыня моя матушка,
Какъ у ты языкъ воротится,

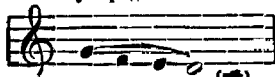
Каждую строку по 2 раза.

12. Какъ ута да растворяются,
Зачастую вспоминаючи,
13. Мое сердце надрываючи.
Мнѣ в такъ сердцу тошнехонько,
14. Ретивому обидишенько.
У меня у молодешеньки
15. Рѣзвы ноженъки подрѣзало,
Бѣлы ручки опустелися,
16. Очи ясны помутилися,
Голова съ плечъ покатилася.»

Каждую строку по 2 раза.

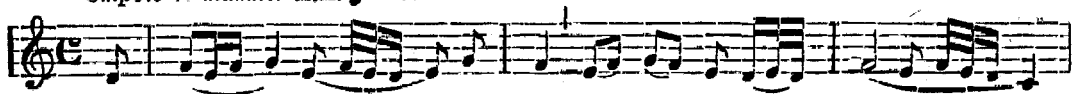
15. Свадебный причетъ (послѣ бани).

Звукорядъ наѣва.

Дер. Сюрмень, Бѣлозерскаго уѣзда.

Строю въ тактѣ. М.М. ♩ = 72.

1. Да сла - ва те - бѣ, Сла - ва да те - бѣ

Го(сподв). Охъ!*

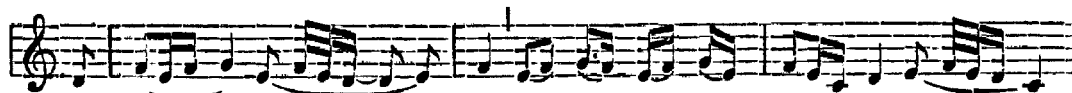

2. Да и по - - - смы - ла (а) я да кра - спа

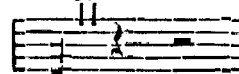

дѣ(вушка). Охъ!

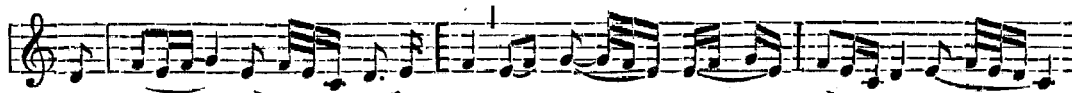
*) На первой нотѣ послѣдняго такта перерывъ — Охъ! Если причитаетъ или голоситъ невѣста, то охаютъ всѣ дѣвушки вмѣстѣ, если же причитальщица-специалистка, нанятая, или изъ реди, то охаетъ и рыдаетъ невѣста.

3. Да со бѣ - (ѣ) - ла, со бѣ - ла ли - ца сло - -
4. Да съ ре - ти - - ва, съ ре - ти - ва серд - ца кру - -

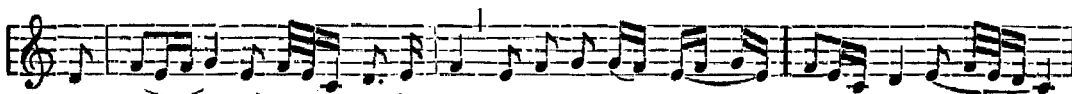
зи(ночку). Охъ!
чи(нушку). Охъ!

6. Да я и - - - ду, и - ду (у) да кра - сна

дѣ(вица). Охъ!

7. Да по - слѣ бай... послѣ бай-ни, да по - слѣ

па(руша). Охъ!

8. Да на весе... на весельи, да на радостяхъ.
9. Да на великой, да на Божьей милости.
10. Да ты, кормилецъ, да сударь батюшка.
11. Да засвѣти, да воскову свѣчу,
12. Да помолишься да Господу Богу.
13. Да я первый да поклонъ положу
14. Да за царя да благовѣрнаго,
15. Да за царицу благовѣрную,
16. Да за царевыхъ малыхъ дѣвусекъ,
17. Да за всю силушку могучую,
18. Да за всю вѣру христіанскую.
19. Да а еще да поклонъ положу
20. Да я Покрову Богородицѣ,
21. Да ты Покровъ да Богородица,
22. Да ты покрой мою головушку.
23. Да слава, слава тебѣ, Господи,
24. Да помолилась Господу Богу.
25. Да мнѣ на что Богу молитися?
26. Да меня Господи не милуетъ:
27. Да сколько въ байнѣ ни намылася,

Охъ!

28. Да вдвое, втрое обтерлася,
29. Да потеряла да потеряшечку,
30. Да свою красную да красоту.
31. Да какъ моя да красна красота
32. Да во трубу пошла дымничкой,
33. Да во двери пошла парничкой.
34. Да гдѣ то есть у молодешеньки,
35. Да есть обманщицы, охальщицы.
36. Да вы лисицы, ласкобайщицы,
37. Да нахваляли, да нахвастали
38. Да вы своей да байней-парушей,
39. Да что у насъ де въ байней-парушѣ
40. Да много веселаго весельица,
41. Да хорошаго украшеньица,
42. Да три столба, да три точеные,
43. Да три стола, да три дубовые,
44. Да что на первомъ то на столнѣ
45. Да ядова да ява пьянаго,
46. Да на другомъ то есть на столнѣ,
47. Да есть чара да зелена вина.

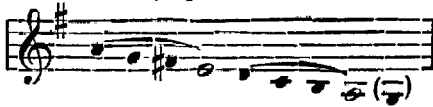
Охъ!

*) Очевидно вставка позднѣйшаго происхожденія (14—19), т. е. если ее выпустить, то смыслъ причета не нарушается. Въ другихъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи она мнѣ не встрѣчалась. Послѣ полустишія 13 «Да я первый поклонъ положу», идетъ 20: «Да я Покрову Богородицѣ».

ИСТОРИЧЕСКІЯ.

**16. Какъ во славномъ то во городѣ,
во Астрахани.**

Звукорядъ напѣва.

Дер. Горки, на Судѣ, Вѣлозерскаго уѣзда.

Медленно. М.М. ♩ = 69.

ЗАПѢВЪ.

I. 1. Какъ во слав-номъ то во го - ро - дѣ, что да во А - - стра - ха-

II.

I. ни, Ой во А - стра - - - - ха - ни, Ой да от-

II.

I. коль, от - коль взял-ся тутъ да дѣ - ти - нуш-ка, Ой да не-

II.

I. зна - - - мый че-ло - вѣкъ. 2. Ой не зна - - - мый че-ло-

II.

rall. *a tempo*

I. вѣкъ. Онъ да чи - сто ще - пот - ко по го - ро - ду по -

II.

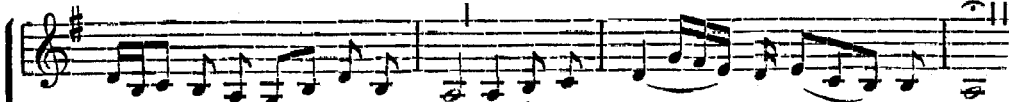
I. ха - жи - вать, ой да по - ха - - - жи - ва - етъ. 3. Онъ по -

II.

I. ха - - - жи - ва - (а)тъ, Какъ на немъ то на рас -

II.

ахъ,

I. на - - - шеч - ку на немъ бар - хат-ный каф - танъ.

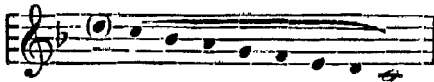
II.

- (3) 4. А персидскій кушачекъ на немъ черезъ . . . черезъ правое, черезъ правое плечо,
 (3) 5. Ой да черна шляпа, черна шляпа нуховая на его русыхъ кудряхъ,
 (2) 6. А бобровы рукавички, ой бобровы рукавички на его бѣлыхъ рукахъ,
 (2) 7. Какъ во правой во ручкѣ, ой во правой ручкѣ трость камышевая, трость камышевая.
 (3) 8. Никому то онъ во всемъ городѣ не кланяется, ой, онъ не кланяется,
 (2) 9. Къ самому то воеводѣ, ой да воеводѣ, онъ на судъ нейдетъ, ой да на судъ не идетъ.
 (2) 10. Какъ увидѣлъ воевода, какъ увидѣлъ, ой, да воевода удалого, молодца, ой удалого молодца,
 (3) 11. Закричалъ, ой закричалъ, закричалъ онъ громнымъ голосомъ своимъ вѣрнымъ слугамъ:
 (2) 12. «Вы подите, приведите, вы подите, приведите, слуги вѣрные мои, ой удалого молодца.»

(Дальше словъ пѣвицы не знали).

17. Ванька Ключничекъ.

Звукорядъ напѣва.

Дер. Ворогитино, Кирилловскаго уѣзда.

Медленно. М.М. ♩ = 84.

I. *p*

II. *mf* Бы-ло

III. 1. Эхъ, вотъ да - ле - че, да - ле - че бы-ло

PIANO.

I. въ ка - мен - ной, въ ка - мен - ной Мо - сквѣ.

II. въ ка - мен - ной, въ ка - мен - ной Мо - сквѣ. 2. Бы-ло въ ка-мен-

III.

PIANO.

I. *rit. a tempo* *mf*
 А - - (а)хъ, тамъ отъ жи - ветъ,
 II. но - - - (о)и Мо - сквѣ. А - - (а)хъ, тамъ отъ жи - ветъ,
 III. А - (а)хъ, Мо - сквѣ. А - - (а)хъ, тамъ отъ жи - ветъ,
 PIANO.

I. по - жи - ва - - - етъ, А - - (а)хъ, Вол - кон - - - - - ской
 II. по - жи - ва - - - етъ ба - тюш - ка Вол - кон - - - - - ской
 III. по - жи - ва - - - етъ ба - тюш - ка Вол - кон... Вол - кон - ской
 PIANO.

I. князь. *mf* Э - (а)хъ,
 II. князь. 3. Ба - тюш - ка Вол - кон - - - - - ской князь. Э - (а)хъ,
 4. Ахъ, да Вань - ка Ключ - - - - - ни - чей
 III. князь. Э - (а)хъ,
 PIANO.

I. Мо-ло - дой слу - га у кня - - зя Живеть Вань - ка клюш...
 Мо-ло - дой е - го кня - ги - - пи Вѣрный по - лю - бов...

II. Мо-ло - дой слу - га у кня - - зя Живеть Вань - ка клюш...
 Мо-ло - дой е - го кня - ги - - пи Вѣрный по - лю - бов...

III.

PIANO.

I. *mf* Ахъ, Ва-ня клюш - ни - чекъ.
 Ой, по-лю - бов - ни - чекъ.

II. *p* Ахъ, Ва-ня клюш - ни - чекъ. 5. Вѣрный по-лю - бов - - - ни-
 Ой, по-лю - бов - ни - чекъ.

III. лю - бов - - - ни-

PIANO.

I. *f* Э - - (э)хъ, Опъ не годъ жи - веть Ва - ню - -

II. чекъ, Э - - (э)хъ, Опъ не годъ жи - веть Ва - ню - -

III. чекъ, Э - - (э)хъ,

PIANO.

I. *p*

ша, Ва-нюш - ка дру - гой, ахъ, онъ дру - гой жи - ветъ.

II. ша, Ва-нюш - ка дру - гой, ахъ, онъ дру - гой жи - ветъ.

III.

PIANO.

I.

II. *mf* б. Ва - нюш-ка дру - гой го - дикъ отъ жи - ветъ. А - - (а)хъ,

III.

PIANO. *mf*

I. какъ на тре - тий отъ го - до - - чекъ, князь до - знал - -

II. какъ на тре - тий отъ го - до - - чекъ, князь до - знал - -

III.

PIANO.

I. *mf*
 II.
 III.
 PIANO.

ся, ахъ, онъ до - вѣ - дал - ся.
 ся, ахъ, онъ до - вѣ - дал - ся.
 ся, ахъ, онъ до - вѣ - дал - ся.

1. Эхъ, вотъ, дѣлече, далече
Было въ каменной Москвѣ.
2. Было въ каменной Москвѣ,
Ахъ, тамъ отъ живеть, поживаетъ,
Батюшка-Волконскій князь.
3. Батюшка-Волконскій князь.
Ахъ, молодой слуга у князя
Живеть Ванька-кдюш... ахъ, Ваня кдюшничекъ.
4. Ахъ, да Ваня кдюшничекъ, [чекъ].
Ахъ, молодой его княгини
Вѣрный полюбов... ой, полюбовничекъ.
5. Вѣрный полюбовничекъ.
Эхъ, онъ не годъ живеть Ванюша,
Ванюшка другой живеть.
6. Ванюшка другой живеть.
Ахъ, какъ на третій отъ годочекъ
Князь дознался, ахъ, онъ доведѣлся.
- (6) 7. Князь дознался, ахъ, доведѣлся,
Эхъ, черезъ самую послѣднюю,
Черезъ сѣнную, ахъ, онъ служаночку.
- (6) 8. Черезъ сѣнную онъ служаночку.
Ахъ, закричалъ де тутъ Волконскій князь
Зычнымъ, громкимъ, ахъ, громкимъ голосомъ.
- (2) 9. Зычнымъ, громкимъ, ахъ, громкимъ голосомъ:
«Ахъ, ужъ вы слуги мои, други,
Слуги вѣрные мои,
- (2) 10. Ахъ, вы слуги вѣрные,
Ахъ, вы подите, приведите
Вора Ваньку-кдюшничка,
- (2) 11. Вора Ваньку-кдюшничка,
Ахъ, молодой моей княгини
Вѣрнаго любовничка.
- (5) 12. Вѣрнаго любовничка».

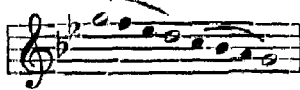
Ахъ, на крылецъ идетъ Ванюша,
Ваня веселесенекъ,
- (2) 13. Ваня веселесенекъ,
Ахъ, полотняная*) рубашка
На Ванѣ бѣлѣтся.
- (2) 14. На Ванѣ бѣлѣтся,
А сафьяновы сапожки,
Сапожки поскрипываютъ.
- (3) 15. Сапожки поскрипываютъ,
Камышовая то тросточка,
Тросточка посвистываетъ.
- (2) 16. Тросточка посвистываетъ.
Ахъ, воскричалъ де тутъ Волконскій князь
Своимъ громкимъ голосомъ.
- (2) 17. Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ, ты скажи, скажи, Ванюша,
Скажи правду-истину,
(2) 18. Скажи правду-истину:
Ахъ, со котораго годочка
Жилъ ты со княгиней
(2) 19. Жилъ ты со княгиней?»
«Ахъ, я не знаю того дѣла,
Не знаю, не вѣдаю.
(5) 20. Не знаю, не вѣдаю.»
Ахъ, какъ ударилъ де Волконскій князь
Ваню по щекѣ, ахъ, Ваню-кдюшничка,
- (6) 21. Ваню по щекѣ, ахъ, Ваню-кдюшничка,
Ахъ, погода того маленько,
Онъ по другой, ахъ, по другой его.
- (3) 22. Ахъ, да по другой его.
Ахъ, воскричалъ де князь Волконскій
Своимъ слугамъ вѣрнымъ... ахъ, слугамъ вѣрнымъ.
- (3) 23. Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
«Ахъ, ужъ вы слуги, мои други,
Ахъ, слуги вѣрные,
(2) 24. Ахъ, вы слуги вѣрные,
Ахъ, вы берите, мои слуги,
Заступа желѣзные,
(2) 25. Заступа желѣзные,
Ахъ, вы копейте, мои слуги,
Дѣвѣ ямы глубокиа.
(2) 26. Дѣвѣ ямы глубокиа,
Ахъ, вы поставьте, мои слуги,
Два столба точеные,
(3) 27. Два столба точеные,
Ахъ, вы повѣсите, мои слуги,
Дѣвѣ петли шелковыя.
(3) 28. Дѣвѣ петли шелковыя,
Ахъ, мы повѣсимте, повѣсимъ
Вора Ваньку-кдюшничка,
(2) 29. Вора Ваньку-кдюшничка,
Ахъ, молодой то ли княгини
Вѣрнаго любовничка
(5) 30. Вѣрнаго любовничка».
Ахъ, какъ съ крыльца идетъ Ванюша,
Ваня тумане... эхъ, туманесенекъ,

*) Иногда поюгъ «миткалинная».

(2) 31. Ваня гуманесенекъ,
Ахъ, полотняная рубашка
На Ванѣ изорвана.	(2) 38. Съ княгиней погулено,
Ахъ, на тесовой на кровати
Съ княгиней полежано.
(3) 32. На Ванѣ изорвана.
Ахъ, какъ вскричалъ де Ваня-кляшничекъ
Своимъ громкимъ го... ахъ, громкимъ голосомъ.	(2) 39. Съ княгиней полежано,
Ахъ, за бѣлы груди княгиношну,
Ахъ, было похвачано,
(3) 33. Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ, ой вы слуги, мои други,
Слуги мои вѣрные,	(2) 40. Ахъ, было похвачано,
Ахъ, въ ея сахарны уста
Княгвию цѣловано.
(2) 34. Слуги мои вѣрные,
Ахъ, вы подайте, мои слуги,
Мнѣ гусли звончатыя.	(2) 41. Княгвию цѣловано».
Ахъ, что повѣсили Ванюшу,
Ванюшку на висѣлицу.
(2) 35. Мнѣ гусли звончатыя,
Ахъ, какъ въ останняя, Ванюша,
Гусельцы поиграю.	(2) 42. Ванюшку на висѣлицу.
Ахъ, ужъ какъ день виситъ Ванюша,
Ванюшка другой виситъ.
(2) 46. Гусельцы поиграю,
Ахъ, я спою вамъ, мои други,
Я спою вамъ пѣсню новую.	(6) 43. Ванюшка другой виситъ,
Ахъ, какъ и третій то денечекъ
Ванюшка качается,
(2) 37. Я спою вамъ пѣсню новую:
Ахъ, во зеленомъ во садочкѣ
Съ княгиней погулено,	(2) 44. Ванюшка качается,
Молодая то княгвию
Въ терему копчается.

18. УЖЪ ТЫ ПОЛЕ МОЕ, ПОЛЕ ЧИСТОЕ.

Звукорядь напѣва.

Дер. Малата, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. ♩ = 76.

Теноръ

Баритонъ

1. Ужъ ты по-ле мо-е, по-ле чи-сто-е, Ты раз-

Т.

Б.

до-лье мо-е, ши-ро-ко-е. 2. Раз-до-лье мо-е, ши-

Т.

Б.

ро-ко-е, Се-ре-ди по-ля ку-сточекъ, о-ди-не-шпекъ сто-

T. *p*

итъ. 3. Се-редь по-ля тамъ ку-сто-чекъ о-ди-не-ше-некъ сто-

Б.

T.

итъ, Ахъ, подъ ку-стомъ ле-жить сол-дать по-ле-вой. 4. Подъ

Б.

T. *mf* *p*

ку-стомъ ле-жить сол-дать по-ле-вой, Сол-дать по-ле-вой, сер-

Б.

T. *f* *mf*

жанъ мо-ло-дой. 5. Сол-дать по-ле-вой, сер-жанъ мо-ло-

Б.

T.

дой, Не у-бить оль ле-жить, шиб-ко ра-не-ный. 6. Не у-

Б.

T. *mf* *f* *p*

бить ле-жить, шиб-ко ра-не-ный, Что по-стель у не-

Б.

Т. го тра - ва шел - ко - ва - я.

Б.

(4) 7. Постель у него трава шелковая,	13. Ты бѣги, скачи въ землю русскую,
Въ головахъ у него сабля острая.	Отвези ты отъ меня кормильцу-батюшкѣ поклоны,
(6) 8. Въ головахъ у него сабля острая,	14. Отвези отъ меня кормильцу-батюшкѣ поклоны,
А въ ногахъ у него пуля быстрая.	Ты скажи-ка, мой конь, скажи, добрый конь,
(4) 9. Во ногахъ у него пуля быстрая,	15. Ты скажи-ка, мой конь, скажи, добрый конь,
Передъ нимъ стоитъ его вѣрный конь,	Государынѣ моей матушкѣ,
(2) 10. Передъ нимъ стоитъ его вѣрный конь,	16. Государынѣ моей матушкѣ,
Его вѣрный конь, лошадь добрая.	Что жениться я хочу на молодой женѣ,
(6) 11. Его вѣрный конь, лошадь добрая.	17. Что жениться я хочу на молодой женѣ,
«Ужъ ты конь ли, мой конь, конь товарищъ мой,	Ахъ, что женила меня сабля острая,
(4) 12. Ужъ ты конь ли, мой конь, конь товарищъ мой,	18. Что женила меня сабля острая,
Ты бѣги-ка, скачи въ землю русскую,	Обвѣчала меня пуля быстрая.»

19. Ахъ, ты поле мое, поле чистое.

Звукорядъ напѣва.

Дер. Ивановское, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. $\text{♩} = 72$.

I и II. 1. Ахъ, ты по - - ле мо - е, по - ле чи - сто-

III.

I и II. е, ты раз - до - лье мо - е, Да ты ши - ро - ко - е. 2. Ты раз-

III.

I и II. *f*
до - лі - е мо - е, Ты ши - ро - ко - е, Ужь ты

III.

I и II. *p*
чѣмъ, по - ле, Да из - у - кра - ше - но? 3. Ужь ты

III.

I и II. *mf*
чѣмъ, да по - ле, из - у - кра - ше - но? Все цвѣ-

III.

I и II. *p*
точ - - ка - ми, да ва - си - леч - - ка - ми. 4. Все цвѣ-

III.

I и II. *f*
точ - - ка - ми, ва - си - леч - ка - ми, Се - ре-

III.

I и II.
ди то по - ля сто - ить ра - ки - - товъ кустъ. 5. Се - ре-

III.

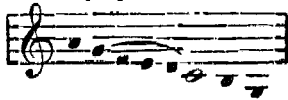
The musical score consists of two systems. Each system has two staves: the upper staff is for voices I and II, and the lower staff is for voice III. The first system begins with a *mf* dynamic marking. The lyrics for the first system are: "ди то по - ля сто - ить ра - ки - товъ кустъ. Тутъ подъ". The second system begins with a *p* dynamic marking. The lyrics for the second system are: "ку - - сти - комъ ле - жать ко - закъ у - бить."

- (3) 6. Тутъ подъ кустикомъ лежить казанъ убить.
Не убить онъ лежать, ой, шибко раненый,
- (4) 7. Не убить лежить, шибко раненый.
Что постель у него трава шелковая,
- (3) 8. Что постель у него трава шелковая,
Въ головахъ у него да сабля острая,
- (2) 9. Въ головахъ у него сабля острая,
Во ногахъ у него да пуля быстрая,
- (1) 10. Во ногахъ у него пуля быстрая.
Передъ нимъ стоитъ да его вѣрный конь,
- (2) 11. Передъ нимъ стоитъ его вѣрный конь,
Его вѣрный конь, лошадь добрая,
- (2) 12. Его вѣрный конь, лошадь добрая.
«Ужь ты конь ли, мой конь, конь-товарищъ мой,
- (3) 13. Ужь ты конь ли, мой конь, конь-товарищъ мой,
Ты бѣги-ка, скачи да въ землю русскую,
- (4) 14. Ты бѣги-ка, скачи въ землю русскую,
Отвези ты отъ меня кормильцу-батюшкѣ поклонъ,
- (3) 15. Отвези ты отъ меня кормильцу-батюшкѣ поклонъ;
Ты скажи-ка, мой конь, скажи, мой добрый конь,
- (3) 16. Ты скажи-ка, мой конь, скажи, мой добрый конь,
Государынѣ да моей матушкѣ,
- (3) 17. Государынѣ моей матушкѣ,
Ты скажи, конь, моей, охъ, молодой женѣ,
- (4) 18. Ты скажи, конь, моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
- (3) 19. Что женился я на другой женѣ,
Что сосватала насъ да сабля острая,
- (3) 20. Что сосватала насъ сабля острая,
Обвѣнчала насъ да пуля быстрая.»

СОЛДАТСКАЯ-ИСТОРИЧЕСКАЯ.

20. Поле чистое, турецкое.

Звукорядъ напѣва.

Дер. Мережино, Кирилловскаго уѣзда.

Энергично, ровно. М.М. $\text{♩} = 108$.

mf

I.

II.

mf *f* *mf*

I.

II.

mf

I.

II.

f

I.

II.

I. ро - - жень - ки, Всѣ мѣ - ста тво - я пре - кра - сны -

II.

I. я, 4. Всѣ пу - ти тво - я слав - ны, пре - кра - - сны -

II.

I. е? На томъ по - лѣ, на томъ ча - сто - ѳѣтъ,

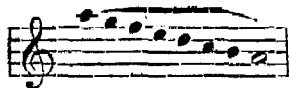
II.

5. На томъ полѣ, полѣ чистоѳѣтъ,
Мы сойдемся съ непріятелемъ,
6. Мы сойдемся съ непріятелемъ,
Со турецкимъ славнымъ корпусомъ,
7. Со турецкимъ славнымъ корпусомъ.
На турецкій славный праздничекъ,
8. На турецкій славный праздничекъ,
На злосчастную на середу.
9. На злосчастную на середу
Турки пьяны напивалися,
10. Турки пьяны напивалися,
Во хиблюшкѣ похвалялися,

11. Во хиблюшкѣ похвалялися:
«Мы Расеюшку наскрозъ пройдемъ,
12. Мы Расеюшку наскрозъ пройдемъ,
Графъ Пашкевича въ полонъ возьмемъ,
13. Графъ Пашкевича въ полонъ возьмемъ!»
Графъ Пашкевичъ намъ говаривалъ,
14. Графъ Пашкевичъ намъ говаривалъ:
«Постарайтесь, ребятушки,
15. Постарайтесь, ребятушки,
Ужъ вы храбрые солдатушки,
16. Ужъ вы храбрые солдатушки,
Постоить за землю русскую.»

21. Во Кистринѣ было городѣ.

Звучорадь напѣва.

Дер. Малата, Череповецкаго уѣзда.

Довольно медленно. М.М. ♩ = 63.

Теноръ. I.

1. Во Ки - стринѣ бы - ло го - ро - дѣ, Ахъ, за во - ро - та - ми Ки -

Баритонъ. II.

го - ро - дѣ, Ахъ, за во - ро - та - ми Ки -

I.

стрин - ски - ми. 2. За во - ро - та - ми Ки -

II.

стрин - ски - ми.

I.

стринскы-ми, Ахъ, тамъ сто - я - ла тем - на тем - ни -

II.

I.

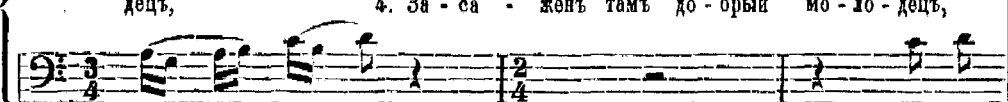
ца, 3. Тамъ сто - я - ла тем - на тем - ни - ца.

II.

ца, Ахъ.

I.
 II.

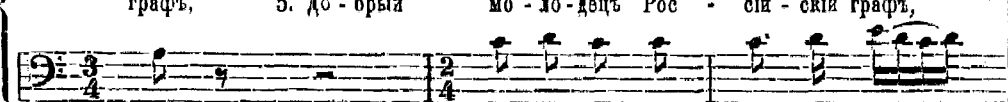
Ахъ, за - са - женъ тамъ до - брый мо - ло -

I.
 II.

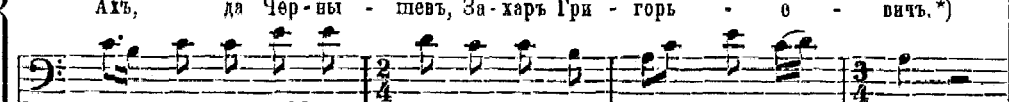
дець, 4. За - са - женъ тамъ до - брый мо - ло - дець,
 дець, ахъ, мо - ло -

I.
 II.

Эй, охъ, до - брый мо - ло - дець Рос - сій - скій
 дець.

I.
 II.

графъ, 5. До - брый мо - ло - дець Рос - сій - скій графъ,

I.
 II.

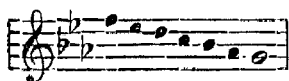
Ахъ, да Чёр - ны - шевъ, За - харъ Гри - горъ о - вичъ. *)

*) См. варианты текста этой пѣсни: «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, издавы Общ. Любителей Россійской Словесности, подъ редакціей и съ дополненіями П. А. Безсонова.» Выпускъ 9, стр. 125—145. Москва, 1872 г.

СЕМЕЙНАЯ.

22. Стояла березынька.

Звукорадь напѣва.

Село Ивановское, Череповецкаго уѣзда.

М. М. $\text{♩} = 96$.

ЗАПѢВЪ.

sf

I. 1. Сто-я-ла бе-ре бе-рез-ка близ-ко у рѣ-ки,

II. Ахъ, бе-рез-ка близ-ко у рѣ-ки,

III. Ахъ, бе-рез-ка близ-ко у рѣ-ки,

PIANO.

mf

I. близ-ко у рѣ-ки - - - (и). Ахъ, да у э-той бе-

II. близ-ко у рѣ-ки - - (и), Ахъ, у э-той бе-

III. рѣ-ки - - (и). Ахъ, у э-той бе-

PIANO.

I. ре - зынь-ки во - да, во - да под-ня - лась, 2. Во - да под - ня -

II. ре - зынь-ки, Ой, во - да под-ня - лась, Во - да под-ня -

III. ре - зынь-ки во - да под - ня - лась, под-ня -

PIANO.

I. лась. А - - (а)хъ, да на ту по - ру до - чень-ку

II. лась. Да а - - (а)хъ, на ту по - ру до - чень-ку

III. ла - - - (а)сь. На ту по - ру до - чень-ку

PIANO.

I. мать - отъ, мать-отъ ро-ди - ла, 3. Мать - отъ ро-ди - ла - - -

II. мать, мать-отъ ро-ди - ла, Мать ро-ди - ла - - -

III. мать ро-ди - ла,

PIANO.

I. (а), Вспо - и - ла, векор - ми - ла, да не, ой, не вы - у - чи - ла,

II. (а), Вспо - и - ла, векор - ми - ла, ой, не вы - у - чи - ла,

III. Вспо - и - ла, векор - ми - ла, да не вы - у - чи - ла.

PIANO.

I. 4. Ой, не вы - у - чи - ла, Не у - чив - ши, ма - туш - ка

II. Не вы - у - чи - ла. Не у - чив - ши, ма - туш - ка

III. А - - - - - (а)хъ, да

PIANO.

I. за - мужъ, за - мужъ от - да - ла, 5. За - мужъ от - да - ла, от - да -

II. ахъ, за - мужъ от - да - ла, От - да - ла, да от - да -

III. за - мужъ, за - мужъ от - да - ла, От - да - ла, от - да -

PIANO.

I. ля, Да раз-сер-жусь на ма-туш-ку а, на ро-ди-му-ю,

II. ля, Да раз-сер-жусь на ма-туш-ку а, на ро-ди-му-ю,

III. ля, Да раз-сер-жусь на ма-туш-ку а, на ро-ди-му-ю,

PIANO.

I. 6. На ро-ди-му-ю, Не при-ду я къ ма-туш-къ

II. ро-ди-му-ю, Не при-ду я къ ма-туш-къ

III. А - - - - - (а)хъ, да

PIANO.

I. ров-но, ров-но три го-да, 7. Ров-но три го-да

II. ахъ, ров-но три го-да, три го-да

III. ров-но, ров-но три го-да.

PIANO.

I. (а). На чет-вер-тый го - дикъ я воль-ней пташ-кой при - ле - чу,

II. (а). На чет-вер-тый го - дикъ я воль-ной пташ-кой при - ле - чу,

III. На чет-вер-тый го - дикъ я воль-ной пташ-кой при - ле - чу.

PIANO.

I. 8. Воль - ной пташ-кой при - ле - чу, Ся - ду я во ба - тюш-винъ,

II. при - ле - чу, Ся - ду я во ба - тюш-винъ,

III. А - - - - (а)хъ, да

PIANO.

I. во зе-ле-ный во са - докъ, 9. Во зе-ле-ный во са - до - - -

II. во зе-ле-ный во са - докъ, Во са - до - - -

III. во зе-ле-ный во са - докъ.

PIANO.

I. (о)къ, На слав-ну на яб - лонь-ку, ой, на ма-туш-ки - ну.

II. (о)къ, На слав-ну на яб - лонь-ку, на ма-туш-ки - ну.

III. На слав-ну на яб - лонь-ку, ой, на ма-туш-ки - ну.

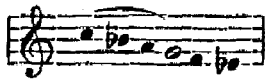
PIANO.

- (5) 10. ЗАПѢВЪ. На матушину, охъ, да
Запою я пѣсенку вѣжнымъ, вѣжнымъ голоскомъ.
- (4) 11. ЗАПѢВЪ. Вѣжнымъ голоскомъ, ой,
Жалобнымъ причетомъ весь мѣръ, весь мѣръ удивлю.
- (2) 12. ЗАПѢВЪ. Весь мѣръ удивлю, ой,
Горючьми слезьми весь садикъ, весь садъ потоплю.
- (2) 13. ЗАПѢВЪ. Весь садъ потоплю, ахъ, да
Тоскою кручиною весь садъ подсушу.

БЫТОВАЯ.

23. За озерье, во сторонкѣ.

Звукорядъ напѣва.

М.М. ♩ = 92.

Дер. Трофимова, Кирилловскаго уѣзда.

Впомогоса, рассказывая и постепенно усиливала къ концу, но мѣръ развитія рассказа. Притѣвъ «Э-хе, хе» поется сначала тихо, монотонно, равнодушно, но по мѣръ развитія рассказа все громче и печальнѣе.

I. 1. За о - зе-рье да во сто - рон-кѣ, да э - хе, хе, Да тамъ жи-

II.

I.
 II.

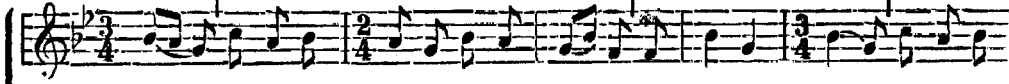
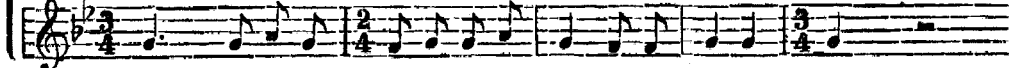
веть мужикъ Кар - пу - ня, да э - хе, хе. 2. Да у Кар - пуньки сынъ Фе-

I.
 II.

дю - ня, да э - хе, хе, Да у Фе - дю - ни же - на Ду - ня, да

I.
 II.

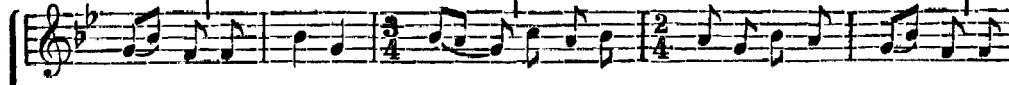
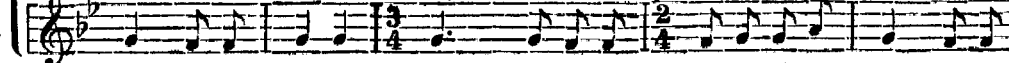
э - хе, хе. 3. Да тамъ слу - чи - ли - ся двѣ го - стьи, да э - хе,

I.
 II.

хе, Да э - ти гостьи, двѣ Фе - до - сынъ, да э - хе, хе. 4. Да од - на

I.
 II.

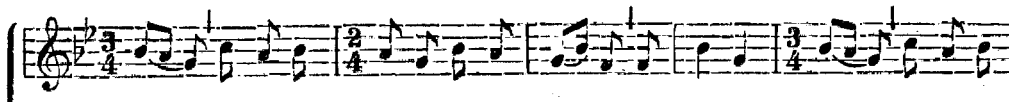
гостья го - во - ри - ла, да э - хе, хе, Да вотъ дру - га - я по - та -

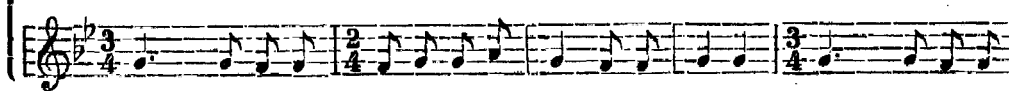
I.
 II.

на - ла, да э - хе, хе. 5. Да ты у - бей - ка, Федоръ, Ду - ню, да

I.
 э - хе, хе, Да мы най - демъ те - бѣ дру - гу - ю.» Да э - хе.

II.

I.
 хе. 6. Да Ду - ня рѣ - чи у - слы - ха - ла, да э - хе, хе, Да ско - ро

II.

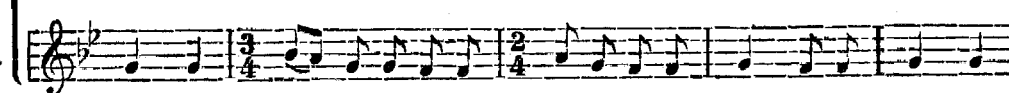
I.
 въ гости от - про - ша - лась, да э - хе, хе. 7. «Да от - пу - сти - ка, Федоръ,

II.

I.
 въ го - сти, да э - хе, хе, Да от - пу - сти - ка на не - дѣль - ку, да

II.

I.
 э - хе, хе, 8. Да от - пу - сти - ка на дру - гу - ю, да э - хе,

II.

I.
 хе, Да от - пу - сти, Фе - да, на тре - тью, да э - хе, хе.»

II.

<p>9. «Да поѣжай-ка, Дуня, съ Богомъ»,
Да отвѣчаетъ Дуни Федоръ.</p> <p>10. Да вотъ гостить Дуня недѣлку,
Да вотъ гостить Дуня другую,</p> <p>11. Да вотъ гостить Дуня другую,
Да вотъ гостить она и третью.</p> <p>12. «Да что собаки-то какъ лаютъ?
Да поглядите-ка, ребята,</p> <p>13. Да вонъ не мой ли Федоръ ѣдетъ?»
Да Федоръ въ лѣсенку вздымается,</p> <p>14. Да Федоръ двери отпираетъ,
Да Федоръ Богу помолился.</p> <p>15. Да Федоръ Богу помолился,
Да одной тещѣ поклонился.</p> <p>16. «Да мы домой поѣдемъ, Дуня,
Да всё-то дома нездоровы —</p> <p>17. Да свекоръ-батюшка на печкѣ,
Да свекоръ-матка на шесточкѣ,</p> <p>18. Да деверья-то всё по лавкамъ,
Да всё золовки по залавкамъ.»</p> <p>19. Да какъ пришла Дуня домой,
Да видитъ дома всё здоровы;</p> <p>20. Да свекоръ-батюшка за вязкой (сѣти),
Да свекоръ-матушка за прилкой.</p> | <p>Да эго, хе.</p> | <p>21. Да деверья всё по работамъ,
Да всё золовки по бесѣдамъ.</p> <p>22. «Да затопи-тка, Дуня, баню,
Да вотъ безъ чаду, безъ угару.»</p> <p>23. «Да наколи-ка, Федоръ, дровецъ,
Да ты безъ щепокъ, безъ осколковъ.»</p> <p>24. Да истопила Дуня баню,
Да вотъ безъ чаду, безъ угару.</p> <p>25. «Да ты ступай-ка, Федя, въ баню.»
«Да ты пойдешь, Дуня, со мною.»</p> <p>26. Да какъ подходитъ Дуня къ банѣ,
Да рѣзвы ножки подломилась,</p> <p>27. Да бѣлы ручки опустились,
Да голова съ плечъ покатила.</p> <p>28. Да какъ пришелъ Федя изъ бани:
«Да ты поди-тка, матка, въ баню.»</p> <p>29. Да какъ подходитъ матка къ банѣ:
«Да ты чего, Федя, надѣлалъ!»</p> <p>30. Да головешка на трубешкѣ,
Да бѣлы груди на окошкѣ,</p> <p>31. Да бѣлы руки на полочкѣ,
Да рѣзвы ноги подъ порогомъ,</p> <p>32. Да рѣзвы ноги подъ порогомъ,
Да тулово ея подъ лавкой.</p> | <p>Да эго, хе.</p> |
|--|--------------------|--|--------------------|

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ.

24. Вавила.

Дер. Воротишино, Череповецкаго уѣзда.

ЗАПѢВЪ (говоркомъ). (На распѣвѣ). ХОРЪ.

Нѣсколько голосовъ.

1. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълѣптахъ, ку - да ты по-шла то?» «На тор-

ЗАПѢВЪ (говоркомъ). (На

жи-ще, мой батюшка, на тор - жи-ще.» 2. «Ба-ба, ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълѣптахъ, че-

распѣвѣ). ХОРЪ.

во у те - бя за пле-чамъ-то?». «Ко - ро - би-ще, мой батюшка, ко - ро - би-ще.»

ЗАПѢВЪ (говоркомъ).

(На распѣвѣ).

ХОРЪ.

3. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълаптыхъ, че-во у те-бя въ ко-ро-би-щѣ-то?». «Пи-ро-

ЗАПѢВЪ.

жи-ще, мой батюшка, пи-ро-жя-ще». 4. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-ди-ры-ня вълаптыхъ, на

(милко).

ХОРЪ.

что те-бѣ пи-ро-жя-ще-то?». «На по-мин-ки, мой батюшка, на по-мин-ки».

ЗАПѢВЪ.

5. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълаптыхъ, ко-го те-бѣ по-ми-нать-то?».

ХОРЪ.

ЗАПѢВЪ.

«Му-жа, мой батюшка, му-жа». 6. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълаптыхъ,

ХОРЪ (печально).

Какъ е-го зва-ли-то?». «По-за-бы-ла, мой ба-тющ-ка, по-за-бы-ла».

ЗАПѢВЪ.

ХОРЪ.

7. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълаптыхъ, на что онъ похож-то былъ?». «Па

ЗАПѢВЪ.

ви-ла, мой батюшка, на ви-ла». 8. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълѣпяхъ,

ХОРЪ.

зва-ли е-го, ко-ли такъ, Ва-ви-ла?». «Ва-ви-ла, мой батюшка, Ва-ви-ла».

ЗАПѢВЪ.

9. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълѣпяхъ, ка-кимъ ремесломъ онъ за-ни-мал-ся-то?».

ХОРЪ.

«Скри-поч-нымъ, мой ба-тюш-ка, ба-ла-ла-еч-нымъ».

ЗАПѢВЪ.

10. «Ба-ба ты, ба-ба, го-су-да-ры-ня вълѣпяхъ, ка-кі-я онъ пѣ-ни-то пѣлъ?». «Ахъ ты

ХОРЪ.

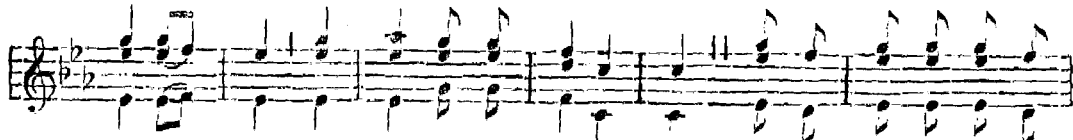

тон-ка-я, вы-со-ка-я мо-я, раз-ва-ли-ста-я, у-ха-би-ста-я. 11. Пырѣ,

ЗАПѢВЪ.

бырѣ, я на рын-кѣ бы-ла, Пырѣ, бырѣ, я го-рѣл-ку пи-ла. 12. Пырѣ, бырѣ, о-хме-

ли-ла - ея, пыръ, быръ, по-ва - ли-ла - ея. 12. Я сто - д - ла у со-

бо - ра, у две - реи, по - лю - биль ме - ня самъ ар - хи - о - реи. 13. Два по-

по-ви-ча съу - ма со - шли, два при - чет-ви-ка пия - сать по - шли. 14. Поць отъ

ри-зой за-пле - та - ет - оя, по - но - марь съзво-пу оби - ва - ет - ся.

